

АЗƏРБАЙҶАН ССР ЕЛМЛƏР АКАДЕМИЈАСЫНЫН

Х Э Б Ə Р Л Ə Р И

И З В Е С Т И Я

АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

ТАРИХ, ФƏЛСƏФƏ ВƏ ЁҮГҮГ СЕРИЈАСЫ

★

СЕРИЯ ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

№ 1

1985

«ЕЛМ» НƏШРИЈАТЫ—ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛМ»

БАҚЫ—БАКУ

А. И. ХАЛИЛОВ

**ОБЩЕСТВО ОБСЛЕДОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ
АЗЕРБАЙДЖАНА — ПЕРВЫЙ ЕДИНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РЕСПУБЛИКИ**

(к 60-летию создания)

Сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции, утвердившей первое в мире государство рабочих и крестьян, начался новый этап в развитии отечественной науки. В условиях советского строя коренным образом изменилось и само общественное назначение науки. Она стала общегосударственным делом, предметом постоянной заботы коммунистической партии и лично В. И. Ленина. Вождь Октября требовал поставить на службу нового общества все лучшее из достижений предшествующих поколений отечественной и мировой науки, «...превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма» [1, 382].

Молодое Советское государство приступило к организационному строительству науки, к созданию в стране широкой сети научно-исследовательских институтов и других видов научных учреждений.

Образование в 1922 г. Союза ССР явилось поворотным этапом в судьбах всех национальных советских республик, оказало благотворное влияние на развитие их экономики, науки и культуры. Сотни тысяч представителей рабочих и крестьян бывших национальных окраин пришли в науку, превратив ее из удела одиночек в творчество много-миллионного и многонационального советского народа.

При этом огромную роль сыграл самоотверженный труд русских ученых, терпеливо и бескорыстно передававших свои знания молодежи и представителям науки всех национальностей Советского Союза.

Одним из конкретных выражений ленинской национальной политики явилась развернутая Коммунистической партией и Советским правительством при активной помощи Академии наук СССР большая работа по созданию в союзных и автономных республиках самостоятельных высших научных центров.

В Азербайджане, где до установления советской власти не было ни одного научного учреждения, с помощью РСФСР и других братских советских республик была развернута энергичная работа по созданию государственной сети первых научно-исследовательских ячеек и институтов, а в феврале 1921 г. при Наркомате просвещения Азербайджанской ССР был организован академический отдел «для общего идейного руководства всей работой в области обучения и науки» [2].

В состав академического отдела наркомпроса республики были включены Азербайджанский государственный университет, Азербайджанский политехнический институт, Азгосмузей, Азгосархив, Азгосбиблиотека и все другие «школы и учреждения, являющие научный характер».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: З. М. Бунятов (главный редактор),
П. А. Азизбекова, И. Г. Алиев, А. М. Асланов, З. Б. Геюшев, Дж. Б. Гулиев,
Т. М. Кафаров, Ф. К. Кочарли, Н. М. Велиханова (ответственный секретарь),
А. К. Рзаев (зам. гл. редактора), Р. А. Сруджев, М. М. Саттаров, А. С. Сумбатзаде;

© Издательство «Элм», 1985 г.

Как известно, в соответствии с экономическими задачами восстановительного периода в Азербайджанской ССР, бывшей в 20—40-е годы главной нефтяной базой страны, во главу угла основных задач первых научных учреждений были поставлены исследования и научное разрешение проблем нефтяной геологии, техники бурения, нефтепереработки и нефтехимии, энергетики и др.

Коммунистическая партия и Советское правительство проявляли постоянную заботу о превращении Азербайджанского политехнического института в главную научно-исследовательскую базу отечественной нефтяной науки и техники. Многие русские ученые по зову партии приехали тогда в Баку и навсегда связали свою судьбу с Советским Азербайджаном.

Развитие естественных наук в республике было связано с высшими учебными заведениями, в первую очередь, с сельскохозяйственным факультетом Политехнического института им. Азизбекова и медицинским факультетом Азгосуниверситета.

Только в условиях советского строя, когда шел процесс становления общественных наук на основах марксизма-ленинизма, история Азербайджана впервые стала объектом самостоятельного научного исследования и появилась новая историческая дисциплина — история азербайджанского народа, представляющая неотъемлемую, органическую часть истории СССР.

Методологической основой для научной разработки истории Азербайджана и всех общественных наук в республике явились труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

Специальная комиссия, созданная решением Политбюро ЦК Компартии Азербайджана в феврале 1922 года развернула свою работу по переводу марксистской литературы на азербайджанский язык. Азербайджанские читатели имели возможность изучать на родном языке «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, произведения В. И. Ленина «О кооперации», «О продналоге» и другие. Особое важное значение имеет переведенное тогда на азербайджанский язык известное письмо В. И. Ленина «Товарищам — коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики» от 14 апреля 1921 года, в котором содержатся ценнейшие указания о путях осуществления политики партии в своеобразных условиях Закавказья. С 1920 по 1926 гг. на азербайджанском языке вышли из печати 26 трудов В. И. Ленина тиражом 130,5 тыс. экземпляров [3].

Впервые курс истории Азербайджана по древнему и средневековому периоду начал читаться в Азербайджанском государственном университете такими видными советскими востоковедами, как В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов и др.

Значительным толчком в деле изучения истории Азербайджана и стран Ближнего Востока явился состоявшийся в сентябре 1920 г. в Баку съезд народов Востока. В соответствии с его рекомендацией и по инициативе Н. Нариманова Совнарком Азербайджанской ССР принял 4 июля 1921 г. постановление об учреждении в Баку Института востоковедения и социальных наук как «высшего автономного, на началах выборности и коллегиальности научного учреждения» [4]. 10 февраля 1922 г. при названном институте было создано археологичес-

кое общество во главе с профессором Азгосуниверситета Л. Г. Лопатинским [5, 1]. Однако отсутствие кадров — историков, востоковедов и других специалистов а также материальных средств не позволило организовать по настоящему работу названного института.

Одним из первых исследовательских учреждений республики в области истории являлся и Азербайджанский государственный музей.

В целях глубокого изучения истории Азербайджана на основе документальных источников с января 1921 г. начал функционировать Азербайджанский государственный архив как первое в Закавказье советское государственное архивное учреждение [6]. Согласно утвержденному положению госархив занимался и научно-исследовательской работой.

В конце 1921 г. Политбюро и Оргбюро ЦК Компартии Азербайджана приняли постановление об учреждении Азистпарта, ставившего своей «целью собирание и обработку всех материалов, относящихся к истории Азербайджанской Коммунистической партии, истории Бакинского рабочего движения и истории освободительного движения на Ближнем Востоке» [7].

Идея создания в Советском Азербайджане единого центра научной мысли, вокруг которого сгруппировались бы научные работники, изучающие историю, культуру и природные богатства молодой республики, возникла среди интеллигенции еще в начале 1923 года. Инициативная группа ученых и организаторов науки обратилась в АзЦИК с предложением об учреждении Общества обследования и изучения Азербайджана. «...Неисчерпаемые природные и исторические богатства Азербайджана, — писали авторы записки, — настоятельнейшим образом требуют самого точного, научного и скорейшего изучения. В республике очень много выдающихся памятников старины. Самые широкие горизонты для научной работы открываются в области естественных богатств республики — нефть, рыба залежи и т. п. Трудно определить колоссальные возможности в использовании хлопководства, земледелия и т. п.» [8].

По поручению правительства республики, коллегия народного комиссариата просвещения Азербайджанской ССР приняла в мае 1923 г. постановление об учреждении Общества обследования и изучения Азербайджана — первого единого научного центра республики, утвердила его временный устав. Первоначально общество находилось при Наркомате просвещения Азербайджанской ССР и финансировалось по его смете. На первом учредительном собрании 2 ноября 1923 г. почетными председателями Общества обследования и изучения Азербайджана были избраны Нариман Нариманов и Самед-Ага Агамалиоглы. Почетными действительными членами Общества стали председатель Совнаркома Азербайджанской ССР Газанфар Мусабеков, нарком земледелия республики Дадаш Буннат-заде, известные советские востоковеды — академики В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург (непременный ученый секретарь Академии наук СССР), профессора Ленинградского государственного университета И. И. Мещанинов и А. Н. Самойлович [9, 127—129].

Действительными членами общества являлись видные общественные деятели Рухулла Ахундов, Гамид Султанов, Султан Меджид Эфендиев, Таги Шахбази, Чингиз Ильдым, профессора — М. В. Аб-

рамович, Н. И. Ашмарин, Е. И. Байбаков, А. И. Багрий, Г. С. Губайдуллин, Х. Мелик-Асланов, И. Г. Есьман, В. П. Смирнов-Логинов, П. К. Жузе, Бекир Чобан-заде, П. П. Фридолин, И. В. Фигуровский, доценты: А. Везир-заде, И. Датиев, Е. А. Пахомов, В. М. Сысоев, этнограф А. Алекперов археолог Исак Джафар-заде и др. В состав действительных членов общества были избраны также нарком просвещения республики Мустафа Кулиев, писатели — Абдулрагим Ахвердов, Сулейман Сани Ахундов, Джалил Мамедкулизаде, директор бакинско-ю музыкального техникума Узейр Гаджибеков, директор «Азернешр» Ханафи Зейналлы, директор Азгосархива Абдулла Субхан-Вердиханов, редактор журнала «Экономический вестник Азербайджана» Мамед Гасан Бахарлы-Велиев, редактор журнала «Нефтяное хозяйство Азербайджана» И. Ф. Блинов, председатель Республиканского комитета профсоюза работников просвещения Панах Касумов и др.

Председателем президиума центрального совета Общества обследования и изучения Азербайджана являлся редактор республиканской газеты «Коммунист» Габиб Джабиев. Заместителями председателя президиума были писатель Абдулрагим Ахвердов и Гамид Султанов, ученым секретарем президиума Общества работал А. Р. Зифельдт — член контрольной комиссии ЦК АКП(б), эстонец по национальности.

Общество первоначально имело в своем составе три секции: историко-этнографическую, экономическую и естественно-научную. В целях организации исследований по конкретным областям знания при секциях были созданы научные комиссии и подкомиссии.

Общество обследования и изучения Азербайджана основное место в своей деятельности отводило археологическому обследованию территории республики и в этих целях выступило инициатором создания летом 1923 г. специального Археологического комитета. В соответствии с Положением, утвержденным ЦИК АзССР, Археологический комитет являлся «центральным руководящим органом по вопросам охраны, регистрации, изучения и наблюдения за памятниками старины и искусства» в пределах республики [10].

Председателем республиканского Археологического комитета являлся секретарь АзЦИКа Таги Шахбази, а его почетным председателем — академик В. В. Бартольд.

В состав Азербайджанского Археологического комитета входили: Александрович Джамиль Искендер оглы (зам. председателя), Нейматулла Шахтагинский (нач. Управления Наркомпроса республики), Е. А. Пахомов (доцент Азгосуниверситета), Д. Шарифов (директор Азгосмузея), В. М. Сысоев (ответственный секретарь комитета).

Для вовлечения в работу широкой общественности и оказания содействия в осуществлении поставленных задач Обществом обследования и изучения Азербайджана организовало свои отделения в уездах республики, в Нахичеванской АССР и Нагорно-Карабахской автономной области.

В целях установления тесной связи с научной общественностью центральных городов РСФСР в 1923—1924 гг. отделения Общества были созданы в Ленинграде и Москве. Ленинградское отделение возглавлял академик В. В. Бартольд. К работе были привлечены многие известные ученые Москвы и Ленинграда. В письме директора Российской Академии материальной культуры академика Н. Я. Марра говорилось: «... готов охотно принять участие в работах Общества

обследования и изучения Азербайджана по этнографической части» [11].

Историко-этнографическая секция, объединившая 204 специалиста по истории, этнографии, археологии и языку, явилась инициатором проведения ряда крупных мероприятий, имевших всесоюзное значение: в 1924 году — всеазербайджанский краеведческий съезд; в 1926 году — всесоюзный тюркологический съезд по новому алфавиту.

Первый всеазербайджанский краеведческий съезд проходил в Баку 21—24 сентября 1924 г. в здании дворца просвещения, где помещалось Общество обследования и изучения Азербайджана (ныне Президиум Академии наук Азербайджанской ССР). В его работе приняли участие: Председатель ЦИК СССР Н. Нариманов, ученый секретарь Академии наук СССР академик С. Ф. Ольденбург, группа видных ученых Всесоюзной Ассоциации востоковедения и Бюро краеведения РСФСР, деятели науки и культуры республики, представители уездных отделений Общества обследования и изучения Азербайджана, делегации краеведов Грузии, Армении, Дагестана и Северокавказских автономных республик.

Съезд открыл председатель ЦИК Азербайджанской ССР С. А. Агамалиоглы. На пленарных и секционных заседаниях были заслушаны доклады: «Отчет о деятельности историко-этнографической секции Общества обследования и изучения Азербайджана» (А. Ахвердов), «Методы организации краеведческой работы» (Г. Джабиев и проф. И. В. Фигуровский), «Памятники древности и об организации археологических исследований в Азербайджанской ССР» (Т. Шахбази и В. М. Сысоев), «Значение истории древнего Востока в истории Азербайджана» (проф. Е. И. Байбаков), «О монетных кладах Азербайджана» (доцент Е. А. Похомов), «Художественные памятники Азербайджана» (проф. В. М. Зуммер), «Музейное дело в Азербайджане» (Д. М. Шарифов), «Об архивных фондах» (А. Субхан-Вердиханов) и др. [12].

На заседаниях экономической и естественно-научной секций были обсуждены доклады ученых, связанных с восстановлением в Азербайджане хлопководства, почвенными и ботаническими обследованиями республики, изучением рыбных богатств и минеральных источников, экономики Нагорного Карабаха и Нахичеванского края, устройством заповедников и др.

По докладу Н. Нариманова съезд краеведов принял решение о необходимости созыва в Баку всесоюзного тюркологического съезда, образовал в этих целях специальную комиссию по новому алфавиту под председательством С. А. Агамалиоглы; поручил президиуму Общества обследования и изучения Азербайджана «...создать научную библиотеку с отделом рукописных и старопечатных изданий; организовать школу для подготовки кадров по азербайджановедению; учредить издательство по выпуску научных книг и литературы».

Съезд принял резолюцию о развертывании в республике в широких масштабах научно-исследовательских работ в области археологии и этнографии.

Первый Всесоюзный тюркологический съезд проходил в Баку с 26 февраля по 5 марта 1926 г. Он собрал 600 делегатов научной об-

шественности республик, краев и областей СССР, а также зарубежных ученых [13].

В соответствии с постановлением ЦК АКП (б) Наркомпрос республики, алфавитная комиссия Общества обследования и изучения Азербайджана (С. А. Агамалиоглы, Р. Ахундов, Р. Джабиев, проф. Б. Чобан-заде, проф. Н. И. Ашмарин, В. Хулуфлу и др.), вузы и общественные организации провели большую подготовительную работу. Обществом была организована специальная выставка, показывающая в наглядной форме все алфавитные системы, которыми пользовались тюркоязычные народности СССР, а также проекты предлагаемых реформ этих алфавитов.

На съезде были заслушаны доклады видных ученых-востоковедов страны, большинство которых высказались за переход на латинизированный алфавит.

В целях координации усилий по введению нового алфавита в 1926 г. был создан Всесоюзный Центральный комитет нового тюркского алфавита (ВЦКНТА) под председательством С. А. Агамалиоглы. От Азербайджанской ССР в его состав вошли Р. Ахундов, Т. Гусейнов, Г. Джабиев и М. Кулиев [13]. За короткий срок новый алфавит был принят всеми тюркоязычными республиками и областями СССР. В этой связи азербайджанские ученые выезжали в Казахскую, Узбекскую, Туркменскую, Таджикскую республики, в Крым, Татарию, Башкирию для оказания им практической помощи. Высоко оценивая проведенную в этом направлении работу, А. М. Горький писал: «Азербайджанский народ сделал решительные шаги перед всеми восточными народами и, проводя в жизнь новый алфавит, показал всем народам дорогу в будущее».

К 1926 году в созданной научной библиотеке Общества (ее первым директором был проф. А. И. Багрий, украинец по национальности) насчитывалось 15 тысяч книг, в основном на восточных и западных языках [14]. Издательство Общества за 1925—1926 гг. выпустило около 30 книг по различным вопросам азербайджановедения и востоковедения [15].

Изданный Обществом обследование и изучения Азербайджана труд академика В. В. Бартольда под названием «Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира» стал ценным произведением по истории Азербайджана и Ближнего Востока. Труды академика И. И. Мещанинова «Доисторический Азербайджан и Урартская культура», доцента Е. А. Пахомова «Монетные клады Азербайджана», работы В. М. Сысоева, В. В. Миллера, Г. З. Губайдуллина, А. Р. Зифельда, П. К. Жузе и других сыграли значительную роль в изучении истории и материальной культуры Азербайджана.

Общество имело свой печатный орган — «Известия». В семи его номерах печатались отчеты о проводимых Обществом археологических, этнографических экспедициях, доклады и статьи по вопросам истории и археологии, языкознания, изучения флоры и фауны и др. Многие экземпляры книги брошюр Общества, получивших известность в СССР и за границей, посылались в порядке книгообмена.

В отличие от гуманитарных факультетов Азгосуниверситета, занимавшихся преимущественно освещением истории азербайджанского народа по письменным источникам, Общество занималось планомер-

ным археологическим обследованием территории республики, проводило свою работу в тесной связи с учеными Академии наук СССР.

Археологическое изучение Азербайджана, проводимое в 1926—1928 гг. под руководством академика И. И. Мещанинова при активном участии первых азербайджанских ученых А. Алекперова, И. Джафарзаде, С. Казиева и других в Нахичеванской АССР и НКАО выявило археологические культуры периода развитой бронзы и раннего железа. Первая из них была названа Кызылванской по имени монастыря, вблизи которого находились раскопанные древние погребения, а вторая Ходжалинской. Вскоре в местности на юго-восток от г. Шеки были обнаружены погребения, получившие названия Ялойлуталинских.

При Обществе обследования и изучения Азербайджана существовала школа азербайджановедения. В числе ее слушателей были студенты тех лет, будущие академики Юсуф Мамедалиев, Мамед Ариф Дадашзаде, Мехти Мехти-заде, Садых Дадашев, Микаэль Усейнов, Умниса Мусабеева, будущие историки Мехти хан Векилов, Али Гусейн-заде, Губат Касумов и другие.

Еще 5 сентября 1925 г. АзЦИК признал необходимым Общество обследования и изучения Азербайджана передать в ведение Азербайджанского Центрального исполнительного комитета «ввиду особой важности его работы».

В 1929 году постановлением Азербайджанского Центрального исполнительного комитета от 9 октября 1929 г. на базе Общества был учрежден Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт (АзГНИИ) при АзЦИКе.

Таким образом, Общество обследования и изучения Азербайджана за шесть лет своей деятельности сыграло важную роль в становлении и развитии науки в Советском Азербайджане в 20-е годы, способствовало учреждению и расширению государственной сети первых исследовательских учреждений, формированию первых отрядов научной интеллигенции.

Став единым научным центром республики, общество с успехом выполнило свою уставную задачу «по планомерному обследованию и изучению Азербайджана в отношениях экономическом, социально-историческом, этнографическом, археологическом и лингвистическом, а также распространению знаний об Азербайджане». Оно работало в тесном контакте с Академией наук СССР и научными центрами братских республик, обменивалось изданиями с рядом зарубежных стран.

Примечания

¹ Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 26 мая 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 36.

² ЦГАОР АзССР, ф. 57, от. I, д. 176, л. 10.

³ ПААФ ИМЛ при ЦК КПСС, ф. I, оп. 74, ед. хр. 126, лл. 122—124; Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана — Баку, 1963.

⁴ СУ АзССР, 1921, № 7, ст. 222.

⁵ Изв. Азерб. археол. ком., 1925, вып. 1.

⁶ СУ АзССР, 1921, ст. 112.

⁷ Бакинский рабочий, 1921, 21 дек; Изв. ЦК АКП (б), 1922, № 1, с. 14.

⁸ ЦГАОР АзССР, ф. 379, от. 3, д. 2988, л. 84.

⁹ Изв. ООИА, 1925, № 1.

¹⁰ СУ АзССР, 1921, № 12, ст. 256.

- ¹¹ ЦГАОР, АзССР, ф. 389, от. 1, д. 1, л. 66
¹² ЦГАОР АзССР, ф. 57, от. 8, д. 11, л. 6—9.
¹³ ЦГАОР АзССР, ф. 389, от. 1, д. 70, 1—5.
¹⁴ Архив АН АзССР, ф. 10, архив 121, кор. 5, с. 1, 31.
¹⁵ ЦГАОР АзССР, ф. 57, от. 8, д. 11, л. 6—9.

А. И. Халилов

СОВЕТ АЗЕРБАЙДЖАНЫНЫ ИЛК ВАИД ЕЛМ МАРКЭЗИ (Азербайджаны өйрөнөн вэ тэдгиг едэн чэмијјэтин 60 илијинэ)

Н. Нермановун тэшббүсү вэ бир груп көркэмли ичтимаи хадим вэ алим тэрэфиндэн јарадылмыш бу чэмијјэт республиканын тэбиэт едмләри вэ ичтимаи елмләр саһәсиндә чалышан алимләрини өз әтрафында топлајараг ССРИ Елмләр Академијасы вэ гардаш республикаларын елм маркәзләри илә сых әлағә шәрантиндә ишләмиш, Шимали Азербайджаны планлы сурәтдә өйрәнмәк вэ тэдгиг етмәк, тарих елмишин формалашмасы вэ инкишафы, итисадијјатын вэ дилчилијин тэдгиги саһәсиндә чох иш көрмүшдүр.

Көркәмли дәвләт хадимләри С. А. Ағамалы оғлу, Солтан Мәчид Әфәндијев, Гәзәнфәр Мусабәјов, Дадаш Бүнјадзадә, Руһулла Ахундов, Нәмид Султанов, Чинкиз Илдырым, А. П. Серебровски, Тағи Шаһбази, Нәбиб Чәбијев вэ башгалары, мәшһур совет алимләриндән академик В. В. Бартолд, академик Н. Ј. Марр, академик С. Ф. Олденбург, академик И. М. Мешшанинов вэ башгалары бу чэмијјэтин ишиндә фәал иштирак етмиш вэ онун һәгиги үзвләри олмушлар.

Азербайджан ССР Елмләр Академијасынын Әлјазмалары Фонду, Академијанын Мәркәзи Китабханасы вэ «Елм» нәшријјатынын әсасы мәһз республиканын бу илк ваид елм маркәзинин фәалијјәти илә бағлыдыр.

Чэмијјэтин иттифаг әһәмијјәтли тәдбирләриндән бири дә 1926-чы ил февралын 26-дан мартын 5-дәк Бақыда кечирилән I Үмүмиттифаг јени әлифба гурултајы иди. Бу гурултајда ССРИ-нин милли республикаларындан вэ вилајәтләриндән 600 нәфәрә гәдәр дилчи, әдәбијјатчы, шәргшүнас, тарихчи алим иштирак едирди.

Савадсызлыгын ләгв едилмәси саһәсиндә Азербайджан дилинин хүсусијјәтләринә ујғун кәлмәјән көһнә әрәб әлифбасындан тәдричән јени әлифбаја кечилмәсинин бөјүк әһәмијјәти олду. Бу јени әлифбанын Шәрг халqlары үчүн дә көмәји бөјүк иди.

АЗЕРБАЙДЖАН ССР ЕЛМЛӘР АКАДЕМИЈАСЫНЫН ХӘБӘРЛӘРИ
Тарих, фәлсәфә вэ һүгүг серијасы, 1985, № 1

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
Серия истории, философии и права, 1985, № 1

Г. Ю. НАМАЗОВ

РОСТ И ПОВЫШЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО УРОВНЯ РАБОЧИХ СОВХОЗОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР (1951—1958 годы)

В период упрочнения и развития социализма неуклонно возрастала ведущая роль рабочего класса как главной производительной, общественно-политической и социальной силы советского общества. В условиях развитого социализма с каждым годом продолжало расти и укрепляться его влияние во всех сферах общественной жизни. Рабочий класс стал большинством трудового народа. Ныне он составляет две трети занятого населения [1, 52]. «Долг партии, — подчеркнул в речи на внеочередном февральском (1984 г.) Пленуме ЦК партии товарищ К. У. Черненко, — постоянно сверять свой курс, свои решения, действия прежде всего с мыслями рабочего класса, с его громадным социально-политическим и классовым чутьем» [2, 9].

Укрепление ведущей роли рабочего класса в жизни советского общества связано с его количественным и качественным ростом, повышением его идейно-политической зрелости, культурно-технического уровня. В материалах XXIV съезда КПСС сказано: «Укрепление ведущей роли рабочего класса, безусловно, связано с ростом его идейно-политической зрелости, образованности и профессиональной квалификации» [1, 52].

В свете сказанного в данной статье автор ставит целью рассмотреть количественные и качественные изменения в составе рабочего класса конкретно на примере его совхозного отряда по Азербайджанской ССР. Необходимость в этом вызвана актуальностью и неразработанностью темы. До настоящего времени сдвиги в численности и составе рабочих совхозов республики, а также рост их культурно-технического уровня в 1951—1958 гг. не нашли своего освещения в исторической литературе. Лишь некоторые данные по интересующей нас проблеме встречаются в монографиях Ю. Н. Юсифова, А. М. Эльдарова и Б. С. Гурбанова [3].

Разработка упомянутых вопросов представляет большой научный интерес и имеет важное практическое значение. Учитывая то, что в одной журнальной статье невозможно охватить все аспекты проблемы, автор сосредоточил свое внимание на исследовании главных вопросов темы.

Подавляющее большинство рабочих и служащих государственно-го сектора сельского хозяйства республики в указанный период составляли работники совхозов. А в совхозах ведущее место занимали производственные рабочие, число которых увеличилось с 11,2 тыс. в 1950 г. до 17,0 тыс. в 1958 г. [4].

Рабочие совхозов становились в деревне большой социальной силой, возрастала их ведущая роль в сельскохозяйственном производстве, в общественно-политической жизни села.

В исследуемые годы отмечены значительные сдвиги в половозрастном, национальном составе совхозных рабочих, в их стаже непрерывной работы, в квалификационном уровне и профессии.

Важным качественным показателем является стаж непрерывной работы. На 1 апреля 1957 г. количество рабочих и служащих совхозов Азербайджанской ССР, имевших стаж непрерывной работы 10 лет и выше, составляло 26,9%, от 5 до 10 лет — 17,3% [5]. Как видно, работники совхозов по стажу непрерывной работы еще были молодыми, что создавало определенные трудности в работе. Рабочий, длительное время специализируясь в одной области, лучше овладевает своей специальностью, неуклонно повышает свой культурно-технический уровень, успешно справляется с порученным делом.

Одним из важнейших показателей дееспособности рабочих кадров является их возрастной состав. В рассматриваемые годы он не претерпел существенных изменений у работников совхозов республики. Основную часть совхозных работников составляли лица в возрасте 24—49 лет, доля которых в 1957 г. равнялась 56,2% против 51,2% в 1953 г. [5].

В 1951—1958 годах женщины представляли огромную общественную силу в народном хозяйстве страны, в том числе Азербайджанской ССР.

Женщины играли важную роль и в совхозном производстве, как и во всем сельском хозяйстве. Среднегодовая численность женщин-рабочих и служащих в совхозах, подсобных и прочих производственных сельскохозяйственных предприятиях увеличилась с 8,1 тыс. чел. в 1950 г. до 8,9 тыс. чел. в 1955 г. и 9,3 тыс. чел. в 1960 г., что составляло 33% всех работников [6, 34, 36].

Женщины трудились почти во всех отраслях совхозного производства. В 1958 г. на сельскохозяйственных работах было занято 10962 женщины, 16 из них работали заведующими фермами, 69 — бригадирами, 21 — звеньевыми, 117 — трактористами и комбайнерами, 201 — скотницами и телятницами, 827 — доярками, 152 — коныхами, 218 — свинарками, 297 — пастухами, 240 — птицеводами, 572 — садоводами и виноградарями, 95 — овощеводами и бахчеводами и др. [7, 109]. Немало женщин насчитывалось в числе агрономов, зоотехников, ветеринарных работников, экономистов, бухгалтеров, счетоводов, учеников и других работников.

Одним из показателей качественного роста рабочих совхозов явились сдвиги в их профессиональной структуре, что свидетельствовало о постоянном устранении различий между умственным и физическим трудом, между городом и деревней. Значительно возросла численность механизаторских кадров в сельском хозяйстве. Число трактористов, комбайнеров и шоферов в совхозах увеличилось с 603 чел. на 5 мая 1950 г. до 1853 чел. на 1 сентября 1959 г., т. е. более, чем в три раза [8]. С каждым годом намечался рост квалификационного уровня рабочих-механизаторов в совхозах. В 1958 г. в совхозах функционировали 4 комплексных бригады [7, 108], члены которых, владея несколькими профессиями, при необходимости справлялись с любой работой. Это давало возможность экономить время и повышать производительность общественного труда.

Как в других отраслях народного хозяйства, так и в сельском

хозяйстве Азербайджанской ССР, многонационален был состав коллективов трудящихся. В совхозах республики национальный состав рабочих и служащих в 1951—1958 гг. не претерпел каких-либо серьезных изменений. Среди них были азербайджанцы, русские, армяне, грузины, украинцы, осетины, лезгины и представители других национальностей [9, 313]. Но подавляющее большинство работников совхозов составляли азербайджанцы. Так, 78,7% рабочих, занятых в совхозном производстве в 1957 г., были азербайджанцы [10, 68].

В республике имелось много совхозов с интернациональным составом. Например, виноградарный совхоз им. Низами в Кировабаде. В 1958 г. в этом хозяйстве трудились 385 азербайджанцев, 98 русских, 84 армянина и 27 представителей других национальностей [11].

Таким образом, 1951—1958 годы ознаменовались количественным ростом и качественными изменениями в составе совхозного отряда рабочего класса Азербайджанской ССР. Это явилось органической составной частью социально-экономического развития социалистического общества в период упрочения и развития социализма.

Непрерывный рост культурно-технического уровня трудящихся является объективной закономерностью в условиях социализма. Чем выше культурно-технический уровень людей, тем активнее они участвуют в решении задач, выдвигаемых Коммунистической партией, добиваются еще больших успехов во всех областях политической и социально-экономической жизни.

Как известно, основой повышения культурно-технического уровня советских людей является их общеобразовательная подготовка. Она определяет общую культуру человека и служит базой для приобретения и совершенствования ими профессионально-технических знаний, повышения их квалификации. Основы знаний и мировоззрения человека закладываются в общеобразовательной школе. Именно поэтому партия и правительство проявляли и проявляют большую заботу об общеобразовательной школе. Об этом еще раз свидетельствует реформа общеобразовательной и профессиональной школы, принятая Верховным Советом СССР в апреле 1984 года.

Благодаря претворению в жизнь всеобщего обязательного семилетнего образования и осуществлению мер по укреплению связи общеобразовательной школы с жизнью, к концу 50-х годов ряды совхозных рабочих в Азербайджане, как и во всей стране, стали пополнять юноши и девушки с более высоким общеобразовательным уровнем и определенными трудовыми и производственными навыками. Широкое развитие получило всеобщее среднее образование.

Повышение общеобразовательной подготовки совхозных рабочих, уже занятых на производстве, происходило через вечерние школы сельской и рабочей молодежи. Обучение без отрыва от производства повышало общеобразовательный уровень рабочих, способствовало развитию их теоретических знаний и общего кругозора, росту коммунистической сознательности. Школы сельской молодежи в Азербайджане развивались успешно. Если в 1950/51 учебном году в них не обучалось ни одного ученика 8—10 классов, то в 1957/58 учебном году в 8—10 классах получило образование 3368 учащихся [12, 50, 51].

В результате проведенных мер значительно возрос общеобразовательный уровень трудящихся Азербайджанской ССР. На 15 янва-

ря 1959 г. в совхозах республики на 1000 занятых имели высшее образование 18 чел., среднее специальное и незаконченное высшее — 30 чел., среднее общее, включая неполное среднее — 281 чел., начальное и незаконченное семилетнее — 242 чел. [7, 68].

По мере дальнейшего технического оснащения совхозного производства в исследуемый период возрастала потребность в квалифицированных кадрах. Это прежде всего требовало подготовки квалифицированных механизаторов. Механизатор становился центральной фигурой как в совхозном, так и в колхозном производстве. В соответствии с решением сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС 12 школ механизаторов в Азербайджанской ССР с 1 октября 1953 г. были реорганизованы в школы механизации сельского хозяйства с шестимесячным и годичным сроком обучения. Эти школы были переданы в систему Управления трудовых резервов республики [13]. Четыре ремесленных училища были реорганизованы в школы механизации сельского хозяйства [13]. Число школ механизации сельского хозяйства увеличилось с 10 в 1951 г. [14] до 16 в 1958 г. [15].

В результате довольно широкими стали масштабы подготовки для колхозов и совхозов квалифицированных механизаторских кадров. В 1954—1958 гг. в школах механизации сельского хозяйства и ремесленных училищах было подготовлено 17068 механизаторов [16, 163].

Таким образом, колхозы и совхозы стали получать более подготовленных механизаторов. Училища механизации сельского хозяйства выпускали трактористов-машинистов широкого профиля, трактористов с квалификацией слесаря, механиков-комбайнеров, электромонтеров и других специалистов.

Исследуемые годы характеризуются духовным ростом советских людей. В подъеме культуры и уровня коммунистического воспитания трудящихся большое значение имела идейно-политическая работа партийных, советских и общественных организаций, система партийного и комсомольского просвещения. В 1957/58 учебном году в Азербайджане политической учебой было охвачено 137 240 чел. [17] против 133 тыс. чел. в 1950/51 учебном году [18, 99].

Существенную роль в повышении культурно-технического уровня рабочих, колхозников и интеллигенции сыграли культурно-просветительные учреждения. В. И. Ленин подчеркивал: «В партийной работе мы выработали свои навыки широкого воздействия на массы, но их нужно соединить с методами культурно-просветительными...» [19, 463—464].

В системе культурно-просветительных учреждений главным центром политико-воспитательной работы среди населения являются библиотеки. В Азербайджане функционировала широкая сеть библиотек. Так, если в 1950 г. только в сельских местностях республики было 2009 библиотек, книжный фонд которых насчитывал 1533,3 тыс. экземпляров, то в 1958 г. число библиотек достигло 2190 с книжным фондом 6726,5 тыс. экземпляров [12, 92—93]. Библиотеки использовали самые различные формы и методы массово-политической работы. Образцово обслуживали рабочих библиотеки совхозов. Так, в 1958 г. библиотека Агдамского мясо-молочного совхоза насчитывала 400 чи-

тателей. Она часто проводила беседы, доклады и лекции, организовывала читательские конференции и литературные диспуты [20].

Немаловажную работу для повышения культурного уровня трудящихся села проводили клубные учреждения. Их разнообразные мероприятия вызвали глубокий интерес у населения, в том числе у рабочих совхозов Азербайджана. Число сельских клубов в системе Министерства культуры республики возросло с 1218 в 1950 г. до 1295 в 1958 г., а профсоюзных клубов соответственно — с 8 до 30 [12, 104—105].

В повышении культурного уровня трудящихся, в том числе рабочих совхозов, исключительная роль принадлежит средствам массовой информации. В Программе КПСС говорится: «Формирование нового человека происходит в процессе активного участия в строительстве коммунизма, развития коммунистических начал в экономической и общественной жизни, под воздействием всей системы воспитательной работы партии, государства и общественных организаций, в которой важная роль принадлежит печати, радио, кино и телевидению» [21, 17].

Печать, являющаяся верным помощником Коммунистической партии, успешно выполняла роль коллективного пропагандиста, агитатора и организатора трудящихся. Число газет, издававшихся в Азербайджане, возросло с 94 в 1950 г. до 118 в 1958 г., из них 69 были районными газетами. За это время их разовый тираж увеличился с 415 тыс. до 704 тыс. экземпляров [12, 136, 139]. Кроме того, в 1958 г. выходило 73 журнала и других периодических изданий тиражом 3696 тыс. экземпляров против 24 в 1950 г. тиражом 657 тыс. экземпляров [12, 134—135]. Совхозные рабочие ежегодно выписывали центральные, республиканские и местные газеты.

Делу повышения культурно-технического уровня совхозных рабочих, коммунистического воспитания служили книги. Книга стала достоянием широких рабочих масс. Издание книги в республике увеличилось с 1030 названий тиражом 7967 тыс. экземпляров в 1950 г. до 1075 названий тиражом 8320 тыс. экземпляров в 1958 г. [12, 132—133].

Массовым средством коммунистического воспитания и повышения культурно-технического уровня трудящихся явилось кино. В. И. Ленин назвал его важнейшим из всех искусств. В исследуемые годы в Азербайджане неуклонно увеличивалось количество киноустановок и улучшилось кинообслуживание населения. В 1958 г. в сельской местности республики насчитывалось 743 киноустановки против 341 в 1950 г. За 1951—1958 г. число посетивших киносеансы увеличилось здесь более чем в 5 раз [12, 124—125].

В деле повышения культурно-технического уровня, политического и эстетического воспитания трудящихся, ознакомления их с достижениями науки, культуры, распространения опыта новаторов производства важную роль играло радио. С каждым годом оно делалось достоянием все новых и новых тысяч тружеников республики. Так, в 1958 г. количество радиоприемных точек в сельской местности составляло 185 тыс. и радиоприемников — 26,5 тыс. [22, 212].

В формировании и совершенствовании духовного облика советских людей, в том числе аграрного отряда рабочего класса, немаловажную

роль играли художественная литература и искусство. В рассматриваемые годы литература и искусство Азербайджана обогатились новыми произведениями, отображающими передового советского человека, героический труд и быт тружеников республики, их борьбу за мир и дружбу народов.

Социализм сделал трудящихся не только активными «потребителями» литературного и художественного творчества, но и непосредственными творцами социалистической культуры. Одним из ярких показателей этого явился широкий размах самодеятельного народного творчества, которое стало важной формой идейно-политического и художественного воспитания, культурного отдыха трудящихся Азербайджана в период упрочнения и развития советского общества. Если в 1950 г. в сельских домах культуры и клубах республики функционировало 692 кружка художественной самодеятельности с охватом 6,1 тыс. чел., то в 1958 г. число таких кружков достигло 1199, а участников в них — 21,3 тыс. чел. [12, 106—107].

Участие в кружках и коллективах художественной самодеятельности положительно сказывалось на развитии эстетических вкусов и творческих талантов рабочих, способствовало повышению их общекультурного уровня. Самые талантливые исполнители отбирались и направлялись в специальные школы для дальнейшего совершенствования их способностей. В 1954—1958 гг. из среды участников коллективов художественной самодеятельности было выявлено и вовлечено в ряды профессиональных исполнителей свыше 500 молодых талантов [23].

Таким образом, благодаря повседневной заботе Коммунистической партии и Советского правительства в годы упрочения и развития социалистического общества планомерно и неуклонно расширялись масштабы повышения культурно-технического уровня трудящихся, в том числе рабочих совхозов Азербайджанской ССР. Этому же способствовал рост их общеобразовательного, профессионального и культурного уровня. Повышение культурно-технического уровня совхозных рабочих, как и всех трудящихся, сопровождалось ростом их политической, трудовой и творческой активности, дальнейшим развитием производительных сил и производственных отношений, ускорением технического прогресса, улучшением организации производства.

Примечания

- ¹ Материалы XXIV съезда КПСС. — М., 1981.
- ² Коммунист, 1984, № 3.
- ³ Юсифов М. Н. Деятельность Коммунистической партии Азербайджана по созданию и развитию совхозов. — Баку, 1967 (на азерб. языке); Эльдаров А. М. Рост рабочего класса Азербайджана на этапе развитого социализма. — Баку, 1978; Гурбанов Б. С. Рабочий класс Азербайджана на пути к развитому социализму (1945—1958 гг.). — Баку, 1982.
- ⁴ Развитие народного хозяйства Азербайджанской ССР и рост материального и культурного уровня жизни народа: Стат. сб. — Баку, 1961, с. 88, 182; Советский Азербайджан за 50 лет: Стат. сб. — Баку, 1970, с. 156; Архив ЦСУ АзССР, ф. 1, оп. 11, д. 3245, лл. 31, 45, 58; д. 3748, лл. 18, 118; д. 3265, лл. 21, 65, 102, 133, 168; д. 3325, л. 16; оп. 20, д. 26, лл. 15, 49, 154; 345 (подсчеты автора).
- ⁵ Текущий архив ЦСУ АзССР. Данные отдела труда и зарплаты (подсчеты автора).
- ⁶ Женщины Азербайджанской ССР: Стат. сб. — Баку, 1972.
- ⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Азербайджанская ССР. — М., 1963.

⁸ Народное хозяйство Азербайджанской ССР: Стат. сб. — Баку, 1957, с. 312; Достижения Советского Азербайджана за 40 лет в цифрах: Стат. сб. — Баку, 1960, с. 135 (подсчеты автора).

⁹ Советское Закавказье в братской семье народов СССР. — Баку, 1961.

¹⁰ Эльдаров А. М. Рост рабочего класса Азербайджана на этапе развитого социализма. — Баку, 1978.

¹¹ Текущий архив статистической инспекции г. Кировабада. Таблица механического продвижения рабочих за 1951—1958 гг.

¹² Культурное строительство Азербайджанской ССР: Стат. сб. — Баку, 1961.

¹³ ЦГАОР АзССР, ф. 271, оп. 16, д. 2, л. 245.

¹⁴ ПААФ ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 267, д. 189, л. 15.

¹⁵ Архив Комитета профтехобразования при Совете Министров АзССР, ф. 1, оп. 1, д. 67, л. 138.

¹⁶ Алиев А. А. Некоторые вопросы колхозного строительства. — Баку, 1967 (на азерб. языке).

¹⁷ ПААФ ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 388, д. 13, л. 122.

¹⁸ Тр. Азерб. филлала ИМЛ при ЦК КПСС. — Баку, 1959, т. 23.

¹⁹ Ленин В. И. Речь на II Совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования 24 января 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 37.

²⁰ Ленин йолу, 1958, 19 янв.

²¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1971.

²² Достижения Советского Азербайджана за 40 лет в цифрах: Стат. сб. — Баку, 1960.

²³ ПААФ ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 62, д. 131, л. 147.

Г. Я. Намазов

АЗЕРБАЙДЖАН ССР СОВХОЗ ФЭНЛЭЛЭРИНИН АРТМАСЫ ВЭ МЭДЭНИ-ТЕХНИКИ СЭВИЛЛЭСИНІН ЈУКСЭЛМƏСИ

(1951—1958-чи иллэр)

Сосиализмин мөһкәмләндирилмәси вә инкишафы дөврү совет фәһлә синфинин, о чүмләдән Азербайжан совхоз фәһләләринин кәмијјәт вә кејфијјәтчә артмасы, мэдәни-техники сәвијјәсинин јуксәлмәси илә әләмәтдардыр. Республика совхоз фәһләләринин сәјы 1950-чи илдәки 12,2 мин нәфәрдән артыб 1958-чи илдә 17 мин нәфәр олмушдур. Тәдгиг олунан илләрдә фәһләләрин фәсиләсиз иш стажында, пешә тәркибиндә мүсбәт дәјишкликләр баш вермишдир.

Зәһмәткешләрин мэдәни-техники сәвијјәсинин дурмадан јуксәлдилмәси сосиализм шәраитиндә объектив ганунаујунлугдур. Коммунист Партијасы даим зәһмәт адамларынын мэдәни-техники вә сәјаси сәвијјәсинин јуксәлтмәк гајғысына галыр. 1951—1958-чи илләрдә Азербайжанда үмүмтәһсил вә пешә-техники мәктәпләринин шәбәкәси јенишләндирилмиш, совхоз фәһләләри арасында идеја-сәјаси иш чанландырылмыш, совхозларда мэдәни-маариф мүәссисәләринин иши јахшылашдырылмыш, республикада китаб, гәзет вә журнал бурахылышы артырылмыш, радио вә телевизија, әдәбијјат вә инчәсәнәт инкишаф етдирилмишди. Нәтичәдә республика зәһмәткешләринин, о чүмләдән совхоз фәһләләринин үмүмтәһсил, пешә, мэдәни вә сәјаси сәвијјәси даһа да јуксәлмишдир.

Р. М. МУСАЕВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧЕГО КЛАССА ПО СОЗДАНИЮ НОВЫХ БИБЛИОТЕК В АЗЕРБАЙДЖАНЕ (1920—1927 годы)

«В нашем распоряжении богатейший арсенал средств просвещения и воспитания... Дело за тем, чтобы более правильно использовать все эти средства, применять их более активно, творчески, учитывая, в частности, значительно возросший уровень образованности и запросов советских людей», — говорил на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС Ю. В. Андропов [1].

В сети культурно-просветительных учреждений библиотеки занимают особое место. Собранные в них многочисленные тома — это вся сложная история различных стран и народов, история борьбы за социальное освобождение, за науку и культуру против религиозного дурмана. Но двери библиотек до революции были закрыты для народа. Царское правительство, проводя жесткую, антинародную политику в области народного образования, предпочитало держать население Российской империи в невежестве. Большинство трудящихся были неграмотны. «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России», — писал В. И. Ленин [2, 127].

Великая Октябрьская социалистическая революция широко распахнула двери культурно-просветительных учреждений для новых хозяев страны — рабочих и крестьян. С переходом власти в руки народа, с установлением диктатуры пролетариата были созданы все необходимые условия для того, чтобы трудящиеся массы имели возможность изучать все технические и культурные достижения, созданные человечеством за всю его многовековую историю. «Раньше весь человеческий ум — писал В. И. Ленин, — весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации» [3, 289].

Особенно тяжелым было положение национальных окраин бывшей царской России, в частности Азербайджана. Процент грамотности здесь был очень низким по сравнению с Россией. До революции, в 1913 г., в Азербайджане имелось всего 26 библиотек [4, 216]. Книг было мало, особенно на азербайджанском языке. Необходимо было как можно скорее исправить существующее положение.

И вновь, как и во многих случаях, главную роль в создании новых народных библиотек сыграл гегемон социальной и культурной революции — рабочий класс, который после победы Советской власти стал главным читателем библиотек и, следовательно, был больше всех заинтересован в становлении и развитии библиотечного дела.

Под руководством Коммунистической партии рабочему классу удалось в ходе восстановительного периода добиться больших успехов в создании сети библиотек.

История возникновения и развития новых библиотек в Азербайджане получила в советской историографии определенное освещение [5]. Однако роль рабочего класса Азербайджана в этом важнейшем мероприятии изучена слабо. Раскрытию данного вопроса и посвящена настоящая статья.

Сразу же после победы Советской власти в Азербайджане рабочий класс республики, совместно с трудовым крестьянством, ведомый Коммунистической партией, начал активную борьбу за ликвидацию неграмотности, за профессионально-техническое образование, за строительство техникумов, рабфаков, за пролетаризацию высших учебных заведений и т. д. Борьба эта проходила в очень сложных условиях: во всех отраслях промышленности, особенно в нефтяной, царил разруха. Ощущалась острая нехватка продовольствия. Но, пожалуй, не было другого, более серьезного препятствия для развития общеобразовательного уровня, чем отсутствие книг и учебных пособий. Книг выходило мало, так как в стране не хватало бумаги и средств. Но, учитывая важность ликвидации такого пережитка прошлого, как неграмотность населения, Коммунистическая партия и Советское правительство прилагали все силы, чтобы превратить Азербайджан в край всеобщей грамотности. В. И. Ленин писал, что из всех средств надо «отдать не меньше половины на ликвидацию безграмотности и на читальни» [6, 110].

Для создания библиотек необходимо было собрать все имеющиеся у населения книги. В. И. Ленин указывал: «Мы должны использовать те книги, которые у нас есть, и приняться за создание организованной сети библиотек, которые помогли бы народу использовать каждую, имеющуюся у нас книжку...» [7, 332].

С этой целью 5 июля 1920 г. Наркомпрос Азербайджанской ССР принял обращение к трудящимся республики с предложением сдать имеющиеся у населения книги [8]. Рабочие Азербайджана, откликнувшись на этот призыв, начали активную кампанию по сбору книг в библиотеки. Благодаря помощи рабочих были собраны десятки тысяч книг.

Уже через месяц после победы Советской власти в Азербайджане, 30 мая 1920 г., в Баку состоялось открытие новой читальни им. 26-ти бакинских комиссаров [9], а к октябрю 1920 г. в различных частях республики было открыто 70 библиотек и читален [10]. Большинство из них были созданы при рабочих клубах. В Сабунчах, Сураханах, Раманах и Балаханах при рабочих клубах и на промыслах в сентябре 1920 г. функционировало 9 библиотек с читальнями при них. В этих библиотеках находилось около 34 тыс. книг [11].

Большую роль в становлении рабочих библиотек сыграли профсоюзы, объединявшие рабочие массы Азербайджана. Культурно-просветительная роль их была особо подчеркнута на III съезде АКП(б) (февраль 1921 г.), на котором в сложных условиях дискуссии о профсоюзах, были намечены конкретные задачи этих организаций по борьбе за образование [12, 358—360]. Состоявшийся в июле 1921 г. II съезд профсоюзов Азербайджана отметил: «При предприятиях и

учреждениях, в общежитиях и домах рабочих должны быть организованы читальни, которые явятся не только средством социализации периодической и непериодической литературы, но и путями объединения рабочих масс» [13]. Съезд указал на важность создания передвижных библиотек.

Решения съезда вдохновили рабочих. Библиотеки и читальни стали создаваться при большинстве профсоюзов, часто при заводах и промыслах. При профсоюзе горняков, большинство в котором составляли бакинские нефтяники, к концу 1921 г. было создано 16 библиотек и 10 читален на промыслах. В них записались 6251 человек [14]. При профсоюзе водников рабочими организовывались судовые передвижные библиотеки. В январе 1921 г. их число достигало 250. В них имелось 12 тыс. книг [15]. К декабрю 1921 г. число передвижек достигло 285. При профсоюзе водников была открыта центральная библиотека, в которую записалось 3 тыс. человек. В библиотеку им. Али-Байрамова записалось 1 тыс. человек [16]. Только в декабре 1921 г. центральной библиотекой было заменено читателям 3564 книги [17].

Рабочими-железнодорожниками, большую часть времени находившимися в пути, создавались передвижные вагоны-библиотеки, в каждом из которых помещалось до 600 книг. В общей сложности профсоюз железнодорожников выделил на вагоны-передвижки в 1921 г. 1593 книги [18]. Как было отмечено съездом железнодорожников Азербайджана, на железнодорожной линии к марту 1921 г. функционировало 12 библиотек и 32 читальни [19]. Только при Балаханском клубе рабочих-железнодорожников находилось 3 библиотеки-читальни [20].

На пленуме культотдела АСПС в мае 1921 г. было объявлено, что при АСПС функционируют 100 читален [21]. В декабре 1921 г. число читателей в библиотеках и читальнях Азербайджана достигло 39,6 тыс., из них русских было 60,8 %, азербайджанцев — 12%. Среди читателей учащихся школ и профтехкурсов было 47,1%, рабочих — 20%. Общее число книг в библиотеках профсоюзов достигло 270 тыс. [22].

Большая часть фундаментальных библиотек вначале находилась в ведении Бакинского отдела народного образования (БОНО). Однако из-за финансовых трудностей работа библиотек была неудовлетворительной. Поэтому решением Наркомпроса Азербайджана 28 марта 1922 г. большинство культурно-просветительных учреждений были переданы в ведение профсоюзов и различных предприятий, в частности, Азнефти было передано 20 библиотек [23]. Все они были в плохом состоянии, но рабочим-нефтяникам с помощью парторганизации Азнефти и правления профсоюза горняков удалось вскоре наладить работу.

Инициатива нефтяников дала прекрасные результаты. В Бинагадах в апреле 1922 г. при каждом завкоме функционировала читальня (всего 7), а в Биби-Эйбатском районе было 4 библиотеки и 9 читален, в которые было записано 3 тыс. человек, т. е. почти все рабочие района [24]. В августе 1922 г. число читален в Биби-Эйбате возросло до 12, и теперь каждый промысел имел свою читальню. В Балаханско-Сабунчинском промышленном районе работало на промыслах 30 читален [25]. В конце 1922 г. при профсоюзе горняков имелось 17

крупных библиотек, самыми большими из которых были библиотеки им. Шаумяна, им. Джапаридзе, им. Фиолетова [26]. При профсоюзе водников самой большой была библиотека им. Али Байрамова, где находилось 10 тыс. книг на русском и 2 тыс. на азербайджанском языках [27]. У рабочих-железнодорожников в 1922 г. на всей линии имелось 16 читален, возросло число вагонов-передвижек [28]. Общее число библиотек в Азербайджане к концу 1922 г. достигло 65 [29, 33].

К середине 1923 г. в Баку насчитывалось 46 библиотек, из них 23 в промышленных районах, в них насчитывалось 184750 книг. Только за 1 квартал 1923 г. библиотеками было выдано читателям 241124 книги, из них 112369 в промышленных районах [30, 28]. К концу 1923 г. в Азербайджане было 70 библиотек. В них записалось 50713 человек [29, 33], в том числе 19,8% рабочих [31, 32].

Библиотеки часто создавались при школах ликбеза и общеобразовательных. Уже в 1922 г. было создано 116 школьных библиотек, из них 59 при школах ликбеза [32, 36].

Библиотеки активно участвовали в деле ликвидации неграмотности. Неоднократно курсы ликбеза создавались при библиотеках. Это было особенно подчеркнуто на VI съезде АКП(б) (май 1924 г.) [12, 394]. Библиотеки вели пропагандистскую и культурно-просветительную работу. В 1925 г. ими было проведено 14 лекций и докладов, 11 вечеров памяти Ленина, 59 выставок, 13 экскурсий, выпущено 103 альбома и плаката [33, 80]. Но не каждый профсоюз имел библиотеку. Рабочие различных отраслей промышленности всеми силами стремились добиться права пользования библиотеками. Так, в ноябре 1925 г. рабочие профсоюза металлистов заключили договор с профсоюзом горняков о совместном использовании библиотек и выделили на библиотечное дело 15% культфондов [34]. При профсоюзе строителей в 1926 г. функционировало 7 библиотек [35].

В начале 1925 г. при культотделе АСПС было создано «Библиотечное бюро», взявшее на себя руководство профсоюзными библиотеками республики [36]. К этому времени в них находилось 261574 книги, из них 26585 на азербайджанском языке [37, 70].

Рабочими Азербайджана, при поддержке профсоюзов, неоднократно проводились «Недели книг», в ходе которых проводились митинги, в клубах проходили чтения вслух, концерты с декламацией, диспуты о новых книгах. В свою очередь, библиотеками проводились кампании по ликвидации неграмотности (самая крупная была проведена 25 августа 1925 г.). Проходили кампании памяти 26-ти бакинских комиссаров, юношеский день. 14 декабря 1925 г. библиотекой АСПС была открыта выставка, посвященная 100-летию восстания декабристов [38].

Большое распространение в 1925 г. получили создаваемые рабочими общества «Друзья книги» и кружки «Друзья библиотеки». В них состояли в основном рабочие. В ходе «Недели книги» обществами и кружками была разработана и распространена «Памятка рабочего читателя» [39], где были определены обязанности рабочих-читателей. Используя опыт подобных обществ и кружков в РСФСР, где они появились несколько раньше, рабочие вели пропагандистскую работу по привлечению всех трудящихся в библиотеки.

Библиотеки создавались рабочими и при клубах. Особенно много

В 1925—1926 гг. в Азербайджане было 97 библиотек, которые посещало 64210 читателей [29, 38]. Благодаря заботе Коммунистической партии и трудовой энергии рабочего класса, были созданы все условия для скорейшего роста общеобразовательного и общекультурного уровня населения Азербайджанской ССР.

Ныне, в период научно-технической революции, когда наше государство стало страной всеобщей грамотности, когда неизмеримо возросло количество различных учебных заведений, значение библиотек еще более возросло. Но по-прежнему главным читателем библиотек является рабочий класс — самый многочисленный класс социалистического общества. Это неудивительно. С ростом производства, с внедрением на промышленных предприятиях новой сложной техники, рабочим необходимо бывает вновь и вновь повышать свои знания. «Меняется характер труда современного рабочего, — говорится в материалах XXVI съезда КПСС, — этот труд все больше наполняется интеллектуальным содержанием» [41, 52].

¹ Правда, 1983, 16 июня.

³ Ленин В. И. Третий Всероссийский съезд Советов рабочих солдатских и крестьянских депутатов. Заключительное слово перед закрытием съезда 18(31) января. — Изд. собр. соч., т. 35.

⁴ Азербайджан в цифрах. — Баку, 1964.

22

⁶ Ленин В. И. Письмо В. М. Молотову для Политбюро ЦК РКП(б): — Полн. собр. соч., т. 54.

⁸ Азербайджанская беднота, 1920 23 сент.

⁹ Коммунист, 1920, 19 мая.

¹⁰ Коммунист, 1920, 13 окт.

¹¹ Азербайджанская беднота, 1920, 29 сент.

¹² Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана.

¹³ Бакинский рабочий, 1921, 3 июля.

¹⁴ ЦГАОР АЗССР, ф. 1114, оп. 1, д. 5256, л. 3.

⁴⁵ ЦГАОР АЗССР, ф. 1114, оп. 1, д. 5255, л. 21.

¹⁶ ЦГАОР АЗССР, ф. 1114, оп. 1, д. 5255, л. 4.

¹¹⁷ ЦГАОР АзССР, ф. 1114, оп. 1, л. 3.

¹⁸ ЦГАОР АЗССР, ф. 1114, оп. I, д. 5265, л. 2.

¹⁹ Бакинский рабочий, 1921, 2 марта.

²⁰ ЦГАОР АЗССР, ф. 1114, оп. 1, д. 5265, л. 3.

²¹ ЦГАОР АЗССР, ф. 1114, оп. 1, д. 5245, л. 1.

²³ ЦГАОВ АзССР, ф. 1114, оп. 1, д. 5282, л. 35.

²⁴ ЦГАОР АзССР, ф. 1114, оп. 1, д. 5282, лл. 34, 82.

²⁵ ЦГАОР АзССР, ф. 1114, оп. 1, д. 5282, лл. 113—115.

²⁶ ЦГАОР АЗССР, ф. 1393, оп. 1, д. 1907, лл. 2, 78.

²⁷ ЦГАОР АЗССР, ф. 1114, оп. 1, д. 5286, л. 7.

²⁹ Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 100.

³⁰ Красный Баку. 1923. № 1.

³¹ Красный Баку, 1923, № 4.

³² Известия АзЦСУ, 1924, № 1.

³³ Красный Баку, 1925, № 6.

³⁴ ЦГАОР АЗССР, ф. 1125, оп. 1, д. 38, л. 3.

³⁶ ЦГАОР АзССР, ф. 1114, оп. 3, п. 181, л. 7.

37 Проффессиональное движение в Азербайджане к 5-му съезду профсоюзов. — Баку, 1926.

³⁸ ЦГАОР, АЗССР, ф. 1114, оп. 1, д. 5373, л. 11.

³⁹ ЦГАОР АЗССР, ф. 1114, оп. 1, д. 5373, л. 19.

⁴⁰ ЦГАОР АЗССР, ф. 1114, оп. 1, д. 5575, л. 20.

* Материалы XXVI съезда КПСС. — М., 1961.

АЗЭРБАЙҶАНДА ЈЕНИ КИТАБХАНАЛАРЫН ТЭШКИЛИНДЭ ФЭЈЛЭ
СИНФИНИН ФЭАЛИЈЈЭТИ (1920—1927)

23

лар-фəһлэлэр үчүн ачды. 1920—1925-чи иллəрдə фəһлə синфинин јени китабханаларын тəшкили уғрунда апардығы мұбаризəсинин бəјүк тарихи əһəмијјəти вардыр. Бу мұбаризəнин галибијјəтлə баша чатмасында марағлы олан фəһлэлэр Коммунист Партијасынын рəһбərлији алтында ғыса мүддəт əрзиндə заводларда, мəдəн вə клубларда бир сыра китабханалар ачдылар. Онлар «Китаб достлары» вə «Китабхана достлары» чə-мијјəтлəri жардыб, китабханаларда топланан бүтүн китаблардакы биликлəрə јијəлəн-мəјə чан атырдылар: Əз нəвбəсиндə китабханалар да фəһлэлэрə савадсызлығы лəғв-етмəкдə кəмəк едир, зəһмəткешлəрин естетик тəрбијəси ишиндə мұһым рол ојнајырды-лар.

Бизим дəврүмүздə, коммунизм гуручулуғу дəврүндə, о иллəрин мұвəффəғијјəтлəri бəјүк мұтəрəғғи əһəмијјəт кəсб едир. Истəһсалын артмасы, јени техниканын тəтбиғи-илə əлағəдар фəһлэлэрə өз биликлəринин артырмағ даһа да вачибдир. Мəһз бу ишдə дə китабханалар бəјүк рол ојнајырлар.

АЗƏРБАЈҶАН ССР ЕЛМЛƏР АКАДЕМИЈАСЫНЫН ХƏБƏРЛƏРИ
Тарих, фəлсəфə вə һуғуғ сєријасы, 1985, № 1

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
Серия истории, философии и права, 1985, № 1

3. СУЛТАНОВА

ТҮРКИЈЭДƏ КƏНЧЛƏР ҺƏРƏКАТЫНЫН БƏЗИ ЧƏРƏЈАНЛАРЫ ҺАГГЫНДА (60-чы иллəр)

1960-чы ил 27 мај дəвлəт чеврилиши Түркијə республикасынын тарихиндə мұһым мəрһəлэлəрдəн биридир. Бу чеврилиш мұһарибəдəн сонракы Түркијэдə чəмијјəтин кениш даирəлəриндə узун иллəр бəјү топланмыш наразылығын, хусусилə Демократ партијасынын (ДП) 10 иллик һакимијјəтинə гаршы ачығ чыхышын ифадəси иди. Чəмијјəтин мұхтəлиф тəбəғэлəri, һər шejдəн əввəл өз тəркиби етибарилə əсасəн хырда буржуазијə тəбəғэлəринə мəнсуб олан кичик вə орта рүтбəли забитлəр арасындакы «үсјанкар əһвали-руһијјəнин гаршысыны алмағ үчүн өлкəнин һаким даирəлəri узун мүддəт мұхтəлиф тəдбирлəрə əл атмалы олдулар. 27 мај чеврилишини һəјата кечирмиш һəмин забитлəр мəһз кичик буржуазијəја хас олан гəтијјəтсизлик үзүндəн бу мұвəффəғијјəти ахыра чатдыра билмəдилər. Һər һалда 60-чы ил һərби чеврилиши Түркијəнин һаким даирəлəрини бəзи күзəштлəрə кетмəјə мəчбур етди. Бу өлкəдəки вəзијјəти мүəјјəн дəрəчэдə либераллашдырмыш конститу-сијадə өз əксини тапды (1961-чи ил).

Гејд етмəк лəзымдыр ки, һəрбчилəri чыхыш етмəк зəрурəтинə инан-дырмыш гүввə тəлəбə-кəнчлəр олмушдур. Харичи əдəбијјатда «ингилаб» адландырылан чеврилишə кəтириб чыхармыш һадисəлər мəһз тəлəбə-кəнчлəрин мөвчуд гурулуша вə үсули-идарəјə гаршы нұмајишлəриндəн башлады.

Түрк кəнчлəринин бу фəаллығы һəм өлкə дахилиндə, һəм дə харичдə чохлары үчүн көзлəнилмəз олду. Чүнки нə сəј етибарилə (1960-чы илдə Түркијэдə 63 мин али мəктəб тəлəбəси варды [1], нə дə ичтимаи фəалијјəтлəринə кəрə түрк тəлəбэлəri сијаси һəјата чидди бир шəкилдə гарышмаға гəбил дејилдилər.

Кəнчлəр үмидлəрини илк күнлəрдə һəрбчилəрə бағлајырдылар. О мəнада ки «онлар бəлкə сосиал əдалəтин принциплəрини јарадан вə го-рујан чəмијјəт јарада билəрлər» [2].

1963-чү илдə Истамбулда һəфтəлик сијаси-нəзəri «Сосиал адалет» адлы гəзет нəшр олунмаға башлады. 1964-чү илдə онун нəшри Ангараја көчүрүлдү.

«Сосиал адалет»ин башлыча əһəмијјəти фəһлə партијасынын иде-јаларыны тəблиғ етмəси иди. Фəһлə һəрəкаты мəсəлəсинин кениш ишыг-ландырылмасы гəзетин əсас гəјəси иди. Бундан башға «Сосиал адалет» бүтүн демократик гүввэлəri бирлəшдирəрəк иртичаја гаршы вə сосиал əдалəт уғрунда мұбаризəјə сəслəјирди [3].

«Сосиал адалет» зəһмəткешлəri актив мұбаризəјə руһландыраар, əһифəлəриндə кəнчлəрин вə зəһмəткешлəрин һуғуғ вə азадлығы мəсəлəсини мұзакирə едирди.

Кəнчлəр һəрəкатынын тəдгиг етдијимиз дəврүнү дəрд мəрһəлəјə бəлмəк олар.

1960—64-чу илләри эһатә едән биринчә мәрһәлә кәнчләрин «Ата-түрк принципләри вә 27 мај наилијјәтләрини» [4] горумаг тәләбләрилә мәһдудлашмасы илә сәчијјәләнир. Һәмин дөврдә Түрк Тәләбәләринин Милли Бирлији (ТТМБ) вә Түркия Милли Тәләбә Федерасијасынын (ТМТФ) рәһбәрлији алтында олан кәнчләр һәрәкәти һакимијјәтдән сәлынмыш ДП-нин (Демократ Партијасы) зиддинә олараг Республика Халг Партијасынын (РХП) тәсири алтында иди. Лакин бу вахт кәнчләр һәрәкәти ичәрисиндә «социализмә чох јахынлашан» [5] гүввәләр јеттиширди. Кәнчләрин бу һиссәси Ататүрк принципләрини там истиглал ијјәт әлдә едилмәси вә социал иғтисади дәјишкликләр һәјата кечирилмәси уғрунда мүбаризәнин конкрет вәзифәләрилә бағлајырды. Тәдгиг едилән мәрһәләнин сонларына јахын ТТМБ вә ТМТФ рәһбәрләри дә белә бир мөвгә тутмаға башладылар.

Икинчи мәрһәлә 1965—67-чи илләри эһатә едир. Бу мәрһәлә Түркиядә марксизм-ленинизм идејаларынын нисбәтән кениш јајылмасы илә характерикдир. Һәмин дөврдә кәнчләр Түркиянин капитализм јолу илә инкишафындан имтина олунмасы уғрунда чыхыш едәрәк кет-кедә даһа чох антиимпериалист идејаларла силаһланырдылар.

Тәләбәләр ичәрисиндә сол фикирләрин јајылмасы илә барышмаг истәмәјән һаким даирәләр, өз нөвбәсиндә, мүртәчә кәнчләри әдаләт Партијасынын (ӘП) тәсири алтында олан тәшкилатлар әтрафында бирләшдирмәјә чәһд көстәрирди.

1965-чи ил сечкиләри нәтичәсиндә һакимијјәтә кәлән ӘП фүрсәтдән истифадә едәрәк ТТМБ, сонра исә ТМТФ рәһбәрлијини гејри-ғануни сурәтдә әлә кечирәрәк [6], вахтилә нисбәтән мүтәрәгги олмуш бу тәшкилатлары һөкүмәт тәрәфиндән горуна мүртәчә мәркәзләрә чевирди.

1961-чи илдә јаранмыш Түркия фәһлә партијасы (ТФП) бу дөврдә мәчлисә 15 депутат кечирәрәк артыг мөһкәмләниш, кет-кедә өлкәнин мүтәрәгги гүввәләрини даһа чох рәғбәтини газанмаға башламышды. Тәләбәләрин Фикир Клублары Федерасијасында (ФКФ) бирләшмиш сол чинаһы да бу партијаға гошулды. «Әввәлләр ЧХП-јә јахын мөвгеләрдә дурмуш мүтәрәгги кәнчләр 1965-чи илдән ТФП-нин (Түркия фәһлә партијасынын) мөвгеләринә кечмәјә башладылар [7].

Кәнчләр һәрәкәтынын үчүнчү мәрһәләси 1968-чи иллә мәһдудлашыр. Бу дөврдә түрк тәләбәләринин сајы 1960-чы илә нисбәтән ики дөфәдән чох артараг 146 мин нәфәрә чатмышды.

Тәләбәләр бүтүн тәһсил системинин әсаслы шәкилдә дәјишдирилмәсини, өлкәнин иғтисади вә мәдәни јүксәлиши мәнәфејинә табе етдирилмәсини тәләб едирдиләр. Антиимпериалист вә антикапиталист әһвали-руһијјә күчләнди: Түркиянин империализмдән там азад олмасы, өлкә әразисиндәки һәрби базаларын ләғв олунмасы, зәһмәткешләрин мадди вәзијјәтинин јахшылашдырылмасы, дәрин ичтимаи-иғтисади ислаһатлар кечирилмәси вә с. кими шүарлар ирәли сүрүлдү.

1968-чи илдә кәнчләрин «үмуми базар» вә НАТО әлејһинә, АБШ-ын алтынчы донамасынын Түркия суларына дахил олмасына гаршы күтләви чыхышлары баш верди. Бу чыхышлар етираз сәсләрини учалдан кәнчләр илә полис арасында ганлы тоғгушмалара сәбәб олурду [8].

Ијулда полис Истамбул техник университетинин тәләбәләринә диван тутду, нәтичәдә Вәдат Дәмирчиоғлу адлы бир тәләбә өлдүрүлдү [9]. Чыхышлар өлкәнин диқәр ири сәнәјә мәркәзләринә, о чүмләдән Ангара, Измир, Трабзон вә Конја кими шәһәрләрә дә јајылды [10].

Августда Измир шәһәриндә алтынчы донамә кәмиләринин кәлмәсинә етираз әләмәти олараг антиамерика нүмајишләри баш верди.

Бу дөврдә һаким даирәләрин кәнчләрә мүнәсибәт тактикаларында дәјишлик едилди. Кәнчләрин ичәрисинә көндәрилән тәхрибатчы үнсүрләр онлары ифрат тәдбирләрә әл атмаға сөвг едирләр. Беләликлә дә, онлар иртичанын вә солчу группарын мәнәфејинә хидмәтә башлајырлар. Сонрақы һадисәләрдән көрүндүјү кими, өз тәбиәти етибарилә гејри-сабит олан тәләбә күтләси бу суи-гәсдин маһијјәтини анлаја билмәди вә өз һәрәкәтләри илә полисин фитнәкар нијјәтләринә тамамилә һагг гәзандырды.

Дөрдүнчү мәрһәлә (1969-чу ил) Түркия кәнчләр һәрәкәтынын инкишафында дөнүш нөгтәси олду.

Һәлә јанвар ајында Орта Шәрг университетинин ректорлуғу гаршысында Түркиядәки АБШ сәфирин Комернин автомобили јандырылды [11]. Бу һадисә сәфирин истефасы илә нәтичәләнән мөһтәшәм антиамерика нүмајишинә чеврилди.

Феврал ајында Истамбулда алтынчы донамә кәмиләринин нөвбәти сәфәринә гаршы етираз әләмәти олараг бир нечә мин нәфәрин иштиракилә нүмајишләр кечирилди. Полис вә ифрат сағ гүввәләр нүмајишчиләрә диван тутараг, онлардан 2 нәфәрини өлдүрдүләр вә онларла нүмајишчини јараладылар [12].

Истамбулда баш вермиш ијун һадисәләри кәнчләрин ән бөјүк чыхышларындан бири олду. Университетдә ислаһатлар олунмасы тәләбләри илә башланмыш бу чыхышлар тезликлә Түркиянин истиглал ијјәти уғрунда, АБШ империализминә вә онун өлкә ичәрисиндәки әлалтыларына гаршы күтләви чыхышларә чеврилди. Белә чыхышлар Ангара, Измир, Эрзрум вә Әскишеһирдә дә олду.

Икинчи мәрһәләдән башлајараг Түркиядә бүтүн демократик, о чүмләдән дә кәнчләр һәрәкәтында антиимпериалист әһвали-руһијјә әсас јер тутур. Кәнчләр тәшкилатынын 1965—1970-чи илләрдә бурахмыш олдуғу 1505 интибаһнамә вә халға мүрачиәтдән 318-и антиамерика характери дашыјырды [13].

Һәмин мүддәт әрзиндә кәнчләрин 84 нүмајишиндән 14-ү америка империализминә гаршы јөнәлдиләрәк, там милли истиглал ијјәт шүары алтынла кечмишди [14].

1969-чу илин октябрында (Фикир Клублары Федерасијасы) ФКФ-нин нөвбәти гурултајында, (Түркия Фәһлә Партијасы) ТФП-дән ајрылмыш бу Федерасијанын солчулуг хәтти там тәшәккүл тапды. Она Түркия ингилаби кәнчләр федерасијасы—«Девкәнч» ады верилди. Өз маһијјәтинә көрә маочу характери дашыјан бу тәшкилат террорчулуг вә сојғунчулуг јолу илә кедәрәк, бүтүн сол демократик һәрәкәтә шиддәтли диван тутулмасы үчүн һаким даирәләрә бәһанә верди.

Түрк кәнчләринин ичтимаи фәаллығынын 60-чы илләрдәки бу јүксәлиши нә илә изаһ олуна биләр?

Һәр шејдән әввәл, көстәрилән дөврүн әввәлләриндә кәнчләрин фәаллығына ДП-нин һакимијјәтдә олдуғу илләрдә һәдсиз дәрәчәјә чатмыш јохсуллуғ, һүгүсүзлуғ вә үмидсизлик тәкан верди.

1960-чы ил чеврилиши вәзијјәтин кәркинлијини бир гәдәр азалтды, лакин түрк чәмијјәтинин социал-иғтисади порблемләринин һәлли үчүн шәраит јаратмады.

Чеврилишдән једди ил сонра түрк чәмијјәтинин диқәр социал группалары кими кәнчләрин вәзијјәти дә аз дәјишди. Истамбул университети-

нин кечирдији сосноложн тэдгигатын нэтичэлэриндэн көрүндүжү кимм, 1967-чи илдэ Истамбул тэлэбэлэринин элинэ кэлэн пул олдугча аз бир мэлблэг тэшкнл едирди. (Чэдвэлэ бах) [15].

Кэлнр, түрк лнрәсн	Тэлэбэлэрин үмүмн сажына ннсбәтдә, %-лә
50—200	19,9
200—300	41,3
300—400	24,5
400-дән чох	14,1

Анчаг мәнзил һаггына һәмнн дөврдә тэлэбә бүдчәснндән орта һесабла 150—200 лнрә хәрчләндијннн нәзәрә алсаг, Түркијәннн али тәһснл мүәссисәләрннә дахил олмуш әксәр кәнчләрнн нә гәдәр агыр бир вәзпјјәтдә јашадыглары ајдын олар.

Тэлэбэләрнн әксәрпјјәтн јохсуллуг үзүндән өзләрннн бир чох зәрурп шејдән, о чүмләдән нәглијјатдан истифадә етмәкдән мәһрум едирдиләр.

Тәбнн кн, тэлэбә кәнчләр өз шәхсн тәчрүбәләрнндә соснал бәрәбәр-снзлнклә үз-үзә кәлдикләрнндән әдәләтснзлпјн арадан галдырылма-сына јөнәдилмиш ннгилабн әһвали-руһпјјә онларын бејннләрннә һа-кнм олурду.

Сөзсүз кн, соснал мәнсубпјјәт дә тэлэбәләрнн дүнјакөрүшүнә тә'снр көстәрнрди. Ашағыдакы чәдвәл [16] тэлэбәләрнн әксәрпјјәтнннн түрк чәмпјјәтнннн мәнз һансы тәбәгәләрннә мәнсуб олдуғуну көстәрнр:

Соснал мәнсубпјјәт	Түрк чәмпјјәтнндәкн соснал группн әһали- јә ннсбәтдә фәзн	Соснал групп мәнсуб олан тэлэбәләрнн сажы Тэлэбәләрнн үмү- мн сажына ннсбәт- дә, фәнзлә
Кәндлн	76	17
Фәһлә	20	8
Гуллуғчу	2,33	42
Азәд сәнәт сәһнбләрн	1,67	33

Дүздүр, чәдвәл вәзпјјәт һаггында там тәсәввүр јаратмыр, чүнкн бу-рада голчомаг вә ортабаб кәндлн ушаглары кәндлн группна, јүксәк ма-ашлы дөвләт мә'мурлары вә хусусн сектор менечерләрнннн ушаглары да гуллуғчу группна дахил еднлмишднр. Лакин һәр һалда јухарыдакы рә-гәмләрдән мүәјјән тәсәввүр әлдә етмәк мүмкүндүр.

Түркијәдә капитализмнн ннкншафы кет-кедә даһа чох нхтисаслы кадрлар тэләб еднрди. һакнм снннфләр али тәһснлли кадрлара олан бу тэләбаты артыр өз ушаглары һесабына өдәјә бнлмнрдиләр. Буна көрә дә онлар днкәр снннфләрнн нүмајәндәләрнннн али мәктәбләрә дахил олма-сына нмкан вермәјә мачбур идиләр. Бу да өз нөвбәснндә тэләбә мүннтин-нн радикаллашмасына тә'снр көстәрмәјә бнлмәздн.

Тэләбәләрнн нгтисадн характерлн тэләбләрнннн икннчн сәбәбн исә али мәктәб мә'зунларынын ншснзлнк тәһлүкәсннә мә'руз галмаларыдыр.

Түрк тәдгигатчысы А. Т. Гышлалынын мә'луматына көрә, 1969-чу илдә өлкәдәкн ншснзләрнн 48 фәзннн 15—25 јашлы кәнчләр тәшкнл еднрди. Али мәктәб мә'зунларынын да дахил олдуғу 15—29 јашлы шәхс-ләр группн ншснзләрнн үмүмн сажынын 58,1 фәзнннн тәшкнл еднрди [17].

1960-чы ил чеврнлншнндән вә ТФП-ннн јаранмасындан сонра әһалннн мүнхтәлпф тәбәгәләрн арасында сүр'әтлә јәылан сосналнст идејалары да тэләбәләрә өз тә'снрннн көстәрмәјә бнлмәздн.

Кәнчләр бу дөврдә түрк чәмпјјәтнннн ән ннгилабн вә мүнхтәшкнл бир сннфннә чеврнлмиш фәһлә сннфнннн еһтпјач вә тэләбләрннә даһа днргәтлә јанашмаға башладылар.

Лакин тэләбәләрнн соснал тәркнбнннн олдуғча гарышыг олмасы, буржуазпја тәбәгәләрн нүмајәндәләрнннн бөјүк чохлуг тәшкнл етмәсн елә бир мүннт јарадырды кн, орада ннгилабн әһвали-руһпјјә маһпјјәтчә хырда буржуа тә'снрнндән азәд ола бнлмнрди. Елә буна көрә дә Мнл-ләтчн һәрәкат Партпјасы (МһП)-нын мүдафпә вә тәблпг етдпј фашнзм идејалары, маонзм, тротскнснзм кнмн нфрат «ннгилабн соллуг» чәрәјан-лары мүнхтәчә сағ тәләбә даирәләрн нчәрнснндә алверншли бир зәмнн тапды. Тәчрүбәдән көрүндүјү кнмн, бу чәрәјанлар сон мәгамда бнрлә-шәрәк, өлкәннн нчтнман снмасыны дәјншднрмәјә чалышан һәгпгн ннги-лабчылара гаршы чыхыш етднләр.

Түркијә кәнчләр һәрәкатындакы бә'зн чәрәјанлар вә онлары јара-дан нлкнн шәртләр гысача олараг бунлардан нбарәтднр.

Түркијәннн кәләчәк ннкншафында кәнчләрнн ролуна даир Камал Ататүркүн төвснјәләрн әсасән буржуа-демократнк характер дашыса да, сон нлләрдә баш вермнш һадисәләрдән көрүндүјү кнмн, өлкәннн мүнх-рәггн кәнчләрн республиканын баннснннн рәалнст маһпјјәтлн прнспн-ләрннн һәјата кечнрмәк уғрунда мүбарнзәнн давам етднрмәкдәднрләр.

Нәтнчәдә мүаснр Түркијәдә кәнчләрнн ннгилабн фәалпјјәтннн гыса шәкнлдә сәчпјјәлләнднрәрәк дөјә бнләрнк кн, 1960-чы ил 27 мај чеврнлн-шнндән сонра, хусуснлә 60-чы илләрнн икннчн јарысында Түркијәннн ирн сәнәјә шәһәрләрнндә күтләвн тә'тнл һәрәкаты кеннш вүс'әт алмыш-ды. Бу һәрәкатда да тәләбә-кәнчләрнн фәалпјјәтн, Фәһлә Партпјасынын (ТФП) рәһбәрлпјн алтында хусусн јер тутурду.

Өлкәннн дахнлн снјасн һәјатында күчләнән соллашма һәрәкаты просеснндә ачыгфнкнрлн кәнчләр мүнхтәлпф чәмпјјәтләр, дәрнәкләр тәш-кнл еднр, өлкәдә нгтнсадн кернлпјә, соснал әдәләтснзлпјә гаршы чыха-раг, көклү нчтнман дәјншнклнк уғрунда мүбарнзә јоллары ахтарырды-лар. Онлар ејнн заманда өлкәдәкн харнчн базаларын ләғв олунмасыны, дүнјанын бүтүн өлкәләрн илә, хусусән гоншу өлкәләрлә достлуг вә әмәк-дашлыг снјасәтн јернднлмәсннн тәләб еднрдиләр.

Түркијәннн һакнм даирәләрн мүнхтәрәггн тәләбә-кәнчләр һәрәкатына диван тутмаг мәгсәдн илә һәлә лазымн сәвпјјәдә снјасн-тәшкнлатн һа-зырлыға вә тәчрүбәјә малнк олмајан бу тәшкнлатлары дахнлдән сар-сытмаға чалышыр, ејнн заманда мүнхтәчә сағ тәшкнлатларын күчләнмә-сннә сәј көстәрнрләр.

Нәтнчәдә бә'зн кәнчлнк тәшкнлатларында террорчулуг, екстремнзм вә анархнзм мејлләрн артыр. Бу исә нәтнчә е'тнбарнлә тәләбә-кәнчләр һәрәкатында хырда буржуа мејлләрнннн үстүн мөвгә тутмасы нлә нәтн-чәләннр.

Бүтүн бунлара бахмајараг Түркијәдә 60—70-чн илләрдәкн кәнчләр һәрәкаты һәгпгн вәтәнпәрвәр гүввәләрнн кәләчәк мүбарнзәсн вә снјасн јеткннлпјн үчүн фәјдалы олмушдур.

Әдәбпјјат

1. А. Т. Kistali. Öğrenci ayaklanmalari. Ankara, 1974, s. 53.

2. «Akşam» İstanbul. 27. 09. 1960.
3. «Sosyal adalet». Ankara. 19. 03. 1963.
4. H. Karadeniz. Olaylı yıllar ve gençlik. İst., 1975, s. 243.
5. H. Karadeniz, s. 46.
6. Бах. Ахундов И. Современная Турция в борьбе против империализма. Б., 1977, с. 143—144.
7. H. Karadeniz. Olaylı yıllar ve gençlik. İst., 1975, s. 76.
8. A. T. Kışlatı. Öğrenci ayaklanmaları. Ankara, 1974, s. 54.
9. Устюн Н. Америка и американцы в Турции. М., 151—152.
10. Там же с. 152. М., с. 152.
11. Ахундов И. Современная Турция. Б., 1977, с. 149—150.
12. M. Bican. Devrim için gençlik hareketleri. Ankara, 1970, s. 29.
13. S. Genç. 12 mart nasıl geldi. Ankara, 1970, s. 187.
14. N. Abadan. Türk üniversite öğrencileriyle genç işçilerin siyasal eğilimleri — «Ankara üniversitesi siyasal bilgiler fakültesi dergisi». Ankara, 1971, N 1, s. 71.
15. Ibid. s. 74.
16. «İstanbul Üniversitesi mediko-sosyal raporu». İst. 1967.
17. A. T. Kışlatı. Öğrenci ayaklanmaları. Ankara, 1974, s. 106.

3. Султанова

О НЕКОТОРЫХ ТЕЧЕНИЯХ В ТУРЕЦКОМ МОЛОДЕЖНОМ ДВИЖЕНИИ (60-е годы)

После военного переворота 1960 г. турецкие правящие круги пошли на некоторые уступки, нашедшие свое концентрированное выражение в конституции 1960 г., несколько либерализовавшей внутреннюю политику страны. Активизировалось молодежное движение Турции как внутри страны, так и за ее пределами. Подобная активность турецкой молодежи явилась неожиданностью, ведь ни по численности, ни по своему предыдущему участию в общественных процессах турецкое студенчество не казалось способным на серьезное вмешательство в политическую жизнь страны.

Автор разбивает рассматриваемый период на четыре этапа, анализируя таким образом некоторые течения в турецком молодежном движении и предпосылки, обусловившие их.

АЗЕРБАЙДЖАН ССР ЕЛМЛЕР АКАДЕМИЯСЫНЫН ХƏБƏРЛƏРİ
Тарих, фəлсəфə və hугуг серијасы, 1985, № 1

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
Серия истории, философии и права, 1985, № 1

3. С. АХУНД-ЗАДЕ

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В СЕРБИИ В 1858—1859 ГОДАХ ПО МОНОГРАФИИ Н. А. ПОПОВА «СЕРБИЯ ПОСЛЕ ПАРИЖСКОГО МИРА»

В 1983 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Н. А. Попова — видного русского историка, профессора Московского университета, многочисленные труды которого, особенно в области сербской истории, явились важной вехой в развитии славяноведения. Впервые в русской историографии Н. А. Попов обратился к исследованию истории Сербии, основанном на большом материале, только вводившемся в науку. Интерес его при выборе данной тематики был не случаен и находился в прямой зависимости от исторической обстановки в России. События второй половины XIX в., поражение в Крымской войне привели к изменению характера и методов русской внешней политики, однако по-прежнему в центре внимания оставался восточный вопрос. Россия, воздерживаясь от активных действий в Европе и на Ближнем Востоке, использовала все возможные каналы для упрочения своих позиций и пошатнувшегося влияния на Балканах. В соответствии с этим русское правительство поощряло укрепление политических, научных и общественных связей с балканскими народами, в отличие от западных держав поддерживала их.

Но интерес к балканским народам, сербам в частности, объяснялся не только политическими целями. События в Сербии вызывали широкий отклик в русском обществе, желание поближе узнать историю родственного народа. Д. А. Толстой отмечал общее сочувствие к славянам на всей русской земле, которое было лишено признаков подготовки и какого-либо политического расчета. Он говорил об исконно родственных связях славян, о необходимости научных связей как средства сближения славян [1, 186].

Именно в это время в конце 60-х—70-х годов XIX в., появляются труды Н. А. Попова по современной истории Сербии.

В статье предметом нашего исследования будет монография Н. А. Попова «Сербия после Парижского мира» [2], которая явилась логическим продолжением докторской диссертации историка [3]. «Россия и Сербия» была сразу же переведена на сербский язык и очень тепло встречена в Сербии. Успех этой монографии дал возможность автору продолжить изучение новейшей истории княжества. «Ваша книжка очень понравилась, — писал митрополит Михаил, — и регенты мне говорили, чтобы вам сказать спасибо. Они обещают вам открыть архив нашего иностранного министерства, когда приедете к нам» [4].

Летом 1870 г. Н. А. Попов приехал в Белград, где за короткий срок (июль—август) успел при правительственной поддержке и помощи друзей собрать довольно большой материал, необходимый для продолжения истории Сербии. Любопытна запись в дневнике М. Мили-

чевича, характеризующая, отношение видных сербских деятелей к Н. А. Попову: «Два министра приветствовали Попова в Топчидере. Все были с ним необычайно любезны, чтобы он не обрушился на них в своей новой истории, которую он собирается писать с 1858 года до сегодня» [5].

В 1871 г. «Сербия после Парижского мира» была опубликована в Москве, а в начале 1872 г. в Белграде был издан перевод книги, над которым работали А. Васильевич, А. Марьянович и П. Сречкович. Новая монография была почти целиком посвящена Свято-Андреевской скупшине, которая, по словам автора, «составила целую эпоху во внутренней жизни сербского княжества» [2, 62]. Деятельность скупщины отразила глубокие противоречия в общественной жизни Сербии и поэтому неудивительно, что появление книги вызвало большой интерес.

Монография состоит из введения и двух глав. Во введении Н. А. Попов подчеркивает важность и даже необходимость изучения новейшей сербской истории в связи с русской: «Если история сербского княжества до Парижского мира в глазах русского писателя имеет прежде всего значение по вопросу о покровительстве, оказанном сербам Россией, то история его после Парижского мира важна по отношению к славянскому и восточному вопросам» [2, 4]. Так объяснив свое внимание к проблемам новой истории Сербии, Н. А. Попов переходит к описанию внутривластной жизни княжества в 1857—1859 гг.

Режим князя Александра Карагеоргиевича (годы правления — 1842—1858) с его бюрократизмом в вопросах внутренней жизни и проавстрийской ориентацией во внешней политике, изоляция народа от участия в общественно-политической жизни страны, внутривластный кризис и как следствие его — частая смена министерских кабинетов — все это, по мнению автора, не могло не вызвать недовольства и в правительстве, и среди широких слоев общественности. Оппозиция к князю росла с каждым днем; для свержения его было решено использовать народную скупшину, которая не созывалась в течение 10 лет.

Появление первых голосов в пользу созыва скупщины Н. А. Попов относит к началу 1858 г. Автор монографии дает объяснение, кто и почему выступал «за» и «против» созыва скупщины.

В первую голову против было правительство Карагеоргиевича; второй силой, противостоящей созыву, по мнению историка, было старое чиновничество, привыкшее к постоянной грызне с правительством, князем и между собой «из видов корыстолюбия, потому что над ними не было самого важного контроля, удаленного уставом, — народной воли» [2, 60].

Рассматривая вопрос о сторонниках народной скупщины, Н. А. Попов подходит к пониманию основной силы, которая в конечном счете привела к победе оппозицию. На первое место автор ставит народ, который прежде всего мог желать созыва скупщины, ибо начал сознавать свое бесправное долготерпение от законного влияния на дела своей родины. Вторую силу Н. А. Попов видит в молодом поколении людей, «получивших лучшее образование, чем устаревшие представители старой интеллигенции... Все, что ими было

усвоено из общей европейской жизни (в особенности правительственные и общественные отношения, отличавшиеся от господствовавших в Сербии), многие из них хотели перенести на родную почву» [2, 60—61]. Историк различает два направления среди молодой интеллигенции — радикальное и умеренное. Однако разница между ними окончательно проявилась в 1859 г. после возвращения Обреновичей. К третьей группе сторонников скупщины Н. А. Попов относит приверженцев первой сербской династии Обреновичей. Четвертая, самая малочисленная и умеренная группа состояла из людей, вышедших из партии уставобранителей и недовольных правлением А. Карагеоргиевича.

Отметив задачи всех групп, находящихся в оппозиции к существующему режиму, Н. А. Попов, на наш взгляд, несколько преждевременно пытается дать им определение партий. В действительности существовало два течения в оппозиции — реакционное, выражавшее интересы великашей, крупной торгово-ростовщической буржуазии, высшего духовенства и верховного чиновничества, и либеральное, выражавшее интересы средней и мелкой буржуазии города и деревни. Таким образом, можно сказать, что движение за созыв скупщины шло сверху и снизу.

Одним из интересных вопросов, на наш взгляд, является вопрос о группировках (или партиях, как называет их Н. А. Попов), представленных на скупшине. Именно на Свято-Андреевской скупшине выявились основные политические силы, имевшие каждая свою программу, выражавшую интересы определенных общественных кругов и в дальнейшем сформировавшиеся в партии, игравшие немаловажную роль в политической жизни Сербии. Говоря о них, русский историк приближался к пониманию социальной основы столкновений, тогда как в большинстве случаев он сводил причины разногласий к личным мотивам и соображениям выгоды тех или иных людей.

Н. А. Попов выделяет 4 партии, хотя определения его в некоторых случаях страдают расплывчатостью.

Первая группировка, которую ученый называет придворной партией, имела наименьшее число сторонников; среди ее представителей были родственники князя, большинство советников. Программу ее можно назвать инструкцией для полицейских и военных начальников: скорейший разгон скупщины и укрепление власти Карагеоргиевича — такова была ее цель.

Характеризуя вторую группировку, автор не совсем последователен: он то называет ее партией, то отказывает ей в этом названии. «Вторую партию, которую можно противопоставить партии Карагеоргиевича, — пишет Н. А. Попов, — нельзя назвать в собственном смысле партией... Эта партия сторонников Обреновичей, действовавшая слепо, не могла руководить приближавшимся переворотом, хотя и была многочисленна» [2, 85]. Другими словами, группе обреновичевцев Н. А. Попов фактически отказывает в политической дееспособности.

Возглавили же борьбу на скупшине за преобразования две партии. Одна из них (третья по счету) состояла из представителей правительственной оппозиции. Вождями ее были Ф. Вучич, И. Гарашанин, М. Анастасьевич (так называемый «тройственный союз»), которых историк в дальнейшем называет каймаковцами, ибо они вы-

ступали за каймакамию — наместничество.

Наконец, четвертая партия, получившая большое значение и влияние на дела уже во время самой скупщины, была партией народно-либеральной. Костяк либерального лагеря составляли представители младшего поколения сербской интеллигенции, получившей образование большей частью за границей. Среди них — И. Илич, М. Янкович, Р. Алимпич и другие. Надо сказать, что Н. А. Попов редко дает свою оценку действиям или событиям, происходившим в Сербии. Однако о народно-либеральной партии он высказывает свое мнение. Будучи представителем либерального направления в России, он, естественно, отдает свои симпатии наиболее близкой ему по духу группировке: «Эта партия имела то преимущество перед остальными, что силу ее составляли наиболее образованные в Сербии люди... Она была свободна от всяких несогласий внутри, ибо чужда была исключительных предубеждений в пользу того или другого лица и способна к твердости и решительности в действиях, что обыкновенно дается общностью и определенностью убеждений» [2, 38]. Н. А. Попов явно идеализирует либералов, ибо среди них были и разногласия, и различные течения, но они имели четкую цель: удаление Карагеоргиевича и введение буржуазно-либеральных реформ в управление Сербией. Это и привлекало на их сторону все больше приверженцев из числа народных депутатов, среднего и мелкого духовенства, крестьянства.

Скупщина открылась 30.IX.1858 г. в день Св. Андрея Первозванного, почему и получила название Свято-Андреевской. В продолжение ее деятельности было 46 заседаний, которые очень подробно, на основании протоколов и записок участников скупщины освещает Н. А. Попов, почти дословно излагая речи, проекты, прения депутатов. И в этой части его монография приобретает характер источника.

Главным вопросом был законопроект о правильном и постоянном созыве скупщины. При обсуждении проекта было выдвинуто много прогрессивных предложений: о гласном судопроизводстве, о законе против высоких налогов, о свободе печати, который, по мнению некоторых депутатов «есть лучшее ручательство за народную свободу» [2, 126]. Следующим, не менее важным, был вопрос о княжеской власти. Депутаты выдвинули против князя акт, в котором отмечалось 6 видов преступления.

В своей работе Н. А. Попов много внимания уделяет закулисной борьбе группировок, интригам отдельных личностей, хотя его интересовала и тема взаимоотношений народа и государства. Вследствие буржуазной ограниченности оценки его страдают противоречивостью. Он явно недооценивает роль народных масс в историческом процессе, хотя именно народ проявил свою силу в такой опасный для скупщины момент, когда реакционный лагерь, объединившись, попытался вооруженным путем разогнать «революционную» скупщину. Народ не дал осуществиться этим планам. Исходя из идеалистических позиций, историк приписывает победу в первую очередь либералам: «Так восторжествовала народно-либеральная партия, а с нею народ и скупщина над замыслами приверженцев Карагеоргиевича, над происками сторонников каймаками и над восстанием войска» [2, 165].

Уделяя особое внимание либералам, автор различает и направления в деятельности и взглядах представителей этого лагеря. «Бес-

спорно, — пишет Н. А. Попов, — что в продолжении всех заседаний... главное влияние на дела принадлежало Груичу, Иличу и Янковичу... Однако они различались между собой по самому характеру своей деятельности и по применениям своих взглядов к существующему порядку вещей... Илич в этом отношении был только умеренным либералом и читателем Обреновичей. Груич оставался при строго либеральном образе мыслей... Янкович... упорно проводил свои взгляды, имевшие все свойства радикализма» [2, 223—224]. Кстати, сведения о Янковиче, так же, как и данные о действиях М. Анастасьевича, Ф. Вучича и Кабули-эффенди Н. А. Попов почерпнул, как мы выяснили, из подробнейшего письма А. Марьяновича: «Половина письма, — сообщал он, — написана по рассказам Янковича, другая — по рассказам компетентных лиц» [6]. Это письмо историк почти дословно привел в монографии.

Говоря об итогах Свято-Андреевской скупщины, Н. А. Попов выделяет несколько моментов: 1) принятие закона о скупщине. По сравнению с законопроектом, представленным Груичем, по которому скупщина являлась постоянно действующим законодательным органом, окончательный текст гласил, что скупщина будет собираться 1 раз в 2 года; 2) восстановление династии Обреновичей и ее основателя — Милоша; 3) удаление со службы чиновников правительства Карагеоргиевича; 4) ликвидация олигархического совета и 5) принятие закона об общинском управлении. «Отныне, — пишет Н. А. Попов, — общинскими делами должны управлять общинские скупщины... защищающие народные интересы. Такое постановление скупщины было вызвано теми искажениями, которые вкрались в общинное управление при Карагеоргиевиче и уставобранителях» [2, 232].

В заключение Н. А. Попов так оценивает Свято-Андреевскую скупщину: «Переворот... изменил коренным образом не только общее положение дел в стране, но и господствовавшие до тех пор политические и общественные отношения. Внутренние дела в их отечестве еще много зависели от личных взглядов князя и советников, его окружавших; но последние события вынесли с собою вперед немало новых людей и посеяли в народе больше свободного стремления» [2, 267].

Исходя из идеалистических позиций, ученый явно преувеличил значение скупщины. Да, она уничтожила олигархический режим уставобранителей, заменила династию Карагеоргиевичей династией Обреновичей. Однако она не затронула социальной базы режима, не изменила положения народных масс. Представитель буржуазно-либеральной историографии Н. А. Попов не мог до конца правильно оценить итоги скупщины. Задачу свою он видел в освещении борьбы внутри господствующего класса, считая ее главным фактором общественного развития. Отсюда его вывод о коренном изменении положения дел в стране, идеализация деятельности либеральной интеллигенции, недооценка народных выступлений. Введение некоторых либеральных реформ на скупщине было достаточным для историка, чтобы провозгласить Свято-Андреевскую скупщину эпохой в жизни сербского народа, радикально изменившей общественную и политическую обстановку в княжестве.

Тенденциозное освещение событий объяснялось как личными взглядами автора, так и теми материалами, которыми пользовался

Н. А. Попов. Московский историк писал свои труды по истории Сербии в то время, когда во главе княжества стояли представители либеральной партии; они же и предоставляли автору записки, мемуары и прочие материалы по интересующим его вопросам. Русский консул в Белграде Н. П. Шишкин, который часто пересылал Н. А. Попову документы, предостерегал его от односторонности. Опасения Шишкина оправдались. В Сербии книга вызвала большой резонанс. «О вашей книге смотря по партиям различно говорят. Либерально-народная очень довольна и усердно благодарит вас. Стевча и Груич кланяются вам... Партия каймакамовская и другие не совсем довольны и говорят, что в ней есть ошибки» [7], писал Н. А. Попову митрополит Михаил. Понимая политическую значимость труда русского историка для Сербии, А. Васильевич выражает автору от имени сербского народа благодарность. «Книга ваша весьма дорога нам, и каждый беспристрастный серб должен сказать вам от всей души: спасибо брат рус, ты сделал большую услугу сербскому народу» [8]. Но особенно интересна статья М. Бана [9, 245—256], профессионального литератора и публициста. Он справедливо оценил работу Н. А. Попова как одностороннюю, отметил слабость критического анализа автором событий в Сербии и поверхностный подход к имеющемуся материалу, предвзятую характеристику лиц, которых автор «или мало знает, или вообще не видел, не слышал, не изучал» [9, 248]. Статья М. Бана является единственной критической статьей, появившейся в Сербии в то время.

Некоторые замечания в более мягкой форме высказал в письме историку один из переводчиков книги А. Марьянович: «...Было бы желательно, чтобы почаще кроме живо и верно изложенных фактов слышался и ваш суд над ними... Имеются еще некоторые незначительные прегрешения... Это все в переводе будет исправлено» [10].

Завершая на этом обзор отзывов на монографию Н. А. Попова «Сербия после Парижского мира», хочется еще раз сказать, что работа была значительным явлением как в русской, так и в сербской исторической науке, а в Сербии, кроме того, приобрела и политическое звучание. В настоящее время, когда опубликовано достаточно работ, относящихся к этому периоду [11], труд русского историка интересен с историографической точки зрения и может быть использован как исторический источник.

Примечания

¹ Попов Н. А. Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 г. — М., 1867.

² Попов Н. А. Сербия после Парижского мира. Часть I: Свято-Андреевская скупщина. — М., 1871.

³ Попов Н. А. Россия и Сербия: Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 гг. — М., 1869, т. I и II.

⁴ Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (далее ОР ГБЛ), ф. 239, папка 13, ед. хр. 44, письмо митрополита Михаила от 6. II. 1870 г.

⁵ Архив САНУ, № 9327/1. Дневник Милана П. Миличевича, свеска 3, с. 26, 18.VIII. 1870 г.

⁶ ОР ГБЛ, ф. 239, папка 13, ед. хр. 12, письмо А. Марьяновича от 14.V 1871 г.

⁷ ОР ГБЛ, ф. 239, папка 13, ед. хр. 45, письмо митрополита Михаила от 13.XII. 1871 г.

⁸ ОР ГБЛ, папка 6, ед. хр. 7, письмо А. Васильевича от 14.I 1872 г.

⁹ Мала повйесничка раправа год 1872. Матина Бан г. Нилу Попову. — Публикация Р. Попович—Петкович. — Годишњак града Београда, књ. XX, 1973.

¹⁰ ОР ГБЛ, ф. 239, папка 13, ед. хр. 12, письмо А. Марьяновича от 21.XII. 1871 г.

¹¹ В XX веке были опубликованы как мемуары сербских государственных деятелей, участвовавших в Свято-Андреевской скупщине (например, Мемоари Ст. Стевче Михайловича у 2 дела од 1813 до 1842 и од 1858 до 1867, средно Ж. Живанович. Београд 1928; Успомене и доживљаји Дм. Маринковича 1846—1869. Посебна издања СКА, књ. CXXVI, 1939; Йован Ристић. Историйски списи. Београд, 1940.), так и обобщающие труды и отдельные монографии, в которых затрагивается вопрос об этой скупщине (например, Йовановић Сл. Уставобранитељ и њихова влада. Београд, 1933; Историйа политических странака и струја у Србији, кн. I. Београд, 1947; Йанковић Д. О политичким странкама у Србији у XIX веку. Београд, 1951; он же, Историйа државе и права Србије у XIX веку. Београд, 1952; Миличевич М. Йеврем Груич. Историйат Свето-Андрейског либерализма. Београд, 1964 и другие).

З. С. Ахундзаде

Н. А. ПОПОВУН «СЕРБИЈА ПАРИС СУЉ МҮГАВИЛЭСИНДЭН СОНРА» МОНОГРАФИЈАСЫ ҮЗРЭ 1858—1959-ЧУ ИЛЛЭРДЭ СЕРБИЈАДА ДАХИЛИ- СИЈАСИ БӨӨРЭН

Н. А. Поповун монографијалары во тарихи мәнбэлэрин анализи эсасында мүэллиф Сербия кыязылыгында XIX эсрин 50-чи иллэринин ахырларында беш вермиш бөһраны көстөрмишдир. Бу иллэрдэ Гаракеоркијевичлэр сүлалэсинин эвэзинэ һакимијјэт башына биринчи серб Оброновичлэр сүлалэси кэлмишдир. Ејни заманда Александр Гаракеоркијевичин һакимијјэти вахтында ләғв едилмиш скупщина кими халг нүмајөндө-лији органы халг күтлэлэринин тәзјиги илә јенидән идарәетмә органы кими бәрпа едилмишди.

Мүэллиф скупщина чағырылмасына һазырлыг дөврүндө вә скупщинада синфи гүв-вэлэрин нечә јерләшдирилмәсини, һансы гүввэлэрин скупщинанын «лехинә» вә «әлехинә» олдугуну көстөрмишдир. Мәгаләдә Н. А. Поповун елми нөгтеји-нәзәрлэринин харак-теристикасы, рус вә серб хадимлэринин монографијаја вердиклэри гиймәтлэр гејд едилмишдир. Нәтичәдә мүэллиф Н. А. Поповун әсэринин өз дөврү вә мүасир тарихчи үчүн ролу вә әһәмијјэтини ачыб көстөрмишдир.

Н. ТАИРЗАДЕ

ВКЛАД АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ УЧИТЕЛЕЙ В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

(конец XIX — начало XX в.) I.

Многогранная деятельность азербайджанских учителей в конце XIX — начале XX в. всегда привлекала исследователей истории педагогической мысли и просвещения, литературоведов и искусствоведов. Между тем, учителя, и прежде всего воспитанники Горийской и Эриванской семинарий и Александровского учительского института в Тифлисе, оставили определенный след и в историко-этнографическом изучении Азербайджана. Этот аспект их деятельности, однако, до сих пор не стал предметом специального исследования.

Научной деятельности отдельных учителей и значения их трудов касались в своих исследованиях С. М. Казиев [1, 235], Н. Таирзаде [2, 19—29], А. Абдуллаев [3, 30—33].

Настоящая статья является попыткой проследить в общих чертах за направлением и характером научных интересов азербайджанских учителей начальных школ [4].

Толчком к научной деятельности педагогов явилось предложение Кавказского учебного округа от 14 марта 1880 г. о сборе по месту их службы сведений о природе, экономике, истории, этнографии, демографии, лингвистике, материальном благосостоянии, санитарных и гигиенических условиях края и образцов устного народного творчества [5, 1906—1913].

На это предложение отозвалось немало учителей. Материалы собирались по месту работы в течение всего учебного года, а в каникулярное время и по всему уезду. Несмотря на чрезмерную занятость служебными обязанностями, учителя, заинтересовавшись поставленными вопросами, отнеслись к делу со всей серьезностью, а в отдельных случаях и с увлеченностью первооткрывателей. Они, по сути, стали первыми краеведами, этнографами, собирателями фольклора в ряде уездов Закавказья, в том числе и вошедших в пределы современного Азербайджана.

Большая часть собранных учителями материалов публиковалась в «Сборниках материалов по описанию местностей и племен Кавказа», издававшихся Кавказским учебным округом с 1881 г., а также в кавказской периодической печати.

Работы учителей могут быть условно разбиты на 3 группы: 1) очерки о конкретной местности, с более или менее полным охватом ее природных условий, исторического прошлого, хозяйства и быта; 2) материалы об определенных отраслях хозяйства или памятниках какого-либо уезда или населенного пункта; 3) сообщение об отдельных памятниках, обычаях, явлениях и фактах. Вне этих групп находятся записи исторических легенд и сказаний, сказок, притч, поверий, при-

мет, песен, анекдотов, а также воспроизведение различных письменных источников.

Среди опубликованных историко-этнографических материалов выделяются своей свежестью и обстоятельностью работы Мамеда Гасана Эфендиева «Селение Лагич Геокчайского уезда», Рашидбека Эфендиева «Кабалинский магал», «Несколько сведений о селении Куткашин», Керимбека Измайлова «Село Неграм Эриванской губернии Нахичеванского уезда», Гасанбека Багирова «Некоторые характерные черты жителей Геран-Бой Ахмедли Елисаветпольской губернии, Елисаветпольского уезда».

Не все работы учителей в свое время увидели свет. Некоторые очерки дорабатывались и опубликовывались уже в годы Советской власти. В 1920—30-е годы были завершены и частью опубликованы труды Р. Эфендиева по истории и этнографии Нухинского уезда. В них содержатся ценные наблюдения по топонимике, сведения об историческом прошлом, памятниках старины, развернутая характеристика быта населения.

Конкретный материал по этнографии Нухи содержится в рукописи Ахмеда Набиева, подробно иллюстрированной авторскими рисунками, чертежами и фотографиями [6].

Значительный интерес представляет большой неизданный труд Теймурбека Байрамалибекова «Ленкорань в прошлом» или «Этнография Талышского края», над которым он работал не один десяток лет.

При создании своих этнографических очерков М. Г. Эфендиев, Р. Эфендиев, Т. Байрамалибеков и некоторые другие авторы опирались на письменные источники, включая труды античных, арабских, армянских авторов, записки путешественников, официальные статистические сведения, периодические издания, монографии историков, специальную экономическую литературу, устную информацию местных жителей и довольно широко на собственные наблюдения, т. е. все то, что составляет научную базу любого историко-этнографического исследования.

Характеристика различных сторон материальной и духовной культуры народа, социально-экономических явлений, описание памятников архитектуры, случайных археологических находок, содержащиеся в трудах учителей, делают последние ценным первоисточником, который не может быть игнорирован при исследовании экономики, истории, этнографии последних десятилетий XIX—начала XX веков, эпиграфики, археологии, истории архитектуры Азербайджана.

В составленных очерках, наряду с различиями в сюжетах, имеется и немало общего, в отношении к описываемым событиям, явлениям и фактам, что обуславливается программой, разработанной Управлением Кавказского учебного округа [5, 1913—1928].

Описание местности авторы обычно начинали с происхождения названия и географических условий. Характеризуя отдельные отрасли хозяйства, описывая жилища, одежду, утварь той или иной местности Азербайджана, авторы подчеркивали их зависимость от природных условий — климата, почвы, рельефа, водных ресурсов, полезных ископаемых, флоры и фауны.

Многие из авторов — народных учителей выросли, а затем и

трудилась в сельской местности, поэтому имели ясное представление об условиях жизни и труда крестьян, о состоянии отдельных отраслей хозяйства.

В материалах, собранных учителями, нашли отражение аграрные отношения и положение крестьян, вопросы, имеющие первостепенное значение для изучения социально-экономической истории Азербайджана.

Этому сюжету посвящены десятки статей в журнале «Молла Насреддин», среди которых есть и написанные его редактором Дж. Мамедкулизаде. В этих статьях приводились и факты захвата помещиками удобной земли крестьян, сохранения крепостнических пережитков, беспощадной эксплуатации крестьян [7, 17—18].

В отдельных трудах затрагивались вопросы обеспеченности крестьян землей, объем и характер повинностей в пореформенной азербайджанской деревне.

О малоземелье, о большом числе безземельных крестьян в с. Неграм свидетельствует К. Исмаилов [8, 195]. Подробное исследование положения государственных крестьян в с. Лагич провел М. Г. Эфендиев. С этой целью он использовал посемейные списки, обширный статистический материал из Управления Государственных имуществ Бакинской губернии и другие официальные источники. Произведенные им подсчеты дали конкретную картину неравномерного распределения земли среди крестьян, несоответствия повинностей крестьян размеру наделной земли, несправедливой раскладки податей [9, 82—84].

Т. Байрамалибеков, внимательно изучавший положение частновладельческих крестьян в Ленкоранском уезде, писал, что последние, не будучи в состоянии выкупить отведенные им наделы, по-прежнему оказывались вынужденными арендовать землю у помещика или кулака. При этом кулак или купец сдавал крестьянам на кабальных условиях землю, арендованную им, в свою очередь, у казны, нередко под будущий урожай, исполу, а скупленный за бесценок урожай продавал втридорога [10].

О распространении в азербайджанской деревне конца XIX — начала XX в. субаренды об огромной разнице в размере платы между первой и второй арендой, которая с годами увеличивалась и приводила к пролетаризации крестьян, известно и по другим источникам [11, 189].

Реформа, как правильно отметил Т. Байрамалибеков, лишила крестьян лесов, пастбищ, выгонов, отняла возможность содержать скот, ловить рыбу, охотиться [12], осложнила пользование водой, жизненно необходимой при поливном земледелии. Здесь создавалась тяжелая зависимость крестьян от распорядителей воды — мирабов [13]. Положение частновладельческих крестьян, с присущей ему меткостью, охарактеризовал Дж. Мамедкулизаде. В одном из своих сатирических фельетонов, озаглавленном «Новый учебник», он поместил задачу на дробь. По условиям задачи крестьянин отдает одну треть урожая пшеницы помещику, другую треть — молле и дервишу, еще одну треть — начальству и приставу. Вопрос: что остается крестьянину? [14, 44].

О тяжелом положении крестьян азербайджанской деревни писал и видный просветитель, ученый Ф. Кочарли [15, 29].

Характеризуя положение крестьян, Гусейн Минасазов в одной из своих публицистических статей в 1907 г. писал, что в азербайджанской деревне «...царствуют обычаи средневековой барщины, бесконтрольного хищничества, полного господства над несчастными крестьянами...» [16, 50].

Яркий фактический материал подтверждал характеристику крестьянской реформы, данную В. И. Лениным: «Вся вообще эпоха реформ 60-х годов оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве» [17, 173].

Вследствие тенденциозности, отсутствия верного научного метода исследования, неумения дать глубокий анализ фактического материала, некоторые исследователи не могли разобраться в действительных причинах изменений, которые они наблюдали в социально-экономической жизни Азербайджана. Сочувствуя крестьянам, оказывая им нередко содействие в рациональном ведении хозяйства, в приобретении сельскохозяйственного инвентаря, оказывая им даже медицинскую помощь, большая часть учителей вследствие классовой ограниченности объясняла тяжелое положение крестьян лишь их невежеством.

В ряде очерков нашли отражение становление и развитие капитализма в сельском хозяйстве, проявление качественных сдвигов в деревне (социальная дифференциация крестьян, применение наемного труда, отходничество).

Социальное расслоение наиболее ярко изображено Т. Байрамалибековым среди крестьян, занятых рисоводством (Ленкоранский уезд), М. Г. Эфендиевым — среди медников (с. Лагич Геокчайского уезда), Фараджем Султановым — среди шелководов (Джебраильский уезд).

Наличие в азербайджанской деревне кулаков и скупщиков отмечали Г. Минасазов [16, 50], Мамед Караев [18, 78], Мамед Векилов [19, 87] и др.

Учителя, работавшие в сельской местности, не могли не заметить проникновения торгово-ростовщического капитала в азербайджанскую деревню, которое стало усиливаться с 80-х годов XIX в.

Деятельность скупщиков и ростовщиков многократно разоблачалась на страницах журнала «Молла Насреддин» [7, 18].

Авторы раскрывали зловещую деятельность скупщиков, которые, опутывая крестьян долговыми обязательствами, превращали их, по выражению М. Г. Эфендиева в «сельских пролетариев», [9, 71, 84], оторванных от земли и ищущих средств к существованию в отходе.

Как писал В. И. Ленин: «Постоянно нуждающийся в деньгах крестьянин занимает деньги у скупщика и потом отдает за долг свой товар. Сбыт товара в последнем случае (имеющим очень широкое распространение) всегда происходит по искусственно пониженным ценам» [20, 366—367]. При этом «мелкий производитель оказывался отрезанным от рынка и беззащитным перед властью торгового капитала» [20, 359—360].

О наемном труде в шелководстве, отрасли, в которой относительно заметнее проявлялось развитие капиталистических отношений, есть исчерпывающие сведения у Ф. Султанова. Он указал на источник фор-

мирования рабочей силы, занятой разведением тутового шелкопряда в селах Джебраильского уезда — крестьянскую бедноту, односельчан и жителей соседних сел [19, 102].

По свидетельству Г. Багирова, на сельскохозяйственные работы в Елизаветпольский уезд приезжали гонимые нуждой крестьяне из Южного Азербайджана [21, 181].

В качестве наемной силы в деревне оказывались и представители городских низов. Из Нухи, в частности, они уходили весной на сезонную работу по червоводству в окрестные села и Закатальский округ. При этом их привлекали и на уборку риса, оплачивая наемный труд деньгами или натурой [22].

Авторы отмечали и рост неземледельческого отхода. Те же разорившиеся крестьяне занимались извозом, составляли контингент рабочих мыловаренных, шелкомотальных и других заводов [19, 107, 110].

В очерках отразились почти все существовавшие в деревне рассматриваемого времени источники наемной рабочей силы [23, 126—135].

В трудах учителей довольно много места отведено изучению ремесла, кустарных промыслов. В них дается всестороннее представление о ковроделии, ручном ткачестве, мыловарении, кузнечном, кожевенном, гончарном, красильном деле, об изготовлении кирпича и черепиц, головных уборов и одежды, носков и обуви, изделий из металла и дерева, осоки и камыша и пр.

Ряд авторов обратили внимание на упадок отдельных промыслов (ручного ткачества, изготовления медной посуды, керамических изделий), вытеснение кустарных изделий фабричными.

При изложении процессов производства авторы тщательно описывали все орудия труда, называли стоимость и место приобретения исходного сырья и инструментов, время и силы, затраченные на изготовление изделий, рыночную их стоимость, средний заработок мастера, пути реализации готовой продукции, а также условия труда и их влияние на здоровье работников.

Наиболее полно состояние ремесел освещено в работах Т. Байрамалибекова, А. Набиева и Р. Эфендиева. Последний обратил внимание на название ремесленных кварталов в Нухе, сохранившихся вплоть до недавнего времени: Даббаглар (кожевники), Дулузлар (гончары), Зэргярлар (ювелиры), Харратлар (плотники), Сабунчи (мыловары) и др. Эти названия свидетельствовали о живучести и многообразии ремесел, их месте в экономической жизни города [24].

Р. Эфендиеву во время поездок по Нухинскому уезду удалось собрать интересные сведения и по истории ремесленных организаций в первой половине XIX в. Об устройстве цехов в Нухе, об отношениях между мастерами, подмастерьями и учениками ему сообщил 119-летний старик, бывший цеховой старшина. Р. Эфендиев и сам наблюдал эксплуатацию подростков, которые за три года ученичества не столько приобщались к ремеслу, сколько прислуживали мастеру и его семье. Со слов упомянутого старика был записан любопытный документ — образец текста договора между мастером и подмастерьем [25].

В отдельных очерках приводятся имена известных в своем ремесле мастеров [6, 106—151].

Наряду с ремеслом, крестьянскими промыслами, с низкой, примитивной ручной техникой, в азербайджанских уездах возникала и успешно развивалась капиталистическая промышленность, в частности, шелкомотальная. Ф. Султанов, обследовавший Джебраильский уезд, обстоятельно охарактеризовал, как техническую оснащенность Гадрутского шелкомотального завода Гули Мурадова (продукция которого в 1879 г. была удостоена золотой медали на выставке в Филадельфии) с 60 станками, работавшими на силе пара, так и условия труда 40 работниц, которые за 20—30 коп. в день при 14—16 часовом рабочем дне приходили из окрестных сел на работу [19, 107]. Сведения об использовании женского и детского труда, характерные для капиталистического производства, имеются и у других авторов [26, 115.; 21, 175].

Все учителя, затрагивавшие в своих трудах экономические вопросы, единодушно высказывались о необходимости рационализации производства, в первую очередь, усовершенствования орудий труда, введения машин. Ставя производительность труда в прямую зависимость от степени обученности, квалификации работника, авторы выражали пожелания об открытии профессиональных школ и курсов. Об этом писали Т. Байрамалибеков, Б. Ибрагимбеков, Багадин Кочарлинский, Юсуф Мелик-Ахназаров и др.

Многие авторы считали необходимым предоставление крестьянам кредитов, которые избавили бы их от необходимости обращаться к ростовщикам. Считая торговлю одним из средств, способствующих укреплению материального благосостояния, авторы предлагали облегчить непосредственным производителям сбыт готовой продукции. Они имели возможность наблюдать, как не только крупные города, но и небольшие уездные центры, с ростом товарооборота втягивались в общероссийскую, а через нее в мировую торговлю. Авторы отмечали вывоз шелка-сырца и ковров в европейские страны, а изделий лагических мастеров на рынки Ирана и Турции [27; 21, 174; 19, 108; 9, 84].

Значительно шире представлены в очерках материалы о местной торговле, в частности о предметах торговли, о ценах на товары, о торговых рядах, рынках, караван-сараях.

Подробные сведения о нухинских караван-сараях, их внутренней жизни, архитектурном облике собрал Р. Эфендиев. Описывая уцелевшие из них, он подчеркивал древние торговые связи Нухи с южным Азербайджаном, Гянджой, Дагестаном, Арменией, которые отразились в их названиях [28].

Таким образом, учителя, занявшиеся сбором материалов по истории, экономике, этнографии, коснулись в своих работах ряда социально-экономических вопросов, среди которых важнейшим являлось освещение процесса развития капитализма в пореформенной азербайджанской деревне, его последствия.

Резюме на азербайджанском языке (общее) будет дано в конце второй части статьи.

Примечания

¹ Казиев С. М., Эфендиев М. Г. — Азербайджанский этнографический сборник. — Баку, 1968, II вып.

² Таирзаде Н. Просветительная и научная деятельность Теймурбека Байрамалибекова. — Изв. АН АзССР. Сер. ист., филос. и права, 1974, № 2.

³ Абдуллаев Э. Маариф пэрванəsi. — Баку, 1982.

⁴ Рамки статьи не позволили охватить научную деятельность выдающегося просветителя и ученого Г. Меликова (Зардаби), которая может стать объектом самостоятельного исследования.

⁵ Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. — Тифлис, 1892, т. V, ч. II, п. 547.

⁶ Научный архив Музея истории Азербайджана АН АзССР, инв. 10728/1999.

⁷ Талыбзаде И. Молла Насрэддин журналында аграр мәсələ (1906—1914-чү илләр. — Изв. АН АзССР. Сер. обществ. наук, 1962, № 11—12.

⁸ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК), вып. XXVII. — Тифлис, 1900, отд. II.

⁹ СМОМПК, вып. XXIX. — Тифлис, 1901, отд. II.

¹⁰ РРФ АН АзССР, шифр Д—686/28593, л. 8.

¹¹ См.: Исмаилов М. XIX əsrin sonu-XX əsrin əvvəllərində Azərbaycanın torpaq mülkiyyəti və torpaqdan istifadə formaları haqqında. — Тр. Ин-та. Истории АН АзССР, 1958, т. XIII.

¹² Каспий, 1897, № 12.

¹³ Каспий, 1887, № 139.

¹⁴ Мəmmədгулузаде Ч. Əсəрлəri. İkinci cild. — Баку, 1967.

¹⁵ Нəбијев Б. Фиридун Көчəрли. — Баку, 1963.

¹⁶ Минасəзов Г. Избранные произведения. — Баку, 1982.

¹⁷ Ленин В. И. Крестьянская реформа. — Полн. собр. соч., т. 20.

¹⁸ Гурбанов Ш. Ачылмамыш səһифələr. — Баку, 1974.

¹⁹ СМОМПК, вып. XI. — Тифлис, 1891, отд. II.

²⁰ Ленин В. И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве. — Полн. собр. соч., т. 3.

²¹ СМОМПК, вып. VI. — Тифлис, 1888, отд. II.

²² Əфəндизаде. Şəki şəhərinin etnoqrafikası aidi olan materiallar. — РРФ АН АзССР, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 27, с. 196; Его же. Об этнографическом и экономическом степи Турут. — РРФ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 44, с. 10.

²³ См.: Сумбатзаде А. С. Социально-экономические предпосылки победы Советской власти в Азербайджане. — М., 1972.

²⁴ РРФ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 33, с. 7.

²⁵ РРФ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 41, с. 1—2.

²⁶ СМОМПК, вып. XXV. — Тифлис, 1898, отд. II; РРФ ф. 8, оп. 1, ед. хр. 27, с. 55а.

²⁷ РРФ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 27, с. 17а.

²⁸ РРФ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 27, с. 66, 76.

А. Х. АСЛАНОВ

ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(о выступлении отряда качагов под руководством
Гаджи Юсуфа Али-оглы)

Одной из основных задач азербайджанских историков является изучение истории крестьянского движения в Азербайджане в конце XIX — начале XX вв. В этом аспекте следует указать на работы И. М. Гасанова, З. И. Ибрагимова, М. А. Исмаилова, М. Казиева, Наряду с этим следует отметить, что вопросы классовой борьбы в Закатальском округе Азербайджана остались совершенно не рассмотренными. Исследование вопросов крестьянского движения в Закатальском округе имеет важное значение и позволяет пролить свет на одну из малозученных страниц классовой борьбы в азербайджанской деревне. Особый интерес у историков вызывает вопрос о деятельности в Закатальском округе в начале XX в. отряда качагов во главе с Гаджи Юсуфом Али-оглы.

Движение качагов было одной из наиболее острых форм борьбы азербайджанского крестьянства. И одним из главных центров качагского движения в Азербайджане был Закатальский округ. До последнего времени в распоряжении исследователей имелись отрывочные, нередко противоречивые сведения о деятельности отряда качагов во главе с Гаджи Юсуфом Али-оглы. Так, Ц. П. Агаян датирует деятельность отряда Гаджи Юсуфа последней четвертью XIX в. [1, 349]. Это повторяется и в ряде других работ [2, 196]. Ничего не было известно о дате и месте рождения качага Гаджи Юсуфа, не были установлены обстоятельства его гибели. В некоторых работах она датировалась февралем 1906 г. в бою под г. Телави в Грузии [2, 612]. Поэтому крайне важно было выявить убедительные материалы, пополняющие наше представление о деятельности отряда качагов Гаджи-Юсуфа — этой славной страницы в летописи азербайджанского крестьянства. Обнаруженные нами в ЦГИА Азербайджанской и Грузинской ССР архивные документы позволяют более полно воссоздать картину деятельности закатальских качагов в начале XX века.

Качаг Юсуф родился в сел. Ковахчель Закатальского округа в 1880 г. Отец, крестьянин Али Юсуф-оглы, содержал семью из восьми человек [3]. В 1903 г. судебными и полицейскими органами Закатальского округа было принято решение о выселении Юсуфа из родного селения. Не пожелав подчиниться произволу властей, Юсуф вынужден был скрываться от преследований полиции — так он ступил на тропу народных мстителей [4].

Ближайшими сподвижниками качага Юсуфа в его упорной борьбе против царских властей и их ставленников, беков и кешкелевладельцев, кулаков и торговцев, были Имам-Мирза Магомед-оглы из сел.

Шамбуль и родной брат Юсуфа — 18-летний Магомед [5]. Кроме них, самое активное участие в борьбе против самодержавно-бекского гнета принимали качаги Шейх Магомед Али Муса-оглы, Азиз Молла Ибрагим-оглы, Али Магомед, Юсуф и другие.

Совершив побег и организовав вооруженный отряд, качаг Юсуф повел решительную борьбу против угнетателей трудового крестьянства. Так, например, 26 июня 1904 г. качагами было экспроприровано более двух тыс. рублей у белоканских богатеев Бахиша Гезалова и Молла Халила Молла Шабан-оглы. Отряд качагов во главе с Юсуфом часто вступал в упорные столкновения с полицией, нападал на царских чиновников и их ставленников. Так, 17 августа и 5 октября 1904 г. в Закатальском округе произошла ожесточенная перестрелка между отрядом качага Юсуфа и местной полицией, в ходе которой были ранены несколько стражников; 1 октября качагами было совершено нападение на дом правительственного старшины по сел. Ковах-чель — была сожжена конюшня, порезан скот [6].

Сами качаги отмечали, что власти Закатальского округа «действуют всегда противозаконно, притесняют жителей, берут от населения взятки, обходят законные права жителей; этим заставляют нас и подобных нам быть непокорными закону... Ни одно дело жителей не разрешается по справедливому закону...» [7].

Наиболее удобной для качагов формой действия в условиях Закатальского округа являлись формирования типа «летучих отрядов» — небольших конных групп в составе 3—4 человек. Им удавалось наносить смелые удары по своим врагам легко скрываться в труднодоступных горах и густых лесах Закатальского округа. К качагам одновременно присоединялись различные группы крестьян как Закатальского округа, так и соседних уездов, возвращавшихся после успешных действий в свои селения.

Не ограничиваясь рамками одного Закатальского округа, отряд качагов во главе с Юсуфом часто приходил на помощь крестьянам соседних районов — Сигнахского и Телавского уездов Тифлисской губернии, Нухинского уезда Елизаветпольской губернии и части Дагестанской области [8].

Качаги пользовались широкой поддержкой крестьян, которые снабжали их одеждой, пищей, предоставляли им убежище, предупреждали качагов об опасности. Именно поддержка со стороны народных масс позволяла качагу Юсуфу и его сподвижникам долгое время держать царские власти в «состоянии страха и тревоги».

Многочисленные неудачи, поражения в стычках с отрядом Юсуфа, вынудили власти Закатальского округа и сопредельных уездов совместно обсудить и принять меры по ликвидации движения качагов. Состоявшееся по этому вопросу 9 ноября 1904 г. в Лагодехи совещание пришло к заключению, что для успешного выполнения поставленной задачи «желательно прежде всего объединить все действия по преследованию качагов, причем ликвидацию отряда Юсуфа было признано необходимым поручить одному должностному лицу — начальнику Анцухо-Капучинского уч. Гунибского округа Дагестана штабс-капитану Новоковскому. Данное решение совещания не встретило возражений со стороны тифлисского губернатора и военного губернатора Дагестанской области [9]. 21 декабря это решение было санкционировано главноначальствующим на Кавказе кн. Голицыным [10].

Ввиду усиления репрессий как против качагов, так и их родных и близких, которых царские власти начали выселять с насиженных мест в далекий Ахалцихский уезд Грузии, качаги Юсуф и Имам-Мирза в октябре 1904 г. переехали в Турцию, в г. Брус, куда они проникли с партией переселенцев из Нухинского уезда. Качаги воспользовались документами переселенцев: Юсуф по паспорту значился Нурмагомедом Селим-оглы, а Имам-Мирза — Габидуллахом Селим-оглы [11]. Благодаря агентурным данным царские власти были в курсе их намерений, и для поимки руководителей качагского движения послало в г. Батум, откуда отплывали пароходы с переселенцами, начальника Белоканского уч. Закатальского округа Канчели. Но последний прибыл в Батум только 22 октября 1904 г., в то время как качаги Юсуф и Имам-Мирза отплыли в Турцию на два дня раньше — 20 октября [12]. Царские власти попытались через русское посольство в Константинополе добиться от турецкого правительства выдачи предводителей крестьянского движения в Закатальском округе. Однако ответ из Константинополя от 26 марта 1905 г. гласил, что «оба в конце декабря 1904 г. уехали на богомолье в Мекку» [13].

Тем временем в России началась первая русская революция. Аграрное движение в Закатальском округе приняло острый характер, крестьянские выступления стали более массовыми и упорными. Крестьяне отказывались выполнять распоряжения властей, платить подати казне, отбывать повинности землевладельцам, захватывали и вырубали казенные леса, оказывали вооруженное сопротивление властям. Начальник Закатальского округа полковник Павлов сообщал в одном из своих донесений заведующему полицией на Кавказе: «Агитация о не взносе в казначейство денежных и других повинностей усилилась до того, что взносы платежей в казначейство совершенно прекратились» [14]. В этих условиях, в мае 1905 г. качаги Гаджи Юсуф и Гаджи Имам-Мирза вернулись в Закатальский округ. В округе вновь развернулось качагское движение. Деятельность отряда качагов под предводительством Гаджи Юсуфа приняла уже более яркую антиэксплуататорскую, антиправительственную направленность. Качаги громили и поджигали имения, нападали на беков и кулаков, торговцев и фабрикантов, царских чиновников, убивали стражников. Одним из первых шагов качагов по возвращении в Закатальский округ было задержание 12 табачных плантаторов [15]. Под влиянием отряда качагов во главе с Гаджи Юсуфом в Закатальском округе и в соседних уездах возникали аналогичные группы народных мстителей. Действовавшими в округе качагскими группами были обложены налогом купцы Кахского базара — одного из самых больших в Закатальском округе. Качагами были обложены зажиточные крестьяне селений Ингилой-Кетукло, Караган, Кашкачай. Малах и некоторых других [16].

Беки и кешкелевладельцы, кулаки и торговцы, которых особенно задевала многолетняя, причем весьма успешная деятельность качага Гаджи Юсуфа, неоднократно просили местные власти разрешить им создать на свои средства разъездную полицейскую команду, которая охраняла бы их имущества, стада и пр. [17]. Прошения закатальских богатеев были поддержаны окружной администрацией, которая «единственное спасение» от качагов видела в «организации под руководством администрации особой разъездной команды...» [18]. Но все эти ходатайства были отклонены главными властями края, которые

считали «в принципе нежелательным вооружение туземцев Кавказского края» [19].

Царские власти тщетно пытались уничтожить отряд Гаджи Юсуфа. Поддержка со стороны народа, благоприятные топографические условия Закатальского округа — все было на руку качагам. Начальник округа в 1905 г. сообщал в канцелярию наместника про то «напряжение и страх, в котором Закатальский округ и Сигнахский уезд находятся уже два года» от действий отряда качагов Гаджи Юсуфа [20].

Отряд качагов под предводительством Гаджи Юсуфа неоднократно вступал в упорные столкновения с царскими карателями, применявшими против них даже артиллерию, и наносил им большой урон [2, 612]. 17 августа 1905 г. произошла перестрелка отряда качага Гаджи Юсуфа с 264 пехотным резервным Лорийским полком, после которого военные вообще отказались от участия в борьбе с качагами. «Это столкновение, — говорилось в совершенно секретном докладе от 27 октября 1905 г., представленном наместнику Кавказа, — лишний раз подчеркнуло бессилие власти, и вместо морального воздействия на население, оно — наоборот, способствовало убеждению его в недействительности всех мер, предпринимаемых против Юсуфа...» [21].

Полное бессилие окружных властей в борьбе с отрядом качагов во главе с Гаджи Юсуфом вынудило кавказского наместника Воронцова-Дашкова командировать в округ «для расследования, на месте, причин безуспешности преследования оперирующего в округе» отряда качагов своего личного адъютанта подполковника Романовского [22].

Рисуя положение, создавшееся в Закатальском округе в результате «небывало дерзкой деятельности» отряда Гаджи Юсуфа, подполковник Романовский сообщал в канцелярию 27 октября 1905 г., что администрация округа оказалась в самом «фальшивом положении», показав неспособность своих исполнителей поймать или уничтожить «грозного Юсуфа, ставшего, таким образом, чуть не легендарным разбойником» [23].

Царские власти на Кавказе были очень встревожены столь долгой и успешной деятельностью отряда закатальских качагов под предводительством Гаджи Юсуфа. В декабре 1905 г. начальник Закатальского округа сообщал заведующему полицией на Кавказе, что крестьянское движение в Закатальском округе приняло «характер партизанской войны» [24]. Несмотря на усиленные полицейские кордоны в начале 1906 г. в Закатальский округ прорвалось несколько качагских отрядов из Нухинского уезда, которые по сведениям окружной администрации шли на соединение с Гаджи Юсуфом [25]. В одном из рапортов заведующего кавказской полицией генерала Ширинкина наместнику Кавказа от 16 февраля 1906 г. отмечался панический страх властей перед движением качагов и говорилось: «Борьба с Юсуфом составляет вопрос крайней важности в округе, так как неуловимость Юсуфа окружает его ореолом знаменитости» [26]. В Закатальский округ были посланы дополнительные военные силы — в конце 1905 г. в округ вступили части Тверского драгунского полка [27]. С целью укрепления местной администрации в округ был назначен новый управляющий — им стал адъютант наместника подполковник Романовский, который энергично взялся за искоренение качагства в Закатальском округе. Немедленно была организована разъездная

команда в составе 52 полицейских, хотя на это и не было получено разрешения центральной кавказской власти. Не останавливаясь на этом, новый управляющий просил Воронцова-Дашкова разрешить использовать по отношению «к мятежным селениям» Закатальского округа самые решительные меры, рекомендуемые циркуляром министра внутренних дел России Дурново от 24 декабря 1905 г. за № 14646 [28].

Никакие меры, предпринимаемые царскими властями в Закатальском округе против качагов и их сторонников не приносили результатов. Несмотря на усиление репрессий со стороны властей, закатальские крестьяне продолжали оказывать отряду качагов Гаджи Юсуфа всевозможную помощь и поддержку. Управляющий округом в рапорте генералу Ширинкину от 8 февраля 1906 г. сообщал, что крестьяне селений Ковахчель и Белоканы упорно продолжали скрывать Юсуфа. Ни командирование отряда стражников с офицером, ни личное посещение самим подполковником Романовским этих селений с эскадрой драгун «для устрашения» не принесло властям должного результата. Наоборот, в отместку качаги во главе с Гаджи Юсуфом «дерзко» напали на дом депутата словесного суда Потиева, жившего всего в 6 верстах от г. Закатал. Управляющий округом вынужден был признать свое бессилие и сообщить: «Считаю свои средства исчерпанными» [29]. Единственный выход для прекращения сложившегося в Закатальском округе «невыносимого» положения подполковник Романовский видел в немедленном направлении царских карателей в сел. Ковахчель на экзекуцию и взыскание с крестьян денежного залога впредь до полного уничтожения отряда качагов Гаджи Юсуфа [29]. Это требование было поддержано генералом Ширинкиным, который докладывал наместнику Кавказа, что принятие самых репрессивных мер против отряда Юсуфа является «действительно неотложною необходимостью... Дерзость Юсуфа достигла крайних пределов» [30]. 20 февраля 1906 г. в сел. Ковахчель был вызван 4-й эскадрон 43 драгунского Тверского полка и до поимки качагов с ковахчельского сельского общества было взыскано более одиннадцати тысяч рублей [31].

Тем временем отряд качагов во главе с Гаджи Юсуфом продолжал свою борьбу. 24 февраля 1906 г. Гаджи Юсуф, переодевшись в офицерскую форму, с другими качагами в одежде стражников, добытой в схватках с полицией, среди бела дня, в 14 верстах от г. Телави, на шоссе напали на четыре срочных дилижанса. Был убит 1 стражник, захвачено оружие, патроны, деньги [32]. Однако царским властям удалось организовать преследование качагов, в результате чего 25 февраля 1906 г. они были настигнуты полицией и казаками в Гремской даче Кварельского уч. Телавского уезда. В происшедшей схватке был ранен и пленен один из соратников Гаджи Юсуфа. 27 февраля после перестрелки у сел. Старые Гавазы был ранен в ногу и сам Гаджи Юсуф, а другой его сподвижник убит [32]. Дальнейшее преследование отряда качагов продолжалось полицией Сигнахского уезда и Закатальского округа, в помощь которым была послана особая карательная команда в составе 35 стражников во главе с поручиком Измайловым [33].

Раненому качагу Гаджи Юсуфу удалось тайно прибыть на лечение в свое родное селение Ковахчель и остановиться в доме кре-

стьянина Мусы Магомед-оглы [34]. Тяжесть экзекуции, денежного залога, взысканного с населения, все же сыграли свою роль. Уже на третий день по прибытии предводителя закатальских качагов в Ко-вахчель полиции было известно его местонахождение [35]. Архивные документы позволяют судить о том, что эту услугу царским властям оказал старшина Ковахчельского сельского общества Рамазан Магомед Селим-оглы [36].

Получив сведения о Гаджи Юсуфе, поручик Измайлов, на которого была возложена поимка прославленного качага, с командой стражников в два часа ночи с 13 на 14 марта 1906 г. оцепил дом. Ворвавшись в него, полицейские потребовали от хозяйки дома выдачи качага. Но последняя подняла крик, предупредив качагов об опасности, и старалась не допустить карателей к обыску дома. Одна из комнат дома была заперта снаружи на замок. На требование отпереть замок, хозяйка заявила, что ключ утерян. Когда полицейские вышибли дверь этой комнаты, из нее раздались выстрелы. В ходе перестрелки и происшедшей затем рукопашной схватки был убит качаг Али и ранены двое из карателей. От выстрелов в доме потух огонь. Воспользовавшись темнотой, Гаджи Юсуф сумел незаметно выскользнуть из дома и попытался бежать. Однако стражники, которые были оставлены в засаде вокруг дома, открыли огонь, в результате которого Гаджи Юсуф был смертельно ранен. Доставленный в лазарет г. Закатал, в ночь на 15 марта 1906 г. он скончался [37].

Гибель качага Гаджи Юсуфа не остановила рост крестьянского движения в Закатальском округе. Борьбу качагов возглавил ближайший сподвижник Гаджи Юсуфа — качаг Гаджи Имам-Мирза.

Борьба отряда закатальских качагов под предводительством Гаджи Юсуфа Али-оглы против самодержавно-бекского гнета вошла в историю как яркое проявление героической борьбы народных масс царской России за свое освобождение от социального и национального гнета.

Примечания

- ¹ Агаян Ц. П. Крестьянская реформа в Азербайджане в 1870 году.—Баку, 1956.
- ² История Азербайджана.—Баку, 1960, т. 2.
- ³ ЦГИА ГССР, ф. 229, оп. 2, д. 2581, лл. 146—147.
- ⁴ ЦГИА АзССР, ф. 125, оп. 1, д. 216, лл. 3, 15—16.
- ⁵ ЦГИА ГССР, ф. 229, оп. 2, д. 2435, лл. 10—11 об.
- ⁶ Там же, лл. 13—14 об.
- ⁷ ЦГИА АзССР, ф. 125, оп. 1, д. 216, л. 3.
- ⁸ ЦГИА ГССР, ф. 229, оп. 2, д. 2435, лл. 13—14 об.
- ⁹ Там же, лл. 8, 9, 10—11 об.
- ¹⁰ Там же, л. 15.
- ¹¹ Там же, д. 2581, лл. 107—108.
- ¹² Там же, лл. 112—113.
- ¹³ Там же, л. 109.
- ¹⁴ Там же, ф. 83, оп. 1, д. 220, л. 2.
- ¹⁵ Там же, ф. 229, оп. 2, д. 2581, лл. 138—139.
- ¹⁶ Там же, лл. 30, 31—32, 33, 34, 49 и об.
- ¹⁷ Там же, л. 12 и об.; ф. 83, оп. 1, д. 136, л. 23—24, 43.
- ¹⁸ Там же, ф. 83, оп. 1, д. 136, лл. 23—24, 41—42 об.; д. 198, л. 103 и об.; ф. 229, оп. 2, д. 2581, лл. 17, 23 и об.
- ¹⁹ Там же, д. 198, л. 103 и об.; ф. 229, оп. 2, д. 2581, л. 14 и об., 24.
- ²⁰ Там же, ф. 229, оп. 2, д. 2581, лл. 144—145 об.
- ²¹ ЦГИА ГССР, ф. 229, оп. 2, д. 2581, лл. 119—135 об.
- ²² Там же, л. 2; ЦГИА АзССР, ф. 125, оп. 1, д. 350, л. 18 об.
- ²³ Там же, лл. 119—135 об.

- ²⁴ Там же, ф. 83, оп. 1, д. 136, л. 47.
- ²⁵ Там же, ф. 229, оп. 2, д. 2581, лл. 26—28.
- ²⁶ Там же, ф. 83, оп. 1, д. 194, л. 112 и об.
- ²⁷ Там же, ф. 229, оп. 2, д. 2581, л. 19.
- ²⁸ Там же, лл. 26—28.
- ²⁹ Там же, лл. 58—60.
- ³⁰ Там же, ф. 83, оп. 1, д. 194, л. 146 об.
- ³¹ Там же, ф. 229, оп. 2, д. 2581, лл. 82—83.
- ³² Там же, ф. 83, оп. 1, д. 194, л. 171, и об.
- ³³ Там же, лл. 61 об.—62 об.
- ³⁴ Там же, ф. 229, оп. 2, д. 2581, л. 77.
- ³⁵ Там же, л. 79.
- ³⁶ ЦГИА АзССР, ф. 125, оп. 1, д. 218, л. 194.
- ³⁷ ЦГИА ГССР, ф. 229, оп. 2, д. 2581, лл. 79—80.

А. Х. Асланов

XX ЭСРИН ЭВВЭЛЛЭРИНДЭ АЗЭРБАЙДЖАНДА КЭНДЛИ ҺЭРЭКАТЫ ТАРИХИНДЭН (ҺАЧЫ ЈУСИФ ЭЛИ ОЃЛУНУН БАШЧЫЛЫҒЫ АЛТЫНДА ҒАЧАҒ ДЭСТӘСИНИН ЧЫХЫШЫ ҺАҒГЫНДА)

Азәрбајҹанда кениш јајылмыш ґаҹаг Һәрәкаты кәндли чыхышларынын өзүнәмәхсус формаларындан бири иди.

Аграр мүнәсибәтләрә вә кәндли Һәрәкаты тарихинә һәср олунмуш бә'зи әсәрләрдә ґаҹаг Һәрәкаты индијә кими әсаслы өјрәнилмәмшидир.

XX әсрин әввәлләриндә Зағатала даирәсиндә Һаҹы Јусиф вә онун ґаҹаг дәстәсинин дөјүшү тарихи мәғаләнин әсас мәзмунуну тәшкил едир. Мәғаләдә ґаҹаг Јусифин фәалијјәт кәстәрдији јер, онун анадан олдуғу вә өлдүјү илләр һағгында сәнәдләр јени материаллар әсасында дүзкүн кәстәрилер. Әсәрдә верилән материаллар әсасән јенидир, совет тарихи елминә илк дәфә кәтирилир.

М. Х. ГЕЙДАРОВ

К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РЕМЕСЛЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С АХИ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы истории ремесленных организаций в странах Ближнего Востока, главным образом в аспекте взаимоотношений и взаимовлияний этих организаций со средневековыми религиозно-общественными организациями — ахи.

В советской историографии данный вопрос не был предметом специального изучения [1]. Постановка его вызвана тем, что в историографии средневекового Ближнего Востока эти организации представлены то самостоятельными, то тождественными историческими категориями. Преобладает последняя концепция. Подобная тенденция проникла как в специальную [2], так и в общую литературу [3]. Разногласия мнения об ахи западноевропейских исследователей (Фр. Бабингер, Ж. Дени, Г. Торнинг, К. Дефремери, Фр. Тешнер и др.) [4]. Большинство из них, как и русские востоковеды XIX — начала XX в., считает ахи религиозно-рыцарским орденом. К. Каэн, считая ахи «полугофициальными и непрофессиональными корпорациями», в сущности выступает против отождествления ахи с религиозно-рыцарскими орденами. В то же время автор, отождествляя ахи и футувву, не считает их «совершенной ассоциацией или корпорацией» [5]. Фр. Тешнер считает: «Ахи — должностное определение глав ассоциаций молодых, организованных наподобие цехов в Анатолии в XIII—XIV вв.» [6]. Автор ограничивает ареал ахи определенным регионом: «В весьма узком значении ахизм — это специфическая форма проявления организации футувва в Анатолии позднего (сельджукского) и послесельджукского периодов» [6].

Одним из главных наших аргументов, выдвигаемых против трактовки тождественности ремесленных организаций и ахи, является несовпадение времени и условий возникновения, развития и исчезновения этих организаций с исторической арены.

Совокупность данных источников, несмотря на их крайнюю скудность, свидетельствует о том, что ремесленные и профессиональные организации (сначала в виде простых ассоциаций, а затем уже более сложных производственно-сбытовых корпораций) имели место на протяжении всей средневековой истории Азербайджана, Ирана и сопредельных стран Востока, представляя собой довольно типичное явление в социальной жизни феодальных городов. Исследователи истории раннего феодализма Н. В. Пигулевская, М. М. Дьяконов и К. В. Тревер ставят вопрос о существовании ремесленных «корпораций или цехов» еще во времена Сасанидов [7]. Профессиональные ремесленные корпорации как самостоятельные социальные институты продолжали развиваться и в последующие исторические периоды. Так, в городах Азербайджана и сопредельных стран мусульманского

Востока в VIII—XV вв. существовала выборная должность старшины кварталов — ра'ис. Многие райсы одновременно являлись главами ремесленных организаций. В Гяндже при правлении Шаддадидов существовала должность ра'ис ал-каззас (глава шелкоткачей и шелкоторговцев) [8], в начале XI в. в Ширване были должности ра'ие ал-саррадж (глава шорников), ра'ис ал-даббаг (глава дубильщиков) [9] и т. д. Существование ремесленных организаций в Шемахе, Байлакане, Баку, Исфагане и других городах Востока можно проследить по целому ряду косвенных данных. Хагани (1120—1199) называет своего отца Али Наджжара в одном случае главой плотников (пир-и доругер), а в другом — главой зодчих (шейх-и мухандис) в Шемахе. В одном из писем поэт называет своего отца «устади ра'ис» — главным мастером [10].

Несмотря на терминологическое различие, которое, возможно, объясняется различием языков источников или локальными особенностями, во всех вышеотмеченных случаях мы имеем дело с главами определенных ремесленных корпораций.

Если профессиональное и ремесленное население городских кварталов обладало правом выбора ра'иса из числа своих наиболее видных и доверенных представителей, в подобном случае мы имеем дело с определенной формой самоуправляющихся производственно-сбытовых ассоциаций (корпораций). Говоря о ра'исах в Арране и в Ширване X—XI вв., В. Ф. Минорский отмечает, что «некоторые из них, несомненно, были главами городских гильдий» [11, 163]. Думается, в борьбе многих из этих ра'исов против феодальных правителей, в частности в оппозиции главы шорников (ра'ис ал-саррадж) Дербента против ширваншаха [11, 53, 164], прежде всего следует видеть борьбу за защиту институтов самоуправления как в общегородском масштабе, так и в пределах отдельных торгово-ремесленных корпораций.

Вышеприведенные данные со всей очевидностью свидетельствуют о существовании ремесленных организаций еще задолго до появления ахи. Первое упоминание об ахи встречается в суфийской литературе XI в. [12, 136]. У путешественника Ибн Баттуты (1307—1377) и других средневековых авторов упоминается об ахи Фаррухе, жившем в XI в. [13]. Признаки существования ахи в Азербайджане можно найти в сведениях автора конца XI — начала XII в. Мас'уда Ибн-Намдара, жителя Байлакана, свидетеля восстания горожан 505 г. х. (1111—1112 г. н. э.) против гянджинских эмиров и сельджукских правителей. Возглавляли это восстание молодые -ал-фитьян (синоним «ахи») [14]. Известно, что именно молодые ремесленники и торговцы составляли ядро ахи.

Упоминания об ахи встречаются в сведениях и о других городах средневекового Азербайджана, в частности, на территории Старой Гянджи, имеется мавзолей неизвестного ахи под названием «Джомардкассаб» («Благородный мясник») [15]. Нам представляется, что это лишь отдаленный отголосок значительного общественно-политического и идеологического течения; ахи и их идеология нашли широкое распространение в Гяндже в XII—XIII вв. Влияние этой идеологии, окутанной в сильной степени религиозной оболочкой, но призванной к высокому гуманизму и социальной справедливости, нашло свое поэтическое отображение в произведениях Низами Гянджеви [16]. Материальные и письменные следы существования ахи находим

и в других городах Азербайджана, Ирана и Малой Азии: Тебризе, Ардебиле, Баку, Исфагане, Конии и т. д. [17].

Ибн Баттута сталкивался с ахи во многих городах от Крыма до Исфагана, а близко познакомился с ними в Исфагане, Анатолии, Конии и других городах и областях, оставив весьма ценные наблюдения об их обрядах и структуре. По его словам, в юго-восточной части Малой Азии — Руме — организации братства «фитьян» («ахийат ал-фитйан») имелись во всех городах и даже в селах [18]. Следы ахи в странах Ближнего Востока прослеживаются в XV в., н даже в начале XVI в. Во второй половине XV в. в Турции Сейидом Хусейном была составлена специальная уставная грамота («Футувватнамэ») внутренних распоряжков и обрядовых посвящений в ахи [19]. Построенные на материалах суфийско-ахийских трактатов XI—XV вв. и описанные в «Футувватнамэ» обряды и порядки, по мнению автора, соблюдались ахи Азербайджана, Ирана, Аравии, Турции и Ирака и при его жизни [20].

Со второй половины XV — начала XVI в. в странах Ближнего Востока намечается тенденция деградации ахи, причину которой в Турции В. А. Гордлевский видит в том, что здесь «водворилась» сравнительно твердая власть османских султанов, и ахи должны были распустить свои дружины» [21].

Другой важной причиной деградации ахи на рубеже XV—XVI вв. мы считаем то, что именно в этот период они находятся под сильным воздействием суфийских идей [22].

Ибн Баззас приводит имена большого количества ремесленников, торговцев и представителей различных профессий из Ардебилля, Шираза и других городов Азербайджана и Ирана, которые были членами ахи и одновременно-последователями (мюрид) шейха Сафи ад-Дина [23].

ахидина [25]. Попав окончательно под опеку суфийско-дервишских орденов (прежде всего, шиитских), ахи, надо полагать, потеряли свою организационную самостоятельность. Думается, что важную роль в этом сыграло развертывавшееся на рубеже XV—XVI вв. в Азербайджане, Иране и Турции шиитское движение под руководством ардебильских шейхов. Идея социального равенства, проповедывавшаяся шиизмом на начальном этапе, притягивала к себе широкие слои населения городов и сел. Та же самая идея, составлявшая суть социальной программы ахи и сблизившая их с шиизмом, позже была выхолощена усилением шиитского движения. Сблизившись и слившись с различными орденами шиитского толка, ахи были втянуты в военно-политические мероприятия Сефевидов и стали их прямыми пособниками. Не случайно шах Исмаил I (1501—1524) в одном из стихотворений писал: «Те, которые пришли с признанием потомка шаха, (это) были ахи, гази и абдалы» [24, 58]. Со временем ахи претерпели процесс идейного, политического и организационного вырождения. Их низы примкнули к газиям шаха Исмаила I, а верхушка, феодализовавшись [25], отошла от принципов ахи.

Таким образом, время существования ахи охватывает примерно XI—XV вв. Ремесленные организации под различными названиями (мохтарифэ, хэрфат, эснаф, узан, лонча, бониче, амкар, касаб, табуни и т. д.) существовали параллельно с ахи и продолжали свою дальнейшую эволюцию в течение большого исторического периода (XVI—XIX вв.) и даже после исчезновения ахи. Основываясь на

данных источников, можно сделать вывод, что в Иране, Азербайджане в Малой Азии (с XV в.) и в ряде других стран Ближнего Востока в XIII—XVIII веках наиболее употребительными терминами в значении «ремесленно-профессиональная организация» были «мохтарифэ» (араб. букв. ремесленник, мастер) и «эснаф» (араб. мн. ч. от «сенаф» — букв. класс, разряд, категория, род, сословие) [26].

В течение, примерно, пятивекового существования ахи рядом с мохтарифе (херфатами, эснафами) они оказали большое идеологическое и организационное влияние на последние. Это влияние можно проследить не только в период длительного сосуществования этих организаций, но и в период дальнейшей эволюции эснафов. Влияние духовных, обрядовых, в некоторой степени и структурных норм ахи и суфийских орденов на ремесленные организации прослеживается по футувватнамэ — уставным грамотам, регламентирующим моральную и религиозную жизнь ремесленников. В упомянутой выше «Футувватнамэ» Сейида Хусейна, которую следует считать обобщенным вариантом из числа наиболее известных до XV в. произведений подобного характера [27], находим обряды посвящения, по основным пунктам исполнения совпадающие с «Футувватнамэ», переводимой Эвлия Челеби в XVII в. [28], которыми руководствовались эснафы Ближнего Востока. Позже, в XVIII—XIX вв. появились дифференцированные по отраслям трактаты, типа среднеазиатских рисале и турецких футувватнамэ [29]. Однако и в них мы находим значительное наслоение из более ранних футувватнамэ и религиозно-моральной жизни ахи и ремесленных организаций предыдущих веков. Ярче всего это наслоение проявляет себя в упоминании почти одних и тех же родоначальников и покровителей (пиров) отдельных ремесел и в обрядах посвящения ученика (шагирд) в мастера (уста), в частности, в обряде опоясывания (азерб. гуршама, перс. миянбесте, кямербенди, араб. шадд) [30]. По мнению Г. Торнинга, этот обряд заимствован суфийско-дервишскими орденами и ремесленными организациями у ахи (фитьян). В. А. Гордлевский ставит под сомнение данное мнение [31]. У Равенди (XII в.) имеется прямой намек на соблюдение обряда опоясывания представителями художественных ремесел [32]. Сам обряд в ремесленной среде мог возникнуть гораздо раньше.

Яркий след оставил ахи на иерархической структуре ремесленных организаций. Так, вместо термина ра'ис ал-ру'аса (глава старшин городских кварталов и ремесленных цехов X—XII вв.), а также термина «баскак-е мохтарифэ» и «мелик ос-сонна» (букв. царь, глава ремесленников) в XIII—XIV вв. [33], в XV в. все чаще (почти как синоним) употребляется термин «шейх аль-шуйух» (глава эснафских шейхов). Этот термин употребляется и как синоним ахи-баба в Турции. Шейх ал-шуйух, считавшийся главой всех эснафов, одновременно осуществлял и духовное руководство ими [34].

В период правления Сефевидов происходит изменение в структуре управления эснафов: административную функцию шейх аль-шуйух исполнял калантар, а духовную и производственно-сбытовую жизнь возглавлял шейх-и (араб. старший, глава), устад (уста-баши) [35].

У Ибн Баттуты (XIV в.) встречается термин «ра'ис» в значении главы (старшины) ремесленных организаций. Однако для Исфагана в том же значении он приводит термин «келу» (гелу) [36]. Букваль-

но келу (гелу) — тюркского происхождения — самоуверенный, гордый, решительный, смелый [37]. Существует предположение, что келу (гелу) — терминологический синоним ахи-баба, (глава ахи у некоторых тюркских народов) [37]. Однако у Ибн Баттуты довольно ясно сказано, что келу (гелу) был главой ремесленных цехов, а не ахи. Последние, состоявшие из молодых холостяков, имели свои организации [38]. С другой стороны, ахи-баба, как и его синоним шейх ал-шуйух (т. е. глава шейхов), был главой не одной отдельно взятой ремесленной организации, а всех эснафов (мохтарифэ) в данном городе [39].

Сопоставление данных различных источников наводит нас на мысль, что буквальное и терминологическое значение келу (гелу) совпадает с другим тюркским словом — йигит (азерб. игит). Подобный вывод напрашивается благодаря многочисленным сведениям источников XV—XIX вв., согласно которым, в этот период в турецких и закавказских ремесленных организациях существовала специальная должность йигит-баши (игит-баши — букв. глава молодцов) — старшины, главы эснафов (позднее — хамкаров) [40]. Термин «йигит» (игит), его синоним келу (гелу), как и ряд других вышеприведенных терминов (шейх ал-шуйух, ахи-баба и т. д.), привнесены в ремесленные организации через ахи еще раньше и можно полагать, становится типичным после XV в. В более ранних источниках, в частности у Ибн Намдара и Ибн Баттуты, организация ахи [41] — холостой молодежи — обозначается термином «ал-фитьян» (ал-фата), синоним того же «йигит» (игит, джигит). Возможно, последний термин был в употреблении у ахи и ремесленных организаций XIII—XIV вв. Как заметил В. А. Гордлевский, Ибн Баттута турецкого языка не знал, и термины у него приводятся по-арабски [42].

Как нами было отмечено, другим синонимом йигит является персидское «джомард», а также тюркское слово «аки». Последнее встречается в «Диван-у лугат-ит-турк» Махмуда Кашгари [43], оно буквально и терминологически как нельзя более полно выражает черты, присущие ахи: щедрость, смелость, великодушие и т. д. Исходя из этого некоторые исследователи, в частности Фр. Тешнер, полагают, что название организации происходит не от арабского «ахи» (брат мой), а от тюркского — «аки» [44]. Данные из персоязычных и тюркоязычных источников убеждают нас в том, что арабское ахи, персидское джомард (джаванмард), тюркское келу (гелу), игит (йигит, джигит), аки в зависимости от места и времени (иногда в пределах одной местности одновременно) в одних случаях употреблялись параллельно, выражая различные семантические аспекты одного и того же объекта, а в других — как синонимы. В «Футувватнамэ» Сейида Хусейна говорится, что «йигит, ахи и шейх — все однозначны...», что эта титулатура изменялась соответственно возрасту [45]. Поэтому, отнюдь не случайно, что в эснафскую иерархию как синонимы вошли и термины «йигит-баши», «шейх-е устэд» и «ахи-баба». По-видимому, воспользовавшись своим огромным влиянием на эснафов, отдельные руководители ахи уже в XIII—XIV вв. заняли соответствующее место в ремесленных организациях. На рубеже XV—XVI вв., когда происходила деформация (а возможно и трансформация) [46] ахи, они утвердились в цехах и способствовали изменению их внутренней структуры. Согласно «Футувватнамэ» Сейида Махм-

да ибн Сейид 'Ала' ад-Дина, составленной в 1524 г., у эснафов дубильщиков в Турции было девять должностных названий, происходящих от ахи. В числе их: йигит, ахи-эвран, ахи-баба — в Турции [47], келу (гелу), шейх-е устэд, игит-оаши — в Закавказье и Иране.

Таким образом, имея тесную связь с ремесленными и профессиональными организациями, ахи оказали большое влияние на их внутреннюю жизнь как в структурном, так и в обрядовом и духовном отношениях. Ремесленные и профессиональные организации в странах Ближнего и Среднего Востока в виде слабых ассоциаций возникли в период раннего средневековья, когда ахи не были общественно-политической организацией; в течение почти всего развитого средневековья (XI—XV вв.) эти организации существовали параллельно, а после исчезновения ахи, эснафы (амкары), хотя и продолжали их некоторые внешние обрядовые традиции, в сущности являлись профессиональными и ремесленными организациями. Их существование было обусловлено высоко развитым ремесленным производством и прежде всего социальной структурой самого городского общества: концентрация тысяч и десятков тысяч ремесленников самых различных специальностей в многочисленных средних и крупных торгово-ремесленных центрах [48] обуславливала объединение ремесленников в профессиональные (как и межпрофессиональные) корпорации, носившие по сути своей антифеодальный характер.

Примечания

¹ Следует, однако, отметить работы видного исследователя истории турецких цехов и ахи В. А. Гордлевского, в которых уделяется немало внимания некоторым аспектам изучаемого нами вопроса. См.: Гордлевский В. А. Из жизни цехов в Турции. К истории ахи: Избр. соч. — М., 1960, т. 1. Из известной нам зарубежной исторической литературы только в Турции в работе. О. Нури одна глава посвящена этому вопросу: Osman Nuri Tarih-i Belediyye. Tn. 6, Ahi teskilatinin esnafı münaşebeti. «Mecelle-i ümür-i Belediyye» (История организации города. Взаимоотношения организации ахи с эснафами: Сборник по городским вопросам. — Истанбул, 1338/1922, с. 537—56). К сожалению, нам не удалось выявить данную работу в библиотеках Советского Союза.

² Эта тенденция отождествления ахи с профессиональными организациями наглядно выражена в более ранних работах В. А. Гордлевского (Из жизни цехов в Турции, с. 276 и след.); Е. Э. Бертельс (Суфизм и суфийская литература: Избр. труды. — М., 1965, с. 41) считает ахи «тайными организациями ремесленников», а И. П. Петрушевский (Государства Азербайджана в XV в: Сб. стат. по истории Азербайджана. — Баку, 1949, вып. I, с. 205) — «тайными организациями подмастерьев»; так же считает Мирали Сейидов (Некоторые замечания о братстве ахи (на азерб. яз.). — Изв. АН АЗССР. Серия литер., яз. и иску., 1967, № 1, с. 28—29); Semavi Eyice. İlk Osmanlı Devrinin Dini-Jetmai Bir Müessesesi (Семави Эйиджа. Об одной религиозно-общественной организации начала Османского периода: Сб. эконо. фак. Истанбульского университета, 1962—1963 (№№ 1—21, т. 23, с. 25—29).

³ См.: История Азербайджана. — Баку, 1958, т. 1, с. 152: «В XII в. в азербайджанских городах существовала организация ремесленников, члены которой назывались ахи (братья)».

⁴ О названии сочинений и мнениях этих авторов см.: Гордлевский В. А. Из жизни цехов, с. 276 и след.

⁵ Claud Cahen. 1) Pre-Ottoman Turkey... — London, 1968, p. 49—50, 337, 340—341; 2) Mouvements populaires et autonomisme urbain dans L'Asie musulmane du Moyen âge par le Claud Cahen. — Leiden: E. J. Brill. 1959, p. 241—242.

⁶ Taeschner Fr. Aki The Encyclopaedic of Islam. New, Ed., vol. 1. — Leiden—London, 1960.

⁷ Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. — М.-Л., 1946; с. 228—229; Города Ирана в раннем средневековье. — М.—Л., 1956, с. 222 и след.; Дьяконов М. М. Иран в период перехода от рабовладения к феодализму. Народные

движения и развитие феодальных отношений в V—VII вв.: История стран зарубежного Востока в средние века. — Изд-во МГУ, 1957, с. 77; Тревер К. В. К вопросу о ремесленных корпорациях в Сасанидском Иране. Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология: Сб., посв. семидесятилетию чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской. — М.: Наука, 1967, с. 167 и след.

⁸ Минорский В. Ф. в книге «История Ширвана и Дербента X—XI вв. (Пер. с араб. «Тарих Баб-ал-абваб»). — М., 1963, с. 164) «каззаз» дает в значении шелководства. Однако «каззаз» одновременно означало «шелкоткач». В словаре тюркского языка, составленного в первой половине XVI в. (Мустафа бен Шамса ад-Дин, Ахтар-е кабир та'лиф-е 952. — Кутахийе, 1280, том 2), «каззаз» передается только в значении (аброшим буюджи). Для X в., когда отделение торговли от ремесла было на более низком уровне, указанный термин еще с большим правом можно отнести к виду ремесла, чем торговли.

⁹ Тарих Баб-ал-абваб, с. 65, 70—71, 75, 79, 163—164.

¹⁰ Диван-е Афзал ад-Дин Бадил бен Али Надджар Хагани Ширвани (Хагани, Диван.). — Тегеран, 1338 г.х.ш., с. 365—366; Муши' Хагани (Хагани, Муши'нат). — Тегеран, 1313 г.х.ш., с. 175; Мас'уд Ибн Намдар (сб. рассказов, писем и стихов): Рукопись Парижской Национальной библиотеки (араб. фонд № 4433)/Пер. частей сборника с араб. на русск. В. М. Бейлис. НА Ин-та истории АН АЗССР, ф. 1, оп. 24, д. 6126, оригинал, лл. 242, 250б, пер. лл. 13, 65 и др.

¹¹ Тарих Баб-ал-абваб. Минорский В. Ф. Общие замечания.

¹² Гордлевский В. А. Государство сельджукидов Малой Азии: Избр. соч. — М., 1960, т. 1.

¹³ Сафарнаме-йе Ибн Баттуте. Путешествие Ибн Баттуты/Пер. с араб. на перс. М. А. Муваккед. — Тегеран, 1337, с. 191—192; Амин Ахмед Рази. Хафт иклим (Амин Ахмед Рази. Семь климатов). — Тегеран, 1960, т. 3, с. 194 и др.

¹⁴ Мас'уд Ибн Намдар. Ук. сб. рассказ. и писем, ориг. лл. 7—8, 251а, пер. лл. 8, 13 и др.

¹⁵ О легенде см.: Джафарзаде И. М. Историко-археолог. очерк Старой Гянджи. — Баку, 1949, с. 19. Джомард является еще одним синонимом ахи (-ал-фит'ян) и (утилитарной формой от перс. джаванмард — букв. юноша, молодой человек), терминологически это — «благородный», «великодушный», «храбрый».

¹⁶ В описываемом во второй части «Искендер-наме» идеальном обществе Е. Э. Бертельс (Низами. — М., 1956, с. 75—76) находит черты государства ахи.

¹⁷ Ибн Баттута. Путешествие, с. 101—192, 281—282, 292 и др.; Таваккуль Ибн Баззаз. Сафват ас-сафа (Чистота чистот). — Рукописный фонд ИВ АН УзССР, инв. № 4357; гл. 1, лл. 2, 8, 9, 14, 15, 21, 22, 26, 33, гл. 2, лл. 5—18 и др.; Мухаммед Мирхонд. Розват ас-сафа (Сад чистоты). — Бомбей, 1262, т. 6, с. 295—296; сохранилась келья (завийе) ахи Нуруллахи на Апшероне.

¹⁸ Ибн Баттута. Указ. соч., с. 281.

¹⁹ Abdülhakî Gölpinarlı... Seyh Seyyid Hüsey'nin «Fütüvvet-name» si Голпинарлы А. Футувватнаме Шейха Сейида Хусейна: Сборник эконо. фак. Истанбульского университета, т. 23, (№№ 1—2), с. 47—48 и др.

²⁰ Шейх Сейид Хусейн. Футувватнаме, текст ориг., л. 84 а, в. Указ. изд., с. 83—84. Были другие уставные грамоты, в перечислении которых нет надобности.

²¹ Гордлевский В. А. Из жизни цехов в Турции, с. 283; см. также Казн К. Pre-Ottaman Turkey..., с. § 49.

²² В частности, см.: Гордлевский В. А. Из жизни цехов в Турции, с. 277 и др.; Бертельс Е. Э. Суфизм, с. 41 и др.; Бертельс А. Е. Насир-и Хосров и исмаилизм. — М., 1959, с. 45—46, 47 и след.; Петрушевский И. П. Государства Азербайджана в XV в., с. 205.

²³ Ибн Баззаз. Сафват ас-сафа, гл. 1, лл. 26, 31, гл. 2, лл. 7, 12, 22, 26, гл. 3, лл. 24, гл. 9, л. 22 и т. д.

²⁴ Шах Исмайл Хатаи. Эсэрлэри, Баку, 1966, I чилд.

²⁵ Этот процесс начался раньше. В конце XV в. одним из влиятельных эмиров при дворе Ак-Коюнлу был ахи Фарадж ибн Сиди Али. В числе приближенных и полководцев шаха Исмаила I был ахи Султан Текели (он же Ахи-бек). Подобный процесс происходил и в Турции. См. Abul.

Khayr Fadlullah b Ruzbihan b. Fadlullah (b. Muhammad) al-Khvnjj al-Isfahani Tarikh-i alem-ara-yi Amini (Persian, d. 1478—1490), an abridged trans. by V. Minatsky. — London, 1957, p. 55; Memiors of shah Tahmasp. — Calcutta, 1912 (перс. текст), с. 8 и 10; Гордлевский В. А. Дервиши Ахи Эврена, с. 297 и т. д.

²⁶ Фазлудлах Рашид ад-Дин. Джами-ат-таварих, т. 3/Пер. с перс. А. К. Арениса. — Баку, 1957, перс. текст, с. 542—545, русск. пер. с. 311—313; Ибн Баттута.

Указ. раб., с. 191, 225 и след; Хондемир. Намей-е нами (Хондемир. Известные письма). — РРФАН АЗССР, рук. М—209/3583, ил. 94—95; Исмаил Дибадж, Рахнаме-йе асар-е тарихи Азербайджане Шарки (Путеводитель по историческим памятникам Восточного Азербайджана). — Тебриз, 1334 г. х., с. 68—69 (текст фирмана Тахмасиба I от месяца зильхиджи 932 г. х./сентября 1526 г.);

A chronicle of the Early Safawis being the Ahsan ut-tawarikh of Hasaa-i Rumlu, Baroda. 1931 (pers. text), p. 409;

Nader Mirza. Тарих ва джеографи Дарассалтане-йи Табриз (История и география стольного города Табриза). — Тегеран, 1323 г. х., с. 109—110 текст фирмана Тахмасиба I от 1564 г. Tavarin-i Cedidi—Mirat-i Cihan, Dazenleyen Atsiz (Новая история — зеркало мира. Автор анонимный). Истанбул, 1961, с. 20—21; Эвлия Челеби.

Сийахетнаме (Путешествие). — Истанбул, 1314 г. х., т. 1, с. 511—555 и след.

F. Dalsar. Turk sanayi ve Ticaret Tarihinde Bursada ipekçilik. Vesikalar (Шелководство в Бурсе в истории ремесла и торговли Турции; Сбор документов): Тр. экономического факультета Истанбульского университета. — Истанбул, 1960, с. 112—114, 298, 353—355 и др.; Charden J. Voyages en Perse. — Paris, 1811, vol. IV, pp. 93—95; Tadhkirat al-mulun, a manual of Safavid administration circa 1137/1725/Persian text in facsimile trans. and explained by v. Minorsky. — London, 1944, перс. текст, с. 76—81; Надпись на Эчмиадзинской церкви (1682 г) в кн.: Егизаров С. А.

Городские цехи. Организация и внутреннее управление Закавказских амкаств. — Зап. Кав. отд. император геогр. об-ва, кн. XIV, вып. 2; Казань, 1891, с. XXIV — XXV; Месхиа Ш. А. Города и городской строй феодальной Грузии XVII—XVIII вв. — Изд. Тбилисского государственного университета, 1959, с. 323 и след.

Гейдаров М. Х. Ремесленное производство в городах Азербайджана в XVII в. — Баку, 1967, гл. 3, и т. д.

²⁷ В числе их: «Тохфат ал-Васайя» Неггаша Ахмеда (на араб.), «Футувватнаме» Насири (на перс.), «Футувватнаме» Бургази (на турец.) и др.; см.: Голпинарлы А.

Предисловие к ук изд. «Футувватнаме», с. 31—32, 47—48 и след.

²⁸ Эвлия Челеби. Указ. раб., т. 1, с. 489 и след.

²⁹ Рукописный фонд ЛО ИВ АН СССР, рук. В—20 36, А—367, В—884, С—1202 —2, А—360, В—2027, А—391, А—337 и др.; см. также: Гаврилов М. Ф. Рисаля сартовских ремесленников: Исслед. преданий мусульманских цехов. — Ташкент, 1912; Гордлевский В. А. О футувватнаме: Избр. соч., т. 1, с. 307 и след.; Кузнецова Н. А. Ремесленные рисаля. — Краткие сообщения ИВ АН СССР, 1956 вып. XIX; Гейдаров М. Х. Указ. раб., гл. 3, § 1.

³⁰ Сейид Хусейн. Футувватнаме, ориг. с. 77 и след.; Эвлия Челеби. Указ. соч., т. 1, с. 488—489 и след.; сравн. с ук. рисале Рукописного фонда ЛО ИВ АН СССР — рук. А—377, лл. 11—13 и след.; лл. 32—33 и след.; рук В—2027, л. 1 и след.; и т. д. Гейдаров М. Х. Указ. соч., с. 131—132.

³¹ H. Thorning Beiträge zur Kenntnis des islamischen vereinwesens auf Grund von Bast madod et Taufiq («Turkische Bibliothek». — Berlin, Bd. 16, 1913) — по В. А. Гордлевскому. Из жизни цехов в Турции, с. 277.

³² The Rahat as sudur wa ayat as surur... by Muhammad ibn Ali... Al-Rawandi. — London, 1921 (pers. text) p. 357.

³³ Juwayni 'Ala' u-d-din 'Ala' Malik-i; The Tarikh-i ja-hangusha... JMS, vol. XVI. — Leyden — London, 1916

(Джувеини... История завоевания мира...), часть 2 (перс. текст), с. 145—146, 157; Аснад ва намеха-йе тарихи аз авайел-е Ислами та авахир-е ахде шах Исмаил Сафави, Та' лифе Сайид Али Моваййед Сабети (Документы и переписки с начала Ислама до конца правления шаха Исмаила Сафавида/Составил С. М. Сабети). — Тегеран, 1346 г. х.ш., с. 244.

³⁴ Сейид Хусейн. Футувватнаме, текст ориг., лл. 91а—92а, в; Голпинарлы А. Указ. соч., с. 39—40.

³⁵ Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме, т. 2. Пт. 1862, с. 210; Искендер Мюнши. Тарих-е алем арайе-е Аббасе. — Тегеран, 1314, литогр. изд., с. 232—233; Гейдаров М. Х. Указ. соч., с. 137—138;

³⁶ Ибн Баттута. Указ. соч., с. 191.

³⁷ На происхождении этого термина, со ссылкой на словарь тюркских наречий В. В. Радлова, подробно останавливается М. Сейидов. Указ. соч., с. 26—27).

³⁸ Ибн Баттута. Указ. соч., с. 413.

³⁹ Ибн Баттута. Указ. соч., с. 191; Сейид Хусейн. Футувватнаме, текст ориг.

лл. 91а—92а; *Голпинарлы А.* Указ соч., с. 141; *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов Малой Азии: Избр., соч., т. 1, с. 141—142.
⁴⁰ Сб. док. по истории ремес. и торг. в Турции, док. № 11 (1644 г.), с. 97; Там же, предисловие Ф. Далсара, с. 114—116; *Гакстаузен А.* Закавказский край: Заметки о семейной и общественной жизни. — СПб., 1857, с. 107; *Егiazаров С. А.* Указ. соч., с. 152 и след. *Гордлевский В. А.* Из жизни цехов в Турции, с. 280 и т. д.
⁴¹ По Ибн Баттуту (указ. соч., с. 281—282), ахи — выборная глава определенной группы организации.

⁴² *Гордлевский В. А.* Из жизни цехов в Турции, с. 283.
⁴³ *Divanü Lügati-türk.* — Ankara, 1943, s. 15: «aki-clî acik, kocak, Selek, Cömerg».
⁴⁴ *Фр. Тешнер.* Указ соч., ст. в «Энцикл. Ислама», т. 1, с. 321—323.
⁴⁵ *Сейид Хусейн.* Футувватнамэ, текст ориг., л. 39; *Голпинарлы А.* Указ раб., с. 40.

⁴⁶ *Бартольд В. В.* Турция, Ислам и христианство. — Ежемесячный журнал. СПб., 1915, № 2, с. 76; *Гордлевский В. А.* Из жизни цехов в Турции, с. 284—285; *Гейдаров М. Х.* Ремесленное производство и торговля в городах Азербайджана в XVII в. — Баку, 1971, с. 36, 40 и 41.

⁴⁷ По Фр. Тешнеру, указ. ст. в «Энцикл. Ислама», т. 1, с. 322—323.
⁴⁸ Как известно, многие из них (Нишапур, Исфаган, Херат, Нахичевань, Гянджа и др.) насчитывали десятки, а некоторые сотни тысяч жителей.

М. Х. Нейдаров

ЈАХЫН ШӘРГ ӨЛКӘЛӘРИНДӘ СӘНӘТКАРЛЫГ ТӘШКИЛАТЛАРЫНЫН ӘХИЛӘРЛӘ ГАРШЫЛЫГЛЫ ӘЛАГӘСИ ТАРИХИНӘ ДАИР

Мәгаләдә Јахын Шәрг өлкәләриндә, о чүмләдән Азәрбајҗанда сәнәткарлыг тәшкيلاتларынын вә әхиләрин гаршылыглы әләгәләринин вә тәсиринин бәзи мәсәләләри верилмишдир. Тарихи материаллара әсасән кәстәрилик ки, мүүјјән заһири вә структур охшарлыгларына бахмајараг бу тәшкيلاتлар мустәгил вә сәсиал маһијјәтчә бири-бириндән фәргләнмишләр. Әкәр сәнәткарлыг тәшкيلاتлары (әснафлар) ајры-ајры пешә саһибләри олан сәнәткарларын тәшкيلاتлары идисә, әхиләр шәһәр әһалисинин әсасән мұхтәлиф пешә вә сәнәт саһибләри олан (о чүмләдән хырда тачирләрин) ашағы тәбәгәләринин тәшкيلاتы кими мұрәккәб тәркибли олмушлар. Дин әхиләрдә даһа күчлү иди. Бу тәшкيلاتлар тарихи категорија олмагла мұхтәлиф дөврләрдә мејдана кәлмишләр: сәнәткарлыг тәшкيلاتлары һәлә феодализм дөврләриндә мејдана кәлмишдисә, әхиләрин изләринә XI әсрдән тәсадүф едилик. XV әсрин ахырлары, XVI әсрин әввәлләриндә әхи тәшкيلاتлары деформасијаја мәрүз галараг, тарих сәһнәсиндән чыхырларса, әксинә, XVI—XVII әсрләрдә әснафлар күчләнәрәк даһа мұһүм сәсиал-сијаси гүввәјә чеврилирләр.

Әхи тәшкيلاتларынын тәнәзүлүнүн әсас сәбәбләринин биз суфилијин тәсиринин вә шиә һәрәкәтинин күчләнмәсиндә көрүрүк. Бунунла јанашы, әхилик истәр структур, истәрсә дә мәнәви-әхлағи бахымдан сәнәткарлыг тәшкيلاتларына бөјүк тәсир кәстәрмишдир. Әснафларда шакирдин усталыға кечирилмәсин дөврү (гуршама мәрәсими) әхи тәшкيلاتларындан кәтүрүлмүшдүр. Сәнәткарлыг тәшкيلاتларында мөвчуд олан бир сыра вәзифә терминләри—икит (јикит, чикит), икит-башы, әхл-баба, келу (гелу), шејхи уstad в. с. әхи тәшкيلاتларынын структур хүсусијјәтләринин тәсиринә әсасында мејдана кәлмишдир. Әхиләрин дини-әхлағи нормаларынын әкс етдирән фүтүвватнамәләр азагыг дәјишикликләрлә сәнәткарлыг тәшкيلاتларында да мөвчуд иди.

АЗӘРБАЈҖАН ССР ЕЛМЛӘР АКАДЕМИЈАСЫНЫН ХӘБӘРЛӘРИ
Тарих, фәлсәфә вә һүгүг серијасы, 1985, № 1

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
Серия истории, философии и права, 1985, № 1

ДЖ. М. МУСТАФАЕВ

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ХАНСТВ С РОССИЕЙ НА РУБЕЖЕ XVIII—XIX ВЕКОВ

В конце XVIII—начале XIX в. еще более разгорелись колониальные страсти государств Западной Европы и Передней Азии по отношению к Закавказью. Особенно усилилось притязание к Азербайджану, расположенному в бассейне Каспийского моря и имевшему важное стратегическое, политическое, а также экономическое значение. Отсутствие централизованного государства на территории Азербайджана, который был разделен на ряд мелких государственных образований — ханства, создавало благоприятные условия для нашествия соседних государств, каковыми были Иран и Турция. В такой обстановке, чтобы опередить Иран и Турцию, Российское государство было не прочь привлечь на свою сторону феодальных правителей Закавказья и при удобном случае приобрести наиболее выгодные места в этом крае. Особую опасность представлял для Азербайджана Иран. На исходе XVIII в. новый правитель Ирана Фатали-шах, укрепившись на престоле, тут же «обратил внимание свое на край азербайджанский, где ханы областные, не все и не совсем еще власть его над собою признавали» [1, 513].

В конце XVIII в. русское правительство, видя устремления Ирана, подстрекаемого Англией и Францией, еще больше активизировало свою политику в Закавказье. И хотя недавний поход русских войск под командованием В. Зубова в Азербайджан завершился безуспешно, тем не менее русские правительственные круги не отказались от своих планов занять богатейшие азербайджанские провинции. Вступивший на престол после смерти Екатерины II Павел I (1796—1801 гг.), не смотря на обострение международной обстановки в Европе, считал нужным уделять внимание и прикаспийским провинциям. Стараясь держать азербайджанские ханства под своим влиянием без применения военной силы, он даже хотел создать под покровительством России федерацию азербайджанских и дагестанских феодалов против Ирана [2, 125]. Однако из-за вражды между феодальными правителями эта попытка не увенчалась успехом.

В 1798 г. правитель Ирана Фатали-шах отправил своих дипломатов в Петербург, пытаясь уладить отношения с Россией [3, 3] и гарантировать Закавказье от так называемого русского вмешательства. Однако русское правительство, принимая все предложения шаха, касающиеся урегулирования торговли, тут же предупредило его, что он должен отказаться от своих притязаний на Закавказье [4, 194]. Кроме того, учитывая, что надвигается угроза со стороны Ирана, согласно Георгиевскому трактату (1783 г.) в 1799 г. в Грузию были введены русские войска. 12 сентября 1801 г. был обнародован манифест о присоединении Грузии к России [5, 2], ставший историческим актом присоединения и некоторых азербайджанских провинций, ибо вместе с Грузией в состав России вошли также Казахские и Шамшадинские сул-

танства Азербайджана, которые некогда были предоставлены шахом Ирана грузинским вали.

Пребывание русских войск в Грузии одновременно вдохновляло сторонников русской ориентации данного региона. Русский консул Скибиневский по этому поводу писал, что «кубинцы и дербендцы будучи разорены междоусобными враждами и не имея доброго начальника... ревнуют жребию Грузии» [6, 887].

В конце XVIII—начале XIX вв. почти все азербайджанские ханы, находившиеся в той или иной связи с Россией, стали обращаться к ней с просьбой о покровительстве. Если обращение азербайджанских ханов с такими просьбами к России стали частым явлением в данном периоде, то российское правительство и отдельные представители его на Кавказе, заинтересованные в упрочении своих позиций на западном побережье Каспийского моря, создавали, в свою очередь, благоприятные условия для таких прошений. Это подтверждает и рескрипт, данный статскому советнику Коваленскому, в котором говорится, что следует «умножить число владельцев, к престолу Российскому склонность оказующих» [7, 96].

Талышский Мир Мустафа-хан, кубинский Шейх-Али-хан, бакинский Гусейн-Кули-хан, карабахский Ибрагим-хан и многие другие имели постоянную переписку с Россией. Известно, что Талышское ханство, расположенное на юго-западном побережье Каспийского моря, имело важное стратегическое значение как для Ирана, так и для России. В 90-е годы XVIII в. это ханство подвергалось неоднократным нашествиям и разорению со стороны войск Ага Мухаммед-хана [8, 290—291]. Но, Мир Мустафа-хан с помощью русских военных судов, находящихся в то время на острове Сары, каждый раз отгажал натиск врага, сохранив, таким образом, свою независимость [9, 798].

Усиление иранской угрозы с юга поторонило Мир Мустафа-хана обратиться за помощью и покровительством к русскому государству. В своих письмах к русскому правительству хан уверял в своей верности России и настаивал на оказании ему военной помощи против Ирана [10, 170 об.]. В одном из таких писем он писал: «...клянусь перед всемогущим и святым богом, великим пророком Магомедом и святым его Кораном в том, что хочу и пребуду с потомками моими... и с подвластным моим народом в точном владении моем находящимся всероссийскому императорскому престолу верным поданным» [11, 31].

После смерти Екатерины II (1796 г.) Мир Мустафа-хан обращается с такими прошениями и к Павлу I. В 1797 г. сразу же после ухода русских войск из Азербайджана Мир Мустафа-хан, опасаясь вторжения со стороны Ирана, отправил в Россию своего посла Мирза Магомед бека, который вел переговоры о принятии Талышского ханства под покровительство России. Наконец, посольство Мирзы Магомед бека в 1800 г. добилось успеха. Не находя никакой причины, чтобы «не удовлетворить его желание», и ради безопасности русской торговли на Каспийском море русское правительство решило принять Талышское ханство под свое покровительство. Павел I направил с Мирза Магомед-беком «собственноручным подписанием грамоту к означенному талышскому владельцу Мир Мустафа-хану» [12, 4].

Результаты переговоров были оформлены как официальные соглашения. Россия брала на себя обязательство оказать помощь в случае нападения на Талышское ханство извне. По указу от 14 февраля 1800 г. «было повелено содержать у о. Сары во всякие времена одно

военное судно» (с 1801 г. — уже два) для охраны талышских пределов от внешней угрозы [13, 5]. Мир Мустафа-хан, в свою очередь, обязался быть вечно верноподанным России и «впредь всероссийских поданных от всех неприязненностей защищать» [10, 129 об.].

Это соглашение фактически являлось первым дипломатическим актом о присоединении Талышского ханства к русскому государству.

На исходе XVIII в. в интенсивных взаимоотношениях с Россией находилось также Кубинское ханство. Однако отношения кубинского Шейх-Али-хана к России не было последовательным. Он лавировал между Ираном и Россией в целях сохранения своей власти. Так, во время похода русских войск в Азербайджан в 1796 г. он оказал им сильное сопротивление и обратился за помощью к Ага Мухаммед-хану [14, 88, 112 об.]. В то же время после возвращения русских войск из Азербайджана он отправил своего посла в Петербург.

Именно это посольство, отправленное в 1798 г. [2, 129], наладило отношения Кубинского ханства с Россией. Кубинский посол Медед-бек, принятый благожелательно Павлом I, просил от имени своего хана следующее: 1) отпустить на родину поданных Шейх-Али-хана, которые были отосланы в Астрахань во время занятия русскими войсками в 1796 г.; 2) отпустить безпошлинно и безденежно для личного потребления Шейх-Али-хана 4 тысячи, а также для подвластных его 2 тысячи пудов железа; 3) принять Кубинское ханство в Российское подданство [15, 2 об.; 16, 781].

Все просьбы хана были приняты. В указе Павла I, данном 1 сентября 1799 г. на имя Шейх-Али-хана, говорится, что «мы охотно приемлем Вас и всю область вашу в прежнее подданство и покровительство, коими она имела счастье пользоваться» [16, 780].

Однако близорукая внутренняя и внешняя политика Шейх-Али-хана, в результате которой Кубинское ханство потеряло прежнее могущество, в конечном счете отразилась и на связях с Россией. Доведенные до отчаяния крестьяне и горожане открыто выступали против своих угнетателей. Поводом к одному из таких выступлений против Шейх-Али-хана послужило содержание 10-тысячного наемного войска за счет населения Кубы и Дербента [17, 150]. Если Шейх-Али-хану удалось быстро подавить восстание в Кубе, то дербентское восстание, руководимое местными феодалами Хыдыр-беком и Султан-беком, было особенно упорным. Восставшие выгнали наиба Шейх-Али-хана и отказались признать его своим ханом [17, 150]. Астраханский генерал-губернатор Кнорринг в своем рапорте от 11 апреля 1800 г. об этом доносил: «Городом управляют, дела разбирают и судят... избранные старшины» [18, 962]. Несмотря на то, что на подавление восстания были брошены основные силы, однако подавить его Шейх-Али-хану не удалось, и он потерял свою власть над Дербентом.

Успехами восстания воспользовался младший сын Фатали-хана кубинского Гасан-бек, который в Дербенте был объявлен ханом [9, 643]. Боясь нападения Шейх-Али-хана, он обратился к русскому правительству, прося помощи против своего брата. Посланник его — Гаджи Таги просил также о принятии Дербента под покровительство России, как отдельного ханства.

Вскоре и Шейх-Али-хан обратился к русскому двору с просьбой прислать в его распоряжение 6-тысячное войско, с помощью которого он хотел не только вернуть себе Дербент, но и подчинить Бакинское

ханство. Кроме того, Шейх-Али-хан претендовал и на Сальяны, где он имел от рыболовства изрядный доход» [19, 230]. Дело в том, что Бакинское ханство и Сальяны раньше были в зависимости от Кубинского ханства, однако в 1799 г. Мустафа-хан шемахинский захватил Сальяны [17, 148]. Перестал вносить в казну Шейх-Али-хана ежегодную дань в размере до ста двадцати тысяч рублей и бакинский Гусейн-Кули-хан [10, 230]. Конечно, кубинский хан не мог мириться с созданным положением и надеялся восстановить свою власть над этими местами с помощью русских войск. Однако никому из них, — ни Гасан-хану, ни Шейх-Али-хану — не удалось получить ожидаемой помощи от русского правительства. И пока их представители находились в России, два брата помирились и борьба между ними прекратилась. Этот мир был одобрен российским правительством. Россия, стремившаяся не обострять своих отношений ни с одной из сторон, пришла к компромиссному решению. Жалованной грамотой от 28 августа 1801 г. она утверждала Гасан-хана правителем в Дербенте, а Шейх-Али-хана в Кубе [20, 762—765].

Одним из ханств, находившихся в орбите внешней политики русского государства, являлось Бакинское ханство, которое служило «узловым пунктом транзитной торговли для европейских стран, в том числе и для России» [21, 940]. Не случайно, что при занятии прикаспийских провинций Азербайджана русскими войсками (1796—1797 гг.) царское правительство составило план преобразования Бакинского порта в военно-торговый пункт России на Каспийском море [22, 91—96]. Однако со вступлением на престол Павла I были отменены все мероприятия его матери, и кроме того, архивные данные дают основание полагать, что после возвращения русских войск из Азербайджана отношения Бакинского ханства с Россией резко ухудшились. Основной причиной тому стал серьезный материальный ущерб, нанесенный во время отхода русских войск из Баку Гусейн-Кули-хану и некоторым влиятельным феодалам. После этого инцидента бакинский хан стал притеснять русских купцов. В отместку русские чиновники в Астрахани также начали притеснять бакинских купцов [20, 764].

Следующие события еще более обострили отношения русских властей с бакинским ханом. Думаем, что в этом немаловажную роль сыграл следующий инцидент. У бакинских берегов потерпел крушение корабль купца Студенцова. Одновременно, чиновниками бакинского хана был схвачен русский купец Ивохин, поранивший одного из таможенных надсмотрщиков в Бакинском порту. По этой причине он содержался под арестом в течение 20 дней [22, 234—235]. Исказив факты, капитан-лейтенант Мочаков представил русскому двору, что якобы корабль Студенцова был разграблен по указу Гусейн-Кули-хана. В отношении же Ивохина уверял, что в «продолжении сего времени повторяя ежедневно побой, хан взял с него 10995 рублей персидской монетой» [22, 235]. Однако дальнейшее расследование этих двух происшествий генералом Кноррингом показало, что Мочаков сильно искажал факты и искусно преувеличил убытки, понесенные Ивохиным. Кроме того, выяснилось, что корабль Студенцова не подвергался грабежу, а он потерпел крушение и был выброшен на берег волнами. Убытки Ивохина же не превышали 3069 рублей [22, 233—237]. Однако все это не могло удержать Мочакова от решения прибегнуть к оружию. 6 февраля 1800 г. город Баку был обстрелян с фрегата «Кизляр», после

чего Гусейн-Кули-хан был вынужден признать себя виновным [13, 4—5].

В переговорах с русским консулом Скибиневским 21 февраля Бакинский хан обязался «обращаться с россиянами вежливо и на правилах справедливости» [23, 7 об.]. Весною того же года Гусейн-Кули-хан отправил Мирза Гади-бека в Петербург для прошения покровительства и решения некоторых спорных вопросов. Мирза Гади-бек представил российскому двору письмо Гусейн-Кули-хана, состоящее из 12-ти пунктов, большинство которых было направлено на урегулирование торговли бакинского ханства с Россией [20, 765—766].

По указу 28 августа 1800 г. Бакинское ханство было принято под покровительство России. В жалованной грамоте на имя бакинского хана говорится: «Приемля вас и всем вам подвластных... в высокое покровительство, надеемся, что и на верность вы обязаны учинить присягу» [20, 765]. Однако, несмотря на это, отношения Бакинского ханства с Россией по ряду субъективных причин не улучшились и оставались напряженными вплоть до присоединения его к России.

В 90-е годы XVIII в. среди азербайджанских ханств важное место занимало Карабахское ханство, которое особенно стало выделяться своей мощью после распада государств северо-восточного Азербайджана, созданного Фатали-ханом кубинским.

Ибрагим-хан карабахский, героически отразивший натиск Ага Мухаммед-хана во время его первого похода 1795 г., в начале 1797 г. отправил своего посланника Мирза Мамед-Кули-бека в Россию с просьбой о принятии Карабахского ханства в российское покровительство. Русское правительство встретило посольство Мирза Мамед-Кули-бека доброжелательно [24, 1144] и отправило его на родину «с грамотами на принятие в покровительство и подарками» [25, 104].

Однако на исходе XVIII в. положение ханства осложнилось. После нашествия Ага Мухаммед-хана экономика ханства сильно ослабла. Страну охватили голод и эпидемии. В это же время правитель Ирана Фатали-шах предпринял ряд мер для покорения Закавказья, в том числе и Карабахского ханства. Иранские войска под командованием Пир-Кули-хана покорили Ереванскую крепость и угрожали самостоятельности Карабаха [7, 124]. Первоначально по отношению к Карабахскому ханству Фатали-шах решил применить так называемую «брачную дипломатию»; он предложил Ибрагим-хану выдать свою дочь за него замуж. Не желая обострять отношения с Ираном, хан уклонился от прямого ответа, искусно затягивая решение этого вопроса. Одновременно он обратился к русскому министру в Грузии — Коваленскому за помощью против Ирана. Но на просьбу хана Коваленский ответил неопределенно [7, 121].

Не получив от России действительной помощи, Ибрагим-хан, опасаясь стать жертвой вооруженного нападения Ирана, вынужден был согласиться с предложениями шаха и направить свою дочь в шахский гарем [5, 26].

После этого в 1801 г. бакинский, кубинский, дербентский и талышский ханы отправили в Петербург своих послов для поздравления Александра I с вступлением на престол. Во время этого визита новый император дал им надежду на помощь и посоветовал в случае нападения извне объединиться силами. В ходе переговоров русское правительство подняло вопрос о создании федерации азербайджанских и

дагестанских феодалов. В отличие от Павла I Александр I принял действенные меры для создания этой федерации [2, 127]. Создание такого союза преследовало не только политические, но и экономические цели.

Таким образом, в сентябре 1802 г. по инициативе России в Георгиевске начались переговоры между представителями России и некоторых дагестанских и азербайджанских владетелей. В нем участвовали только два ханства Азербайджана — Кубинское и Талышское. Первичные соглашения с дагестанскими феодалами были достигнуты в сентябре. Но из-за некоторых притязаний посла Шейх-Али-хана Медедбека окончательное заключение договора было отложено.

После долгих переговоров нового генерал-губернатора на Кавказе Цицианова с Медедбеком окончательный текст договора [26, 481—491] был подписан всеми его участниками 26 декабря 1802 года. Коллегиальный договор был направлен против иранской угрозы и должен был создать благоприятные условия для развития торговли.

Значение Георгиевского договора было огромно. Он способствовал миру и содействовал дальнейшему усилению русской ориентации в Азербайджане.

Примечания

- ¹ Бутков П. Материалы для новой истории Кавказа с 1723 по 1803 г. — СПб., 1869, ч. II.
- ² Козубский Е. История Дербента. — Темир-хан-Шура, 1906.
- ³ ГААО, ф. 1, оп. 10, д. 45.
- ⁴ Леонатов В. И. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. — Баку, 1948.
- ⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 332.
- ⁶ АКАК, т. I, д. 887.
- ⁷ АКАК, т. I, д. 34.
- ⁸ Восточные известия, 1815, № 37.
- ⁹ Архив Государственного Совета. — СПб., 1869, т. I, ч. II.
- ¹⁰ АВПР, ф. СРП, д. 15.
- ¹¹ НАИИ АН АЗССР, д. 1795 (1).
- ¹² ГААО, ф. 1, оп. 10, д. 341.
- ¹³ Астраханский порт с 1783 по 1827 гг.: Морской сборник. — СПб., т. V, № 1.
- ¹⁴ ЦГВИА, ф. 41, оп. 200; д. 614 а.
- ¹⁵ ГААО, ф. 1, оп. 10, д. 330.
- ¹⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1772.
- ¹⁷ Бакиханов А. Гюлистан-Ирам. — Баку, 1926.
- ¹⁸ АКАК, т. I, д. 962.
- ¹⁹ Ахвердов И. А. Два рапорта о Дагестанских делах. — В кн.: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958.
- ²⁰ ПСЗРИ. — СПб., 1830, т. XXVI.
- ²¹ Алиев Ф. М. Торговые пути Азербайджана во второй половине XVIII в. — Докл. АН АЗССР, 1957, № 8.
- ²² АВПР, ф. СРП, д. 473.
- ²³ ЦГАДА, ф. Ермоловых, оп. I, д. 656.
- ²⁴ АКАК, т. II, доп.
- ²⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258.
- ²⁶ Дубровин Н. Закавказье от 1803—1806 гг.; Приложение. — СПб., 1866.

Ч. М. Мустафаев

XVIII ЭСРИН СОНУ—XIX ЭСРИН ЭВВЭЛЛЭРИНДЭ АЗЭРБАЙДЖАН ХАНЛЫГЛАРЫНЫН РУСИЈА ИЛЭ ГАРШЫЛЫГЛЫ ЭЛАГЭЛЭРИ МЭСЭЛЭСИНЭ ДАИР

XVIII эсрин сону—XIX эсрин эввэллэриндэ феодал пэракэндэлијинин һөкм сүрдүјү Азербайжан Иран, Түркіјә вә Русија кими дөвлэтлэрин манафелэринин тоггушдуғу дүјүн һөгтәсинә чеврилмишди. XVIII эсрин 90-чы иллэриндә Иран һөкмдары Ага

Мөһәммәд шаһын һүчумлары өлкәнин иғтисадијјатына ағыр зәрбә вурмуш, халг күтлэлэринин вәзијјәтини даһа да ағырлашдырмышды. Бу исә лабүд олараг Азербайжан-да Русија мејлинин күчләнмәси үчүн даһа әлверилли шәраит јаратмыш, ајры-ајры ханлары һәрби көмәк алмаг үчүн дэфәләрлә Русија һөкүмәтинә мүрачид етмәјә мәчбур етмишди. 1797—1801-чи илләрдә Гарабаг, Талыш, Губа, Дәрбәнд вә Бақы ханлыгларынын нүмајәндәләри Петербурга көндәриләрәк көстәрилән ханлыгларын Русија һимајәсинә гәбул едилмәсинә наил олмушдулар. XIX эсрин илк илләриндә Шамахи, Шәки вә Нахчыван ханлыглары да Русија һимајәсинә кечмәк үчүн чәһд көстәрмишдиләр. Хәзәр дәнизинин гәрб саһилләринин һәрби вә иғтисади әһәмијјәтини јүксәк гијмәтләндирән Русија һөкүмәти Азербайжан ханлыгларыны һәр васитә илә өз тәсири алтында сахламаға чалышырды. 1802-чи ил декабр ајынын 26-да Азербайжанын бәзи ханлыгларынын иштиракы илә бағланан Кеоркијевск мугавиләси дә мәһз бу мәғсәди күдүрдү.

З. Н. БАДАЛОВА, Г. П. КЕСАМАНЛЫ
О СРЕДНЕВЕКОВОМ ПОСЕЛЕНИИ МУХУРТЕПЕ

За последние десятилетия на территории Мильской и Муганской степей выявлены и частично обследованы несколько разнотипных и разновременных памятников археологии. В их число входит и поселение Мухуртепе, которое было зафиксировано Миль-Муганской археологической экспедицией в 1970 году [1, 13—14].

Мухуртепе находится в Имишлинском районе, на 91-м километре шоссе Али-Байрамлы — Бахрамтепе и в 1,5 км от шоссе на его правой стороне. Это хорошо выраженный большой серый холм, высотой 9—10 м в форме усеченного конуса. Верхняя площадка его овальная. Холм, занимающий площадь около 3-х гектаров, со всех сторон окружен глубоким оборонительным рвом. Одна из сторон рва пологая, а другая — имеет отвесный спуск. Ров был окружен с внешней стороны высоким валом, благодаря чему он становился еще глубже. В Мильской степи грунтовые воды находятся неглубоко, поэтому ров все время наполняется водой и высыхает только в июле—августе.

О Мухуртепе впервые упоминает И. А. Маевский [2, 57—63], который указывал, что еще в конце прошлого века здесь располагался земской сторожевой пост. Здесь же находились казармы для служащих и конюшни, которые позже разрушились, а пост был перенесен. До сих пор на поверхности холма имеется несколько углублений.

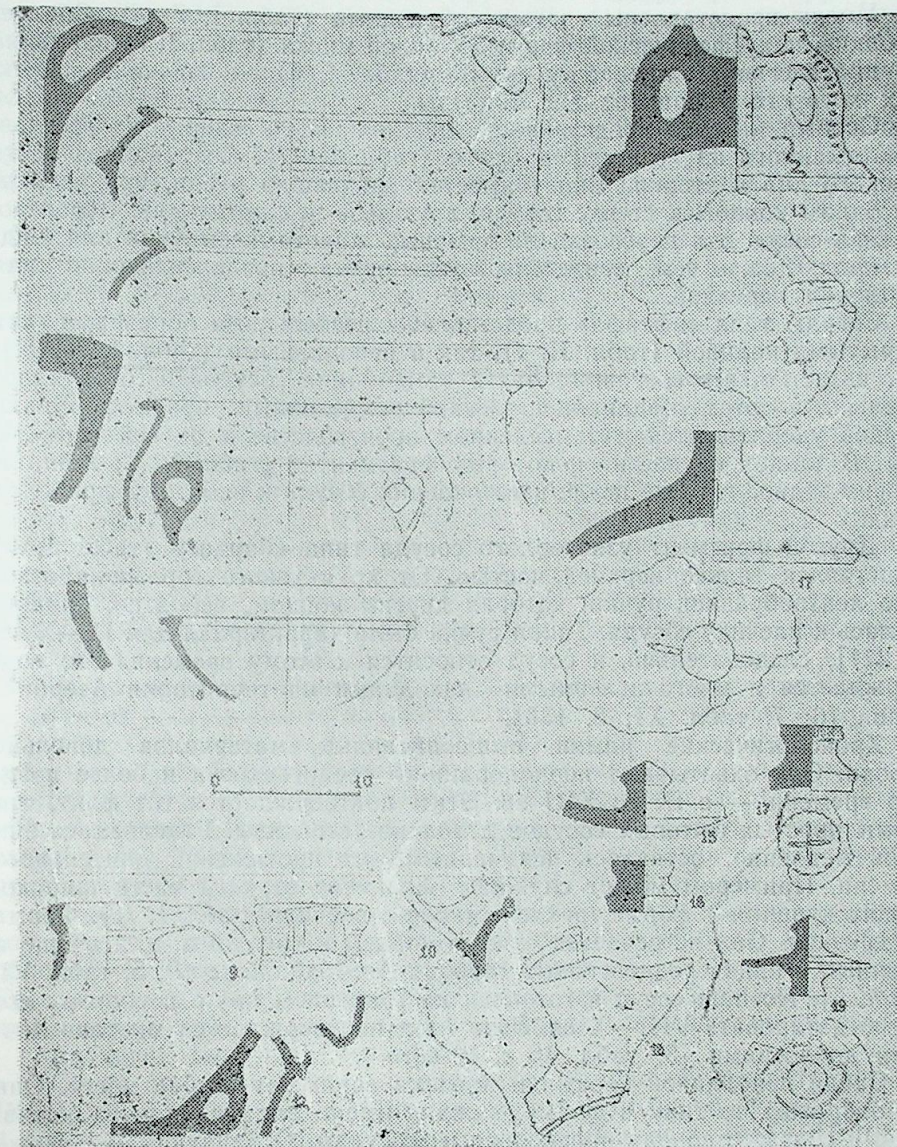
Археологические раскопки на холме не проводились, а был собран подъемный материал. Вероятнее всего, что большая часть этого материала была выброшена на поверхность при строительстве вышеуказанных построек.

Давая описание этого и других холмов Мильской степи, И. А. Маевский подчеркивал, что все они «расположены были в некогда обводненной местности» [2, 58]. И в настоящее время недалеко от Мухуртепе в степи прослеживаются остатки древних ирригационных каналов.

На поверхности Мухуртепе имеется большое количество керамики, изготовленной на гончарном круге, но встречаются толстостенные сосуды ручной лепки с растительной примесью в керамическом тесте. Кроме того, много образцов глазурированной керамики.

Неполивная керамика представлена в основном фрагментами кюпов, мисок, котлов, разнообразных по форме и назначению и являющихся очень распространенной посудой в Азербайджане VIII—XIII вв. Так, подобные им сосуды были найдены не только в соседних с Мухуртепе средневековых городищах — в Байлакане [3], и Шилаванга Джалилабадского района [4], но и в Мингечауре [5] и Кабале [6].

Одним из распространенных типов посуды являются котлы, которые представлены несколькими образцами (табл. 1, 1—3, 5—6). Все они с прокопченной поверхностью, имеют округлый, близкий к шаровидному корпус, с суживающейся горловиной и с отогнутым на-

дружу венчиком (табл. 1, 1—3, 5), за исключением котла (табл. 1, 6), который имеет прямую, чуть утолщенную закраину. Некоторые из котлов снабжены небольшими петлевидными ручками, расположенными в верхней части (табл. 1, 1, 6) или имитировавшими их выступами-налепами, проходящими по середине круга (табл. 1, 2). Котлы тонкостенные, изготовлены на гончарном круге и имеют хороший обжиг.

Среди собранного материала имеется верхняя часть толстостенного хозяйственного кюпа серого обжига, изготовленного от руки

(табл. 1, 4). Венчик сильно отогнутый, утолщенный со слабовыраженным желобком посередине.

Миски представлены двумя образцами (табл. I, 7—8). Обе неглубокие, полусферической формы. У одной миски (табл. I, 7) закраина венчика слегка утолщена; у другой (табл. I, 8) — плоский венчик, верх которого украшают две борозды.

Особый интерес представляет нижняя часть одного из сосудов, изготовленного на гончарном круге (табл. I, 11). Сохранилась часть плоского дна и стенки. Внизу имеется небольшая ручка, прикрепленная одним концом к стенке сосуда, другим — к самому дну. Вероятно, это был сосуд для перевозки на вьючных животных сыпучих или жидких продуктов, о чем свидетельствует ручка, предназначенная для крепления веревкой.

Сосуды типа «афтафа» представлены несколькими образцами, как покрытыми поливой (табл. II, 4), так и неполированными (табл. I, 10, 11). Как известно, все составные части этого типа сосудов изготавливались отдельно, а потом соединялись. Такой ремесленный прием формовки сосудов удерживается в ремесленном производстве и по сей день [7, 214]. В данном случае на некоторых фрагментах (табл. I, 12; табл. II, 4) ясно видно, что уже после изготовления сосуда к нему был приделан носик.

Другой фрагмент узкогорлого сосуда типа «бардаг» (табл. I, 9) представлен только верхней частью. От края узкого горлышка отходила лентообразная ручка, которая другим концом, вероятно, прикреплялась к плечу сосуда. Такая ручка была характерная для IX—X вв. [7, 211], следовательно, и сосуд относится к этому времени. Это подтверждается и многочисленными находками на территории Азербайджана [6; 7, табл. XI; 8, 136].

Хронологические рамки вышеописанных материалов довольно широки. Они охватывают период раннего средневековья и более позднего времени — с IX по XIII вв. Этим подтверждается тот факт, что формы простых бытовых сосудов довольно устойчивы. Развивались они очень медленно, оставаясь неизменными на протяжении длительного времени. Примером может служить фрагмент верхней части широкогорлого кувшина в форме трехлепесткового венчика (табл. I, 18). Форма эта древняя. Она встречается уже в конце I тыс. до н. э. и позже в античных и раннесредневековых городах Азербайджана [9; 5, табл. VI, рис. 4, 5]. Но наш сосуд изготовлен на гончарном круге и поэтому его можно датировать VIII—X вв. Этот факт подтверждается многочисленными аналогиями [3, табл. 15 г, д, а].

Среди неполивной керамики крышки занимают особое место. Они разнообразны по типу и форме, каждая имела индивидуальное назначение и соответствовала определенным сосудам. Отличались они также по составу глины, размером и ornamentацией. К сожалению, на Мухуртепе ни одной целой крышки пока не найдено. Собранные фрагменты в основном представляют центральные части крышек. Однако по величине и сохранившейся части, а также по многочисленным аналогиям можно воссоздать их первоначальную форму. Некоторые из них небольших размеров (табл. I, 15, 16, 17). Изготовлены они из хорошего керамического теста. Цвет белый и серый, обжиг хороший, равномерный. В центре этих крышек имеется ручкодержатель в виде круглого выступа. Ornament на крышках бедный. На одной из них (табл. I,

15) рядом с держателем две параллельные линии. От другой крышки (табл. I, 17) сохранилась только ручка-выступ. По краям круга имеются защипы. От центра выступа отходят 4 луча, делящие круг на углубления. Изготовлена ручка из глины с примесью точечному песка. Обжиг красный.

Вышеуказанные крышки характерны для IX—XIII вв. Подобные крышки найдены в Оренкала [7, табл. VIII, рис. 1, 3, 4], в Джагилабадском районе [4], в Нахичевани [10, 121] и датируются IX—XIII вв.

Очень интересны две крышки колоколовидной формы (табл. I, 13, 14). Обе плохой сохранности и дошли до нас в фрагментах. Одна из них имеет небольшое колоколовидное углубление (табл. I, 14), заканчивающееся ручкой-выступом, верх которой отломан. На самой крышке имеются 4 луча, отходящие от выступа. Сейчас трудно предположить, какую законченную форму имела эта крышка, т. к. края ее тоже обломаны. Г. М. Ахмедов, описывая колоколообразные крышки Орекала [7, 211], считал, что они предназначены для парадных сосудов и напоминают медные серпучи, которые широко распространены в Азербайджане до настоящего времени, главным образом для покрытия наполненных парадных блюд. Наша крышка груба на вид, и потому ее трудно отнести к категории парадной посуды. Ввиду того, что она является подъемным материалом, возникают сложности с датировкой. Видимо, изготовлена она была не мастером-гончаром, а в домашних условиях. Крышки, отличающиеся более низким качеством ручной выделки, без применения гончарного круга встречаются в Байлакане, в слоях IX—XIII вв. [7, 211].

Вторая крышка выглядит более совершенно, хотя изготовлена тоже от руки из глины низкого качества с примесью соломы, имеет красный обжиг и сохранилась лишь частично. В центре ее имеется выступ с небольшим углублением сверху и с насечками по краям. Кроме того, от края выступа отходят 4 ручки, круглые в сечении, которые прикреплялись другим концом к стенке крышки. Сохранилась только одна такая ручка, остальные обломаны. Точной аналогии такой крышки пока нам неизвестно, но имеются похожие [7, табл. IX, рис. 3].

Особо следует выделить крышку белого цвета, изготовленную из хорошо отмученной глины и хорошо обожженную (табл. I, 19). Край ее обломан. По верхней части проходит врезной волнистый орнамент. Крышка имеет 2 выступа сверху — ручка, внизу — держатель, который при наклоне сосуда должен был предохранить крышку от падения.

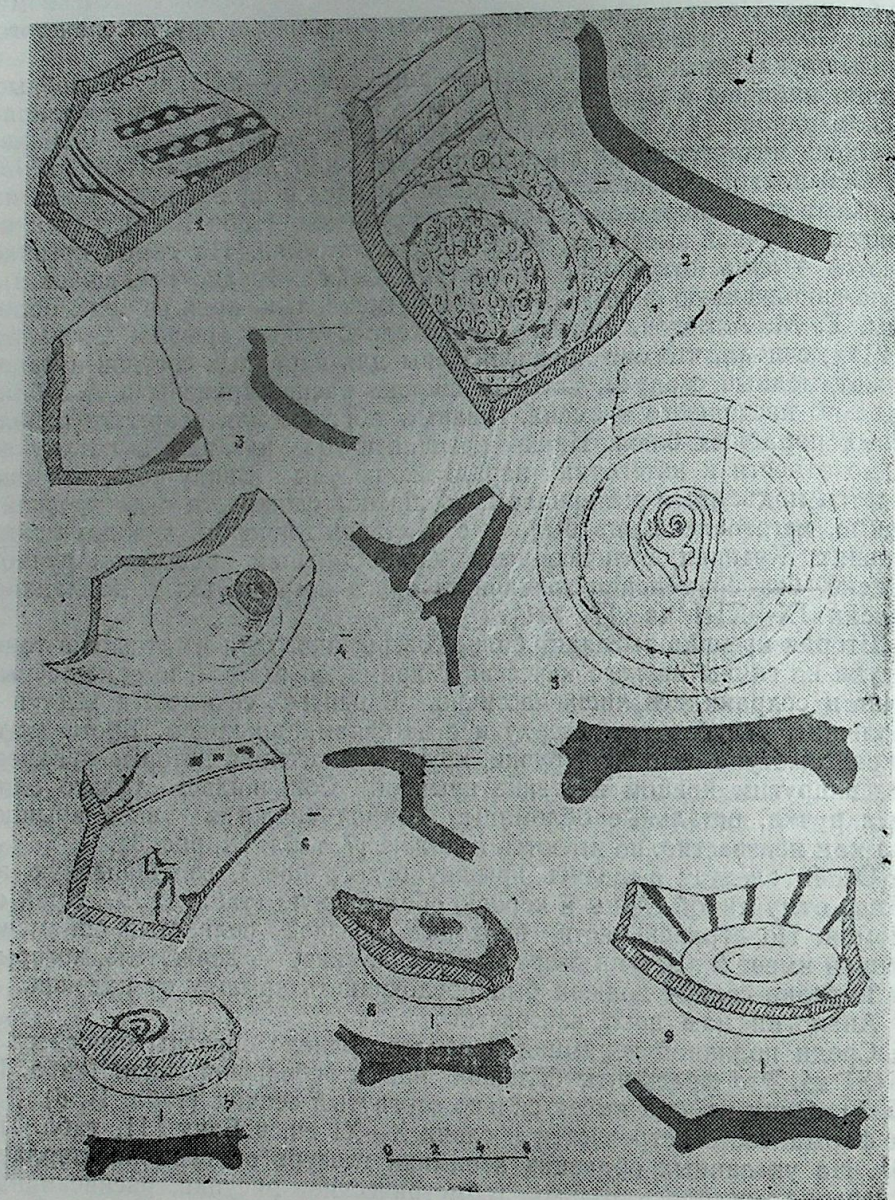
Аналогии нам пока неизвестны.

Среди поливной керамики наиболее ранние образцы относятся к IX—XI вв. Это фрагменты больших чаш и небольшой кясы (табл. II, 1, 6, 9). Одна из чаш имеет сильно отогнутый венчик (табл. II, 6). Такая форма часто встречается в слоях X—XI вв. в Баку [11, табл. III, 166]. На указанных образцах керамики глазурь от времени стерлась, на черепках остались только геометрические рисунки, расписанные марганцем и зелеными мазками окиси меди.

Все днища поливных чаш (табл. II, 5, 7—9) на невысоком кольцевом поддоне. Судя по их сравнительной многочисленности, можно предположить, что подобные чаши-кясы были широко распространены в обиходе. На одном из днищ некогда поливной чаши (табл. II, 5) имеется рельефное клеймо в виде растительного орнамента. Такие

клейма были широко распространены в Азербайджане в XI—XIII вв. [12, 59].

Таблица II

К более позднему периоду относится фрагмент стенки чаши. Орнамент на ней выполнен способом гравировки и яркой полихромной расцветкой в виде больших колец на фоне вьющихся завитков (спиралей?) (табл II, 2). Такие чаши характерны для Байлакана XII—XIII вв. [13].

Таким образом, поливная керамика Мухуртепе относится к IX—XIII вв. Она хорошо поддается датировке, поскольку аналогичная посуда была повсеместно распространена в средневековом Азербайджане — Байлакане [11, табл. III, рис. 1—4], Кабале [6, табл. 33, рис. 2, 3, 5], Баку [13] и др.

Следует отметить, что почти все материалы из Мухуртепе имеют свои аналогии из Байлакана. Это объясняется прежде всего сравнительной близостью к этому крупному ремесленному и торговому центру.

Говоря о хронологических рамках Мухуртепе, необходимо отметить, что собранный материал отражает лишь периоды средневековой истории. Однако, исходя из того, что нижние слои почти всех холмов Мильской и Муганской степей относятся к более раннему периоду и толщина средневекового культурного слоя не может быть такой мощной, можно предположить, что нижние слои и Мухуртепе датируются более ранним периодом. Примером может служить поселение Каракептепе, нижние слои которого датируются эпохой ранней бронзы.

Поселение Мухуртепе прекратило свое существование в XIII в. после монголо-татарского завоевания. Наши наблюдения лишь раз подтверждают мнение о том, что «больше всех в период господства монгольских кочевых феодалов пострадали города степных районов страны, которые завоеватели превратили в свои пастбища... в Мильской и Муганской степях... вместе с Байлаканом прекратили свое существование и другие городские поселения этих степей, в которых жизнь больше не возродилась» [14, 150].

Примечания

- ¹ Кесаманлы Г. П. Нововыявленные памятники Муганской степи: Мат-лы к все-союз. сес., посвящ. итогам археол. и этногр. исслед. в 1969 г. в СССР. X Баку, 1970.
- ² Маевский И. А. Городища и курганы Кура-Араксинской равнины. — Изв. КОИРГО, Тифлис, 1902, т. XV, № 2.
- ³ Әһмәдов Г. М. Орта әср Бейлаган шәһәри. — Баку, 1979, табл: 15 г, д, а, ә:
- ⁴ Кәсәмәнли Г. П.; Бабајев И. А. Чәлилабад районундакы шиләвәнкә орта әср јашајыш јери һаггында. — МКА, IX, Баку, 1980, табл. IV, рис. 1, 2, 3:
- ⁵ Ваһидов Р. М. Минкәчевир III—VIII әсрләрдә. — Баку, 1961, табл. III, рис: 2, 4,
- ⁶ Бабајев И. А., Әһмәдов Г. М. Гәбәлә: — Баку, 1981, табл, 31, рис, 6,
- ⁷ Ахмедов Г. М. Неполитная керамика Оренкала. — М.—Л., МИА СССР, 1959, № 67.
- ⁸ Яковсон А. Л. Раскопки на городище Оренкала. — МИА СССР, 1959, № 67, рис. 104.
- ⁹ Бабаев И. А. Новые археологические находки близ г. Кировабада. — Баку, 1965, МКА, т. VI, табл. I, рис. 1, 2.
- ¹⁰ Геюшев Р. Б., Мамедов Р. А. Археологические раскопки на территории города Нахичевани. — МКА, IX, табл. I, рис. 1—3.
- ¹¹ Исмизаде О. Ш., Ибрагимов Ф. А. О результатах археологических работ на территории «Ичери шехер» в 1969 г. — МКА, т. IX, табл. III.
- ¹² Чидди Н. Шамахи шәһәри орта әср абидәләриндән тапылмыш дамгалы (мөһүр-лу) ширли габлар һаггында. — Докл. АН АзССР, 1969, № 11, рис. 14:
- ¹³ Яковсон А. Л. Художественная керамика Байлакана. — МИА СССР, 1959, № 67, табл. VIII.
- ¹⁴ Ахмедов Г. М. Средневековый город Байлакан: Автореф. дисс. докт. ист. наук. — Баку, 1972.

З. Н. Бәдәлова, Н. П. Кәсәмәни

МУХУРТӘПӘ ОРТА ӘСР ЈАШАЈЫШ ЈЕРИ

Мухуртәпә јашајыш јері кәсік конус формасында олуб, Имишли районунда, Әли Бајрамлы—Бәһрәмтәпә макистрал јолунун 91 км-дә, јолдан 1,5 км сағда јерләшир.

Абидәнин әтрафы дәрин хәндәклә әһатә едилмиш, саһәси исә тәхминән 3 гектара јахындыр. Мухуртәпәдә газынты иши апарылмамышдыр. Јалпыз 1970-чи ил кәшфијат ишләри заманы бу абидәдән ширли вә ширсиз сахсы мәмулатындан ибарәт јерүстү материаллар топланмышдыр.

Әлдә едилмиш мадди мәдәнијјәт нүмунәләринин тәсвири вә Азәрбајҗанын диҗәр абидәләриндән топланмыш материалларын аналоҗијасы Мухуртәпә јашајыш јерини VIII—XIII әсрләрә аид етмәјә әсас верир.

АЗӘРБАЈҖАН ССР ЕЛМЛӘР АКАДЕМИЈАСЫНЫН ХӘБӘРЛӘРИ
Тарих, фәлсәфә вә һүгүг серијасы, 1985, № 1

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
Серия истории, философии и права, 1985, № 1

Ф. В. Гәдиrow

ГАРАУЛТӘПӘДӘ АРХЕОЛОЖИ ГАЗЫНТЫЛАР

Гараултәпә сабиҗ Гәбәлә маһалы әразисиндә јерләшән археолоҗи абидәләрдән биридир.

Мүасир Варташен вә Гутгашен районлары бүтүнлүклә, Ағдаш, Көҗҗај, Исајыллы вә Шәки районларынын исә бир һиссәси вахтилә сабиҗ Гәбәлә маһалы [1] әразисинә дахил олмушдур. Бу әрази Бөјүк Гафҗаз сыра дағларынын чәнуб-шәрг јамачларындакы Алчаг вә Орта дағлыг гуршағларында јерләшир [2]. Алчаг дағлыг гуршағда јерләшән Көндәлән дағ силсиләсини Әлчијанчај, Түрјанчај вә Көҗҗај кәсиб бир-бириндән ајырмышды [3]. Бурада Түрјанчајын әмәлә кәтирдији дәрә археолоҗи әдәбијатда Савалан кечиди ады илә мәлумдур [4].

Мәлум олдуғу кими, Гәбәләдән кечән гәдим карван јолу Савалан кечидинин чәнуб гуртарачағында Чајбоғазы гәсәбәсиндән шәргә, Каспи дәнизинә тәрәф кетмишдир. Нағгында бәһс едәчәјимиз абидә, мәһз Савалан кечидинин чәнуб гуртарачағында (карван јолунун үстүндә), јерли әһали тәрәфиндән Гараултәпә адланан жүксәкликдә јерләшир [5].

Узун мүддәт Түрјанчајын әмәлә кәтирдији дағынтылар вә вахташыры јағмурлар заманы јаранан јағыш сују, Гараултәпәнин гәрб тәрәфини әлчәтмәз учурума чевирмишдир. Абидәнин шимал тәрәфи Савалан дағларынын кетдикчә жүксәлән һиссәси илә бирләшир, чәнуб вә чәнуб-шәрг тәрәфи исә дағәтәји јамачдан ибарәтдир.

Гејд етмәк лазымдыр ки, јағыш сују бу јамачда чохла јарғанлар әмәлә кәтирмишдир. Јарғанлардан алынған тәбии кәсікләрдә 5 метрәдәк мәдәни тәбәгә мүшаһидә едилир.

Гараултәпәнин шимал-чәнуб истигамәтиндә бир бөјүк беш хырда тәпәлик јерләшир. Абидәнин диҗәр тәрәфләриндә олдуғу кими, һәммин тәпәликләрин үстүндә дә чохла мигдарда мадди-мәдәнијјәт галығлары вардыр. Әлдә едилән јерүстү материаллар бурада гәдим заманлардан инкишаф етмиш орта әсрләр дөврүнәдәк узун мүддәт јашајыш олдуғуну сөјләмәјә имкан верир [6].

Тәпәликләрдән бири јерүстү әләмәтләринә көрә диҗәр тәпәликләрдән фәргләнир. Белә ки, онун саһәси хејли бөјүк, јерүстү мадди-мәдәнијјәт галығлары исә зәнкинди. Тәпәлијин кәнарлары орта һиссәсинә нисбәтән габарыгдыр. Әслиндә ора Гараултәпә абидәсинин ән мүһүм саһәсидир. Беләликлә, өз топографик гурулушуна көрә Гараултәпә абидәсинин саһәси бир сыра хырда тәпәликләрдән вә дағәтәји јамачдан ибарәтдир. Јағыш сују нәтичәсиндә јамач һиссәдә јаранан дәрин јарғанлар абидәнин әразисиндә кениш дағынтылар әмәлә кәтирмишдир. Јерүстүндән тапылан мадди-мәдәнијјәт галығларына вә тәбии јарғанларда мүшаһидә едилән мәдәни тәбәгә изләринә әсасән демәк олар ки, Гараултәпә абидәси тәхминән 10 гектара гәдәр олан бир саһәни әһатә едир.

Гараултәпә илк дәфә 1963-чү илдә Гәбәлә шәһәри вә онун әтраф әразисинин мүдафиә системинин тәдҗиги илә әләгәдәр тәшҗил едилән

археологи экспедиција заманы ашкар едилмишдир [7]. Нәмин илдә аби-
дәнин јерүстү вәзијјәти өјрәнилмишдир. Јерүстүндән узунсов дән дашы
(1963, инв. № 129), булов дашы, чахмагдашынын бир һиссәси (1963,
инв. № 128), килдән һазырланмыш даш асмасы (1963, инв. № 123), гә-
дим вә орта әсрләр дөврүнә аид сахсы габ гырыглары вә с. тапылмыш-
дыр. С. М. Газыјевин фикринә кәрә, бу мадди-мәдәнијјәт галыглары
Гараултәпәдә ән гәдим дөврләрдән (Тунч вә Дәмир) башлајараг, узун
мүддәт јашајыш олдуғуну кәстәрир [8].

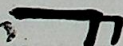
1965-чи ил газынтысы. Јерли әһалинин вердији мә'лумата кәрә Га-
раултәпәдә Чапархана вә ја Пост јери олмушдур [9]. Онун Пагријев тә-
рәфиндән јарадылан беш верстлик хәритәдә Гараултәпә адланмасы да,
ола билсин ки, бу мә'луматларла әлагәдардыр. Абидәнин Чапархана,
Пост јери вә ја Гараултәпә ады дашымасы, һәмчинин онун јерләшдији
әразинин стратеги мөвгеји Гараултәпәјә истәһкам абидәси кими јанаш-
маға имкан вермишдир. Мәһз 1965-чи ил газынтысы бу бахымдан тәш-
кил едилмишдир.

1965-чи илдә Гараултәпәдә 3×1,5 м өлчүлү саһәдә кәшфијјат ха-
рактерли иш апарылмышдыр. Сәһв олараг гараул мәнтәгәси кими тә-
сәввүр едилән бу абидәнин мәдәни тәбәгәси 1 м. дәринлијәдәк өјрәнил-
мишдир [10]. Мәдәни тәбәгәнин үст гатындан форма вә ширләнмә тех-
никасына кәрә Гәбәләнин илк ширли сахсы габлары үчүн сәчијјәви
олан дајаз каса вә чам типли ширли вә ширсиз сахсы мә'мулаты галыг-
лары әлдә едилмишдир. Мәдәни тәбәгәнин тәхминән 0,5—1 м дәринлијә-
дәк олан сонрақы гатындан исә ширли сахсы габ гырыглары тапылма-
мышдыр. Әлдә едилән ширсиз сахсы мә'мулатынын әксәријјәти күп сы-
ныгларыдыр. Онлардан биринин ағзынын кәнарында ики ишарәдән иба-
рәт јазы варды. Бу ишарәләрин албан һәрфләри олдуғу күман едилир
(II табло 1-чи шәкил). Бу күманы еһтимал етмәјә ики факт әсас верир.

1. Јазы— —һәрфиндән сонра битир. Чүнки ондан сонра
күпүн ағзынын кәнарынын бөјүк бир һиссәси бош галыр. Белә олдуғда—

 —албан әлифбасында вә албан јазыларында олан—

 —ин ејнидир, о исә «с» һәрфидир.

2. Күпүн ағзы— —ишарәнин сон учунун битдији јердән
сынмышды. Демәли, јазы давам едирмиш. Даһа доғрусу солдан саға ја-
зылмыш сөз— —һәрфиндә битир.

 —һәрфинә мөвчуд албан јазыларында тәсадүф едилмир.

Чох күман ки, бу ишарә бизә һәлә мә'лум олмајан албан һәрфләриндән
биридир. Әкәр јазы ичәридән бајыр тәрәфә доғру јазылыбса, онда о—

 —һәрфиндән башланыр, бу исә ермәни әлифбасындакы «в»

һәрфидир. Лакин сөзүн солдан-саға јазылмасы нәзәрә алынарса, онда—

 —нин ермәни әлифбасындакы һансы һәрфи билдирмәси на-

мә'лум галыр [11].

Јазысы олан бу күп гырағы мәдәни тәбәгәнин гурулушунун тәдги-
гинә әсасән VIII әсрин әввәлләринә аид едилир.

1972-чи ил газынтысы. 1965-чи илдә Гараултәпәдә кәшфијјат
газынтысы заманы ашкар едилән епиграфик абидәнин албан јазысы
галыгынын олмасы сонралар диггәти чәлб етмишдир. Бунунла әлагәдар
Гараултәпәни бир гәдәр әтрафлы өјрәнмәк мәгсәдилә 1972-чи илдә ар-
хеоложи дәстә јарадылмышдыр [12]. Дәстә апрел-мај ајларында Гараул-
тәпәдә газынты иши апармышдыр. Газынты саһәси бешинчи тәпәлијин
шәрг тәрәфиндә, албан јазысы галығы ашкар едилән кәшфијјат шурфу
јериндә мүәјјәнләшдирилмишдир. Бурада 12×8 м өлчүлү саһәдә 4×4
һесабы илә 6 квадрат ачылмышдыр [13]. Тәбәгәнин галын олдуғу мүәј-
јәнләшәндән сонра тәдгигат мүддәти әрзиндә ону хам торпағадәк излә-
мәк үчүн газынты ишләри А-1 квадратында чәмләнмишдир. Буна
бахмајараг 1972-чи ил газынтысы заманы мәдәни тәбәгәни анчаг 5 м
дәринлијәдәк изләмәк мүмкүн олмушдур.

Гараултәпәнин үст гатында 0,3 м галынлығында лал тәбәгә вар-
дыр. Бу факт бурада јашајышын чохдан дајандығыны сүбут едир. Га-
раултәпәдә 1972-чи илдә тәхминән алты јашајыш гатынын олдуғу мүәј-
јәнләшдирилмишдир. Јашајыш гатлары мүхтәлиф дәринликләрдә јер-
ләшир. Һәр бир јашајыш гаты ашкар едилән дивар, дөшәмә, басдырма
(сүтун) галыглары, очаглар, тәндир јерләри вә с. әләмәтләрә кәрә мү-
әјјәнләшдирилмишдир. Узун мүддәт әрзиндә ардычыл шәкилдә јаранан
бу јашајыш гатлары бир мәдәни тәбәгәјә аид олуб, ајры-ајры дөврләри
әһатә едир. Һәр бир јашајыш гатынын мадди мәдәнијјәт галыглары, хү-
сусилә сахсы мә'мулаты әсаслы шәкилдә фәргләнмишдир.

I ј а ш а ј ы ш г а т ы [14]. Газынты саһәсинин лал тәбәгәсиндән сон-
ра чохлу чај дашлары, 0,4—0,5 м дәринликдән күллү мигдарда күп
сыныглары, 0,6—0,7 м дәринликдән исә јерә дик басдырылмыш вәзијјәт-
дә 10-а гәдәр тәсәррүфат күпү вә јанмыш арчан ағачы басдырмалары
үзә чыхарылмышдыр.

Биринчи (үст) јашајыш гаты тәхминән бир метр дәринлијә гәдәр
тазыландан сонра басдырылмыш күп вә дирәк галыглары, дөшәмә вә
очаг јерләри комплекс шәкилдә үмуми бир мәнзәрә тәшкил едир. Онлар
санки ејни вахтда гәсдән дағыдылмышдыр. Еһтимал ки, дүшмән басғы-
ны илә әлагәдар кәскин дағынты вә шиддәтли јанғын нәтичәсиндә бура-
да јашајыш тамамилә сөнмүшдүр. Бу тикинти гаты јашајыш јеринин
сон дөврүнә аиддир.

Биринчи јашајыш гатындан чохлу мигдарда ширсиз сахсы мә'му-
латы—күп, күпә, сәһәнк, бардаг, газан, хејрә вә с. сыныглары тапыл-

мышдыр. Бунларын ичәрисиндә јашајыш гатынын лап үст тәбәгәсиндән элдә едилән чам вә ја дајаз каса формалы илк ширли сахсы габ гырыглары да вардыр. Бунлар Гәбәләннин Сәлбир һиссәсиндән ашкар едилән аз зәиф рәнкли чам формалы ширли сахсы габ гырыгларынын ејнидир (I-чи табло, 1—6-чы шәкилләр). Мәһз бу илк ширли сахсы габ гырыгларына әсасән Гараултәпәдә јашајышын тәхминән IX әсрдә сөјүүнү сөјләмәк олар. Биринчи јашајыш гатынын ширли сахсы габ гырыглары вермәјән алт тәбәгәси исә тәхминән VIII әсрә аид едилә биләр (1-чи табло, 7—10, 2-чи табло, 2—5-чи шәкилләр).

II јашајыш гаты. Мәдәни тәбәгәнин 1—2,3 м дәринлијәдәк олан гатыны әһатә едир. Бурадан јени очаг јерләри, чохлу сахсы габ гырыглары, дәмир бычаг тижәси, биз, шүшә мунчуг вә с. ашкар едилмишдир. Бу материаллар, хусусилә сахсы габлар форма вә истәһсал хусусијәтләринә көрә әсаслы сурәтдә дикәрләриндән фәргләнир. Онларын ичәрисиндә гарамтыл-боз рәнкли сәрнич типли сахсы габлар икинчи јашајыш гаты үчүн сәчијјәвидир. Үст (биринчи) јашајыш гатында белә габлара тәсадүф едилмәмишдир (3-чү табло, 1—10-чу шәкилләр. Бу бахымдан икинчи јашајыш гатыны VIII әсрдән әввәлә, тәхминән VI әсрин ахырларына вә VII әсрә аид етмәк олар.

III јашајыш гаты. Мәдәни тәбәгәнин тәхминән 2,3 м-дән 3,5 м дәринлијәдәк олан гатыны әһатә едир. Биринчидә олдуғу кими үчүнчү јашајыш гатындан да очаг јерләри илә јанашы, арчан ағачындан һазырланмыш дирәк галыглары ашкар едилмишдир. Бурадан элдә едилән сахсы габ сыныглары, бир нөв икинчи јашајыш гатындан тапылан ејни типли материалларын тәкрарыдыр. Бунунла белә, кичик дешикли вә гулагчыл формалы гулпу олан сахсы габлара мәдәни тәбәгәнин анчаг бу гатында тәсадүф едилмишдир (4-чү табло, 6—12-чи шәкилләр).

Тәхминән 3,5—4 м дәринликләрдән јени очаг јерләринин, дивар галыгынын ашкар едилмәси дөрдүнчү јашајыш гатындан бәһс етмәјә имкан јаратмышдыр. Элдә едилән мадди-мәдәнијјәт галыглары, хусусилә сахсы мә'мулаты II—III јашајыш татларындан тапылан материалларын тәкрарыдыр (4-чү табло 1—5-чи шәкилләр). Мәдәни тәбәгәдә јашајыш гатларынын дөвр е'тибарилә хронологии ардычыллыглар јерләшмәси вә археоложи материалларын сәчијјәви хусусијәтләри нәзәрә алынарса, III вә IV јашајыш гатларыны тәхминән V—VI әсрләрә аид етмәк олар.

V—VI јашајыш гаты. Дөрдүнчү јашајыш гатындан алт тәбәгәдә (4—5 м дәринликдә) јенидән очаг јерләри ашкар едилмиш вә әввәлки јашајыш јерләринин материалларындан фәргләнән зәнкин сахсы мә'мулаты тапылмышдыр. Бурадан үстүндә һис изи олан гарамтыл-боз рәнкли вә сәрнич типли сахсы габларла јанашы, элдә сәлигә илә инчә шәкилдә һазырланандан сонра үстүнә сары, боз, гырмызымтыл рәнкли мәһлулу (астар вә ја ангоб) чәкилән сахсы габлар да тапылмышдыр (5 табло 1—8-чи шәкилләр). Бу археоложи материаллар мәдәни тәбәгәнин гурулушунда дөвр е'тибарилә башга бир јашајыш гатындан (тәхминән VI) бәһс етмәјә имкан верир.

Мәдәни тәбәгәнин 5 м дәринлијиндән јенә дә очаг јерләри, күрә галыгы вә тәсәррүфат гујусу ашкар едилмишдир.

Күрә галыгынын ичәрисиндән метал (дәмир) аринтисинин чыхарлары, дәмир гармаг тапылмышдыр (5-чи табло. 9—10-чу шәкилләр). Бу мадди дәлилә әсасән күрәнин метал әридән очаг олдуғу күман еди-

лир. Абидә чох дағылдығы үчүн онун формасыны мүәјјәнләшдирмәк мүмкүн олмады. Ашкар едилән гујунун ичәрисиндә исә 0,4 м галынлыг-галыгларына көрә даһа зәнкиндир. Бурадан үстүнә астар чәкилән чохлу сахсы габ гырыглары да тапылмышдыр.

Дөвр е'тибарилә јашајыш гатларындакы хронологии ардычыллыг вә сахсы габларын истәһсал едилмәсиндә ангоб ишләдилмәси кими сәчијјәви әләмәт нәзәрә алынарса, V—VI јашајыш гатларыны тәхминән III—IV әсрә аид етмәк олар.

Беләликлә, 1972-чи илдә Гараултәпәдә апарылан археоложи газын-тылар заманы мәдәни тәбәгәнин гурулушу 5 м дәринлијәдәк тәдгиг едилмишдир [15].

1978-чи ил газынтысы. Гараултәпә галын тәбәгәли јашајыш јери олдуғундан бурада 1972-чи илдә газынты ишләрини хам торпагадәк чатдырмаг мүмкүн олмамышдыр. Бу иши баша чатдырмаг үчүн 1978-чи илин нојабрында Гәбәлә археоложи экспедисиясынын Сәлбир дәстәси Гараултәпәдә гысамүддәтли газынты ишләри апармышдыр [16]. Мәдәни тәбәгәнин 5,5 м дәринлијиндән тәндир галыгы, тәндирдән 20 см алт гатдан очаг јери, һәммин очагдан 1 м шәрг тәрәфдә башга бир очаг јери, һәмчинин үстүнә сарымтыл-гырмызы вә сарымтыл-боз рәнкли ангоб чәкилмиш сахсы габ гырыглары, ев һејванларынын сүмүкләри вә с. тапылмышдыр. Бу мадди-мәдәнијјәт галыглары бурада јени (VII) јашајыш гатынын варлыгыны сүбүт едир.

Газынты ишләри давам етдириләркән 5,7 м дәринликдән јени очаг јери, бир гәдәр аралы палчыг мәһлулу илә чај дашындан һөрүлмүш дивар галыгы, 6,2 м дәринликдән даһа ики очаг јери вә хејли мигдарда гара вә чәһрајы рәнкли сахсы даб гырыглары, үчајаглы вазанын ајагылыгы, һәмчинин чығлама евләрин дивар гопуглары вә с. ашкар едилмишдир (6-чы табло. 1—8-чи шәкилләр). Бу материаллар мәдәни тәбәгәнин гурулушунда даһа бир (VIII) јашајыш гаты һаггында бәһс етмәјә имкан верир. Әввәлкиндән фәргли олараг, VIII јашајыш гатындан ән чох гара вә чәһрајы рәнкли сахсы габлар тапылмышдыр. Мәдәни тәбәгәнин хронологии ардычыллыгына вә бурадан элдә едилән сахсы мә'мулатынын Гәбәлә шәһәринин гәдим дөврә аид олан Сәлбир һиссәсинин антик тәбәгәсиндән элдә едилән материалларла мугајисәсинә әсасән VII—VIII јашајыш гатларыны тәхминән е. әв. I—II әсрләрә аид етмәк олар.

Үмумијјәтлә, Гараултәпәдә газынты ишләри 7,5 м дәринлијәдәк давам етдирилмишдир. Мәдәни тәбәгәнин тәхминән 6,7—7,5 м дәринликләриндән тапылан сахсы мә'мулаты килинин тәркибинә көрә өзүндән әввәлки сахсы габлардан тамамилә фәргләндији үчүн диггәти чәлб етмишдир. Гара рәнkdә олан бу габларын килинин тәркибиндә хырда гум гарышыгы вар. Бишириләндән сонра алт вә үст үзәриндә олдуғу кими онларын диварынын ичәри гатлары да гара рәнк алмышдыр (6-чы табло 9—11-чи шәкилләр). Јухарыда кәстәрилән дәринликләрдән даш аләтләр дә тапылмышдыр. Бунларын ичәрисиндә бүлөв ашлары (бычаг итиләјән даш) чохлуг тәшкил едир. (6-чы табло, 12—15-чи шәкилләр). 7,5 м дәринликдән исә дөвәкөзү дашындан һазырланмыш гашов типли әмәк аләтинин (6-чы табло. 16-чы шәкил). тапылмасы јени јашајыш гаты үчүн даһа сәчијјәви әләмәтдир. Бүтүн бу мадди дәлилләр мәдәни тәбә-

гәнин VIII җашајыш гатындан сонракы дәринлијини башга бир җашајыш гатына (IX) анд етмәјә имкан верир. Тәбәгәнин стратиграфик гурулушунун хроноложи ардычыллыгыны вә археоложи материалларын сәчијјәви хусусијјәтләрини нәзәрә алыб, IX җашајыш гатыны тәхминән е. э. IV—II әсрләрә анд етмәк олар.

Беләликлә, Гараултәпәдә апарылан илкин археоложи тәдгигатлара әсасән демәк олар ки, бу абидә сабиг Гәбәлә маһалында јерләшән гәдим җашајыш јеридир. Бурада тәхминән е. э. IV әсрдән б. е. IX әсринәдәк ардычыл шәкилдә зәнкин һәјат олмушдур. Апарылан газынты ишләринин сонралар бир квадратда чәмләшдирилмәси җашајыш јеринин илк дөврләринин дәгиг өјрәнилмәсини чәтинләшдиirmiшдир. Кәләчәкдә апарылачаг кениш саһәли газынтылар бурада җашајышын илк дөврләри барәдә гәти фикир сөјләмәк үчүн даһа гиймәтли материаллар верә биләр.

Әдәбијјат

1. Эфәндиев Р. Кабалинской магал. СМОНПК, 32-чи бурахылыш: Тифлис, 1903, с. 1—9; Газыјев С. М. Гәбәлә маһаланын гәдим тарихиндән: ГАТМ, Бақы, 1962, с. 76.
2. Будагов Б. Бөјүк Гафгазын чәнуб-шәрг һиссәсинин (Азәрбајҗан әразиси) орографиясына даир. Азәрб. ССР ЕА Хәбәрләри (кеол, чоғ: ел. сер.), 1958, № 2, с. 115.
3. «Азәрбајҗан ССР-ин физики чоғрафиясы». Бақы, 1959, с. 132.
4. Гаюиров Ф. В. Северные оборонительные сооружения Азербайджана (на основе памятников бывшего Кабалинского магала VI—XIV вв., автореферат). Бақы, 1969, с. 6.
5. Пагриев Д. Д. Пятиверстная карта Кавказского края. Тифлис, 1913.
6. Газыјев С. М. Гәбәләдә археоложи тәдгигат вә газынтылар (1963-чү ил һесабаты), с. 2—4. Азәрб. ССР ЕА Тарих Инс. Елми Архиви, ф. —1, сијаһы 13, иш № 5255.
7. Газыјев С. М. Көстәрилән әсәри, с. 2—9.
8. Јенә орда, с. 8.
9. Јенә орада, с. 2.
10. Гәдилов Ф. В. Гәбәлә шәһәри әтраф әразисинин мүдафиә истәһкамлары: Азәрб. ССР ЕА Тарих Институтунун Елми Архиви, ф. 1, сијаһы 14, иш № 6164, с. 20—21.
11. Јазы филоложи елмләр доктору В. Л. Гугасјан тәрәфиндән тәјјин едилмишдир. В. Л. Гугасјана сәмини тәшәккурүмү билдирирәм.
12. Гараултәпә дәстәси Ф. В. Гәдилов (дәстә рәһбәри), М: Әскәров (лаборант), Т. Пашајева (чизкичи) вә Б. Мейдијевдән (сүрүчү) ибарәт иди.
13. Квадратлар шәргдән гәрбә доғру: А—1, А—2, А—3 вә с. шәкилдә нөмрәләнмишдир.
14. Мәтидә җашајыш гатлары јухарыдан ашағыја көстәрилмишдир.
15. Гәдилов Ф. В. 1972-чи илдә Гараултәпә дәстәсинин апардығы археоложи тәдгигатларын елми һесабаты. Азәрб. ССР ЕА Тарих Институтунун Елми Архиви, ф. 1, сијаһы 17, иш № 7498 (һ—93).
16. Гәдилов Ф. В. Гәбәлә археоложи экспедициясы Сәлбир дәстәсинин 1978-чи ил тәдгигатлары (елми һесабат), с. 52—60. Азәрб. ССР ЕА Тарих Институтунун Елми Архиви, ф. 1, сијаһы 17, иш № 7498, (һ—93).

Ф. В. Гәдилов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА ГАРАУЛТЕПЕ

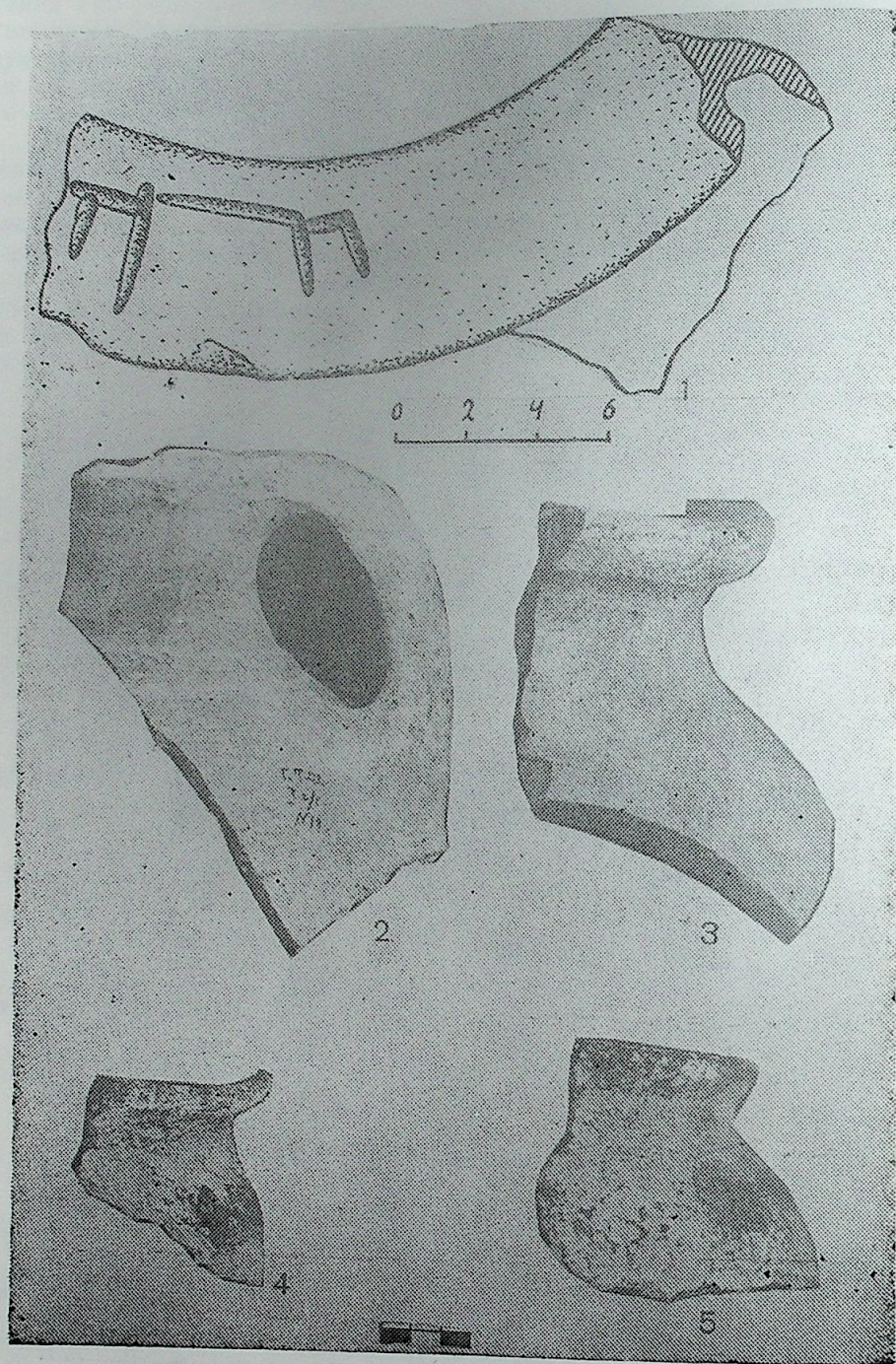
Гараултепе находится на территории Куткашенского района АзССР, в 30 км к югу от древнего города Кабалы, на левом берегу Турнанчая. Это поселение функционировало с IV в. до н. э. вплоть до IX в. н. э.

В верхнем строительном горизонте культурного слоя поселения был найден хозяйственный сосуд-куп, на венчике которого имеется, по-видимому, албанская надпись, состоящая из двух знаков. Предположение о том, что эти знаки являются буквами албанского алфавита, подтверждается двумя фактами: 1. Надпись заканчивается знаком, аналогичным букве албанского алфавита, отождественной с буквой «С» 2. Слева от этого знака имеется другой знак. Край венчика сосуда здесь отломан, значит, данные знаки являются конечными буквами надписи. Первый из этих знаков среди имеющихся букв албанского алфавита не встречается. Вполне вероятно, что он относится к числу еще неизвестных нам букв этого алфавита.

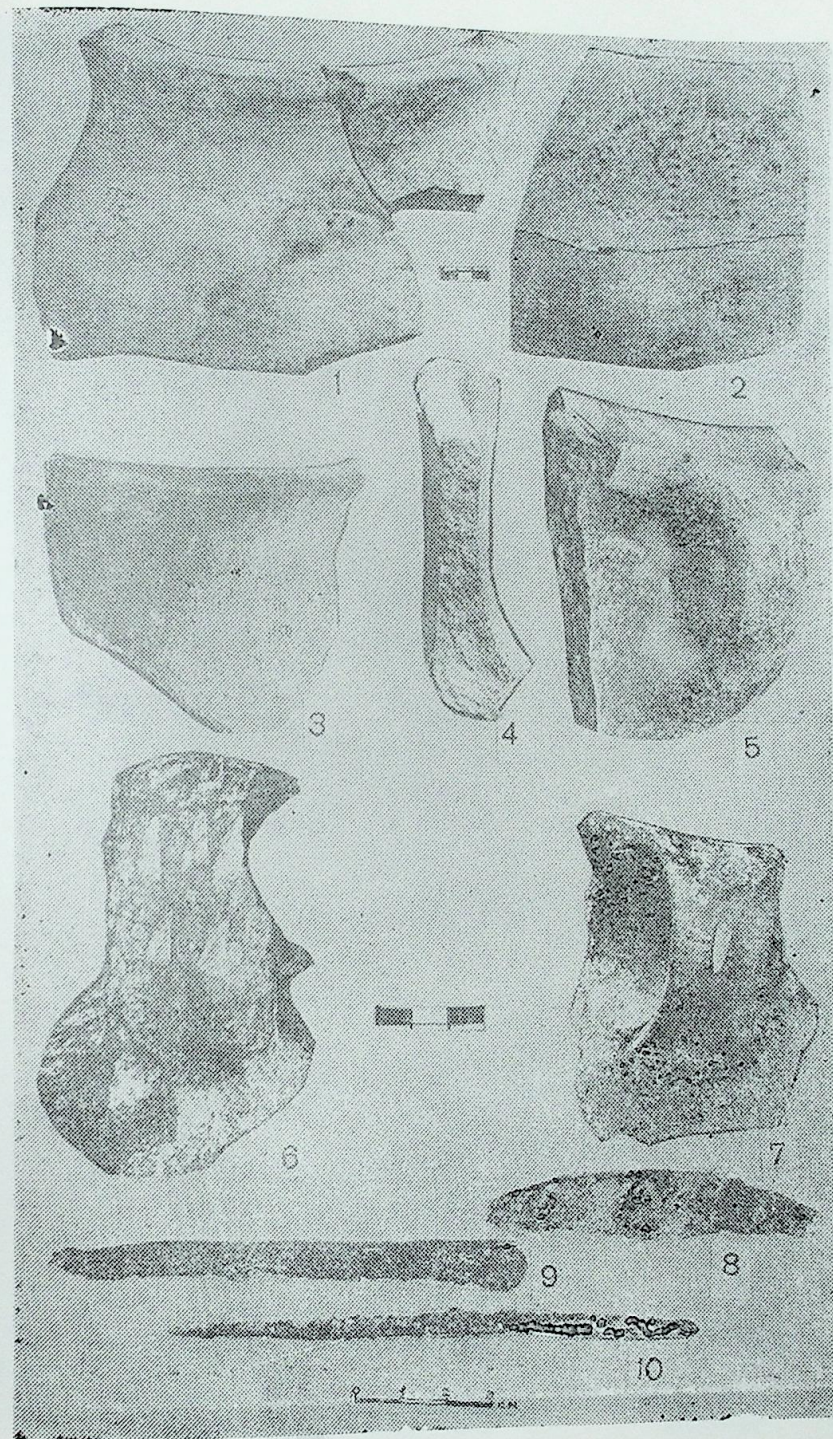
Исходя из стратиграфии культурного слоя, найденный обломок хозяйственного кюпа можно датировать началом VIII в.

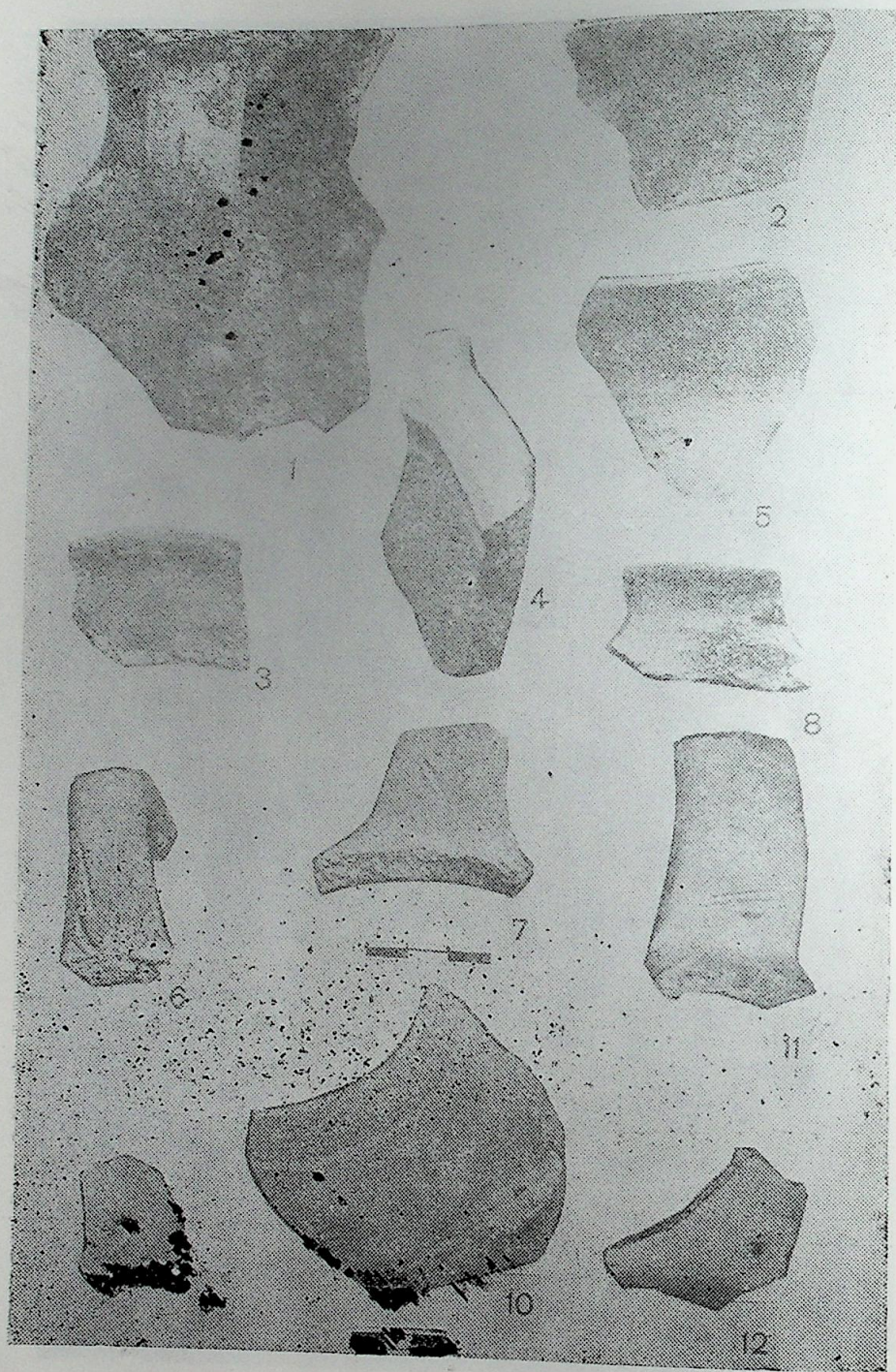
1 табло

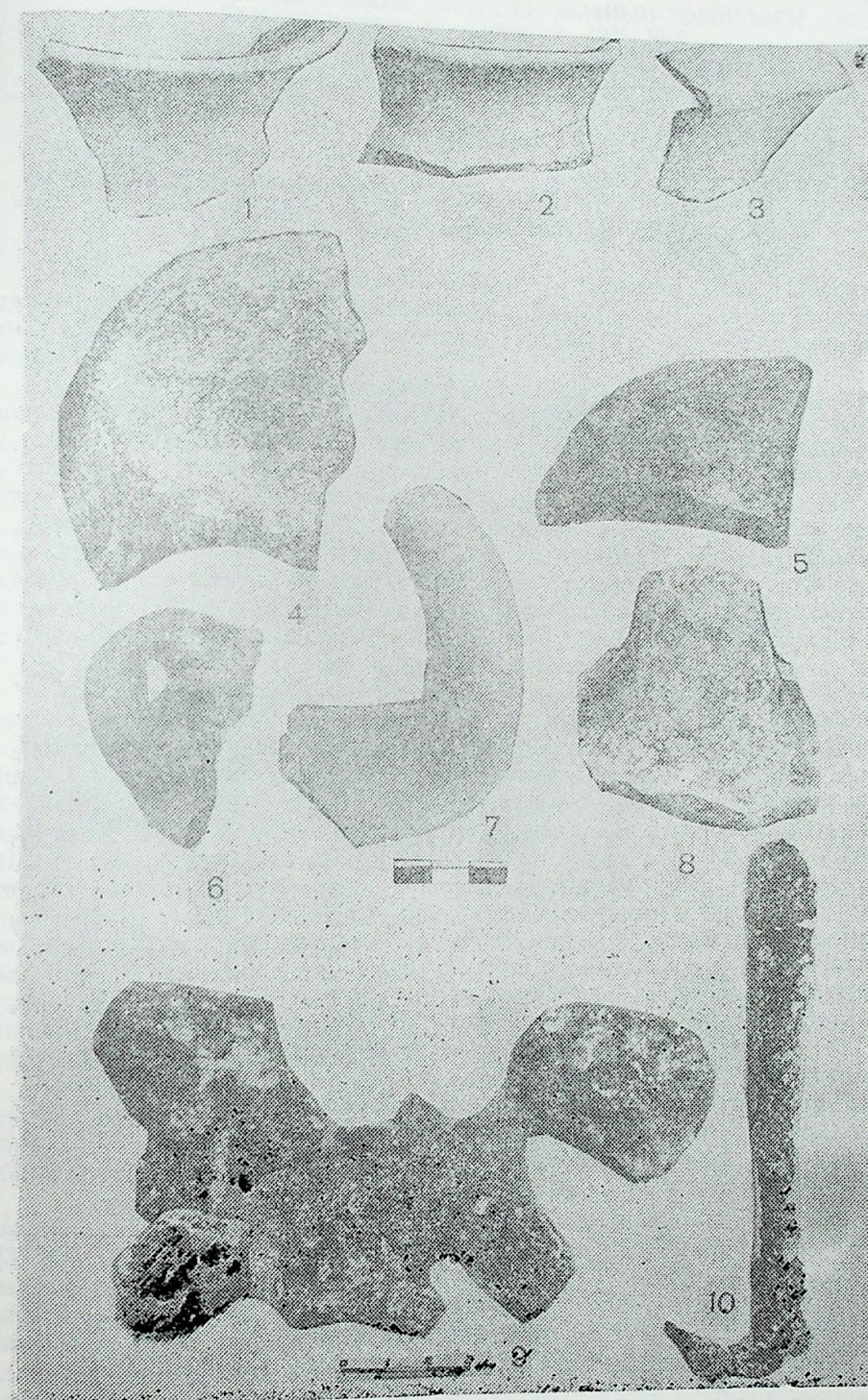
II табло

III табло

IV табло

V табло

Е. Ј. ЧАВАДОВА

ҺƏСƏНБƏЈ ЗƏРДАБИНИН ƏСƏРЛƏРИНДƏ АЗƏРБАЙҶАНДА МАЛДАРЛЫҒ МƏСƏЛƏЛƏРИ

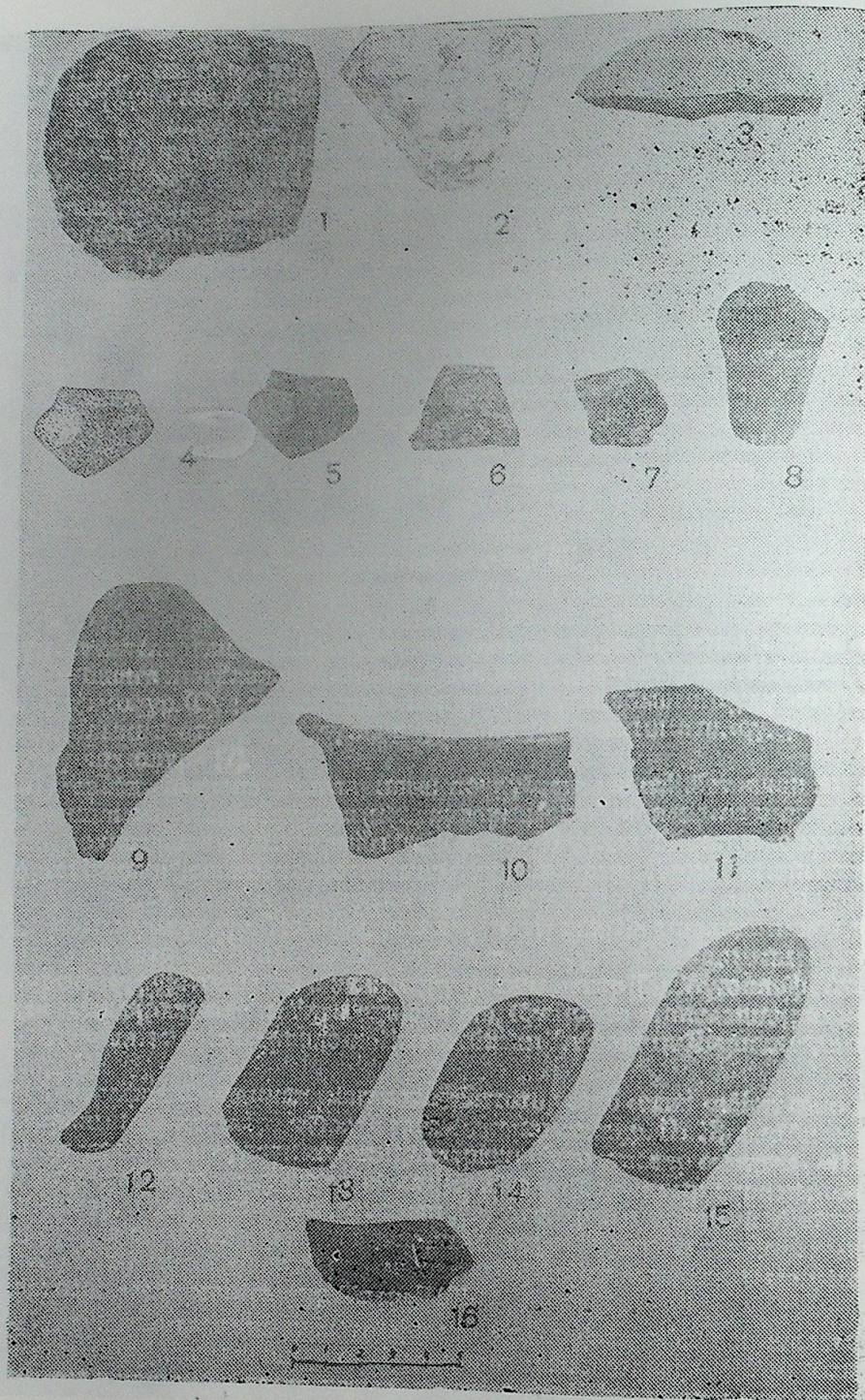
АзəрбајҶан халгынын гəдим мəшғулијјəт сəһəлəриндəн олан малдарлығ бəјүк тəбиəтшүнас алим Һəсəнбəј Зəрдабинин јашајыб-јаратдығы дəврдə дə (1842—1907) əһалинин тəсəррүфат һəјатында башлыча јерлəрдəн бирини тутмушдур [1].

Тəбиин-чографи шəраитлə əлагəдар оларағ малдарлығ XIX əсрин икинчи јарысында АзəрбајҶанын бəзи зоналарында əһалинин əсас тəсəррүфат сəһəлəриндəн бири иди. Белə ки, Зəрдабинин вəтəни Ширван вə она гоншу олан Муғанда əһалинин хејли һиссəsi малдарлығ, хусисилə гојунчулугла мəшғул олурду. Демəли, АзəрбајҶан əһалисинин тəсəррүфат мəишəтинə јахындан бəлəd олан бəјүк мүтəфəккирин өз əсəрлəриндə бу мəсəлəлəрə хусуси јер вермəsi тəсəдүфи дəјилдир. Һ. Зəрдабинин ирси илə јахындан танышлығдан тамамилə ајдын олур ки, о, малдарлығ тəсəррүфаты һағгында дəјерли фикирлəр, мүлаһизэлəр сəјлəмишдир вə һəттə онун бу барədə јүрүтдүјү фикирлəрин бир гисми инди дə өз актуаллығыны вə дəјəрини сахламағадыр.

Мəлүмдур ки, Зəрдаби малдарлығ вə малдар əһалинин мəишəти мəсəлəлəри һағгында хусуси тəдгигат əсəри јазмамышдыр. Лакин онун «Экинчи» вə «Каспи» гəзетлəриндə, дəври журналларда бу мəсəлəлəр һағгында хејли мəғалəлəри чап олунмушдур. Һəмин јазыларда АзəрбајҶанда малдарлығ тəсəррүфаты вə онунла бағлы мəишəт мəсəлəлəринин этнографик тəдгиги үчүн гијмəтли дəлиллəр истəнилən гəдəрдир. Башга сөзлə, Һ. Зəрдабинин бу сəһədəки əсəрлəри онун јашадығы дəврдə АзəрбајҶанда малдарлығ тəсəррүфатынын вəзијјəти һағгында там тəсəввүр јаратмағла јанашы, һəм дə бу сəһəнин тəдгиги үчүн дəјерли бир мəнбədир. Мүəллиф «Экинчи» гəзетинин биринчи нөмрəсиндə јазырды ки, бурада һəминин малдарлығдан, јə'ни бизим вə ја гејри вилајəтлəрдəн нə гисм маллар сахламағдан вə ја нə төвр сахламағдан...данышығ олачағдыр [2]. Гəзетин «Экин вə зираət хəбəрлəри» бөлмəсиндə малдарлығ мəсəлəлəри дə əкинчиликлə јанашы верилмишдир.

Зəрдаби АзəрбајҶанда малдарлығ тəсəррүфатынын нəинки ичтимаи-игтисади əһəмијјəти илə, һəттə бу сəһəнин этнографик хусусијјəтлəри илə дə јахындан таныш иди. Бу бахымдан онун «Елми һејванатдан» башлығы алтында јаздығы силсилə мəғалəлəри диггəти чəлб едир.

Ајдын олур ки, мүəллиф мал-гараны көвшəјən вə көвшəмəјən олмағла ики група бөлэрək онларын этнографик хусусијјəтлəрини шəрһ едир [3]. Онун «Дəбистан» журналынын 1907-чи ил 4-чү нөмрəсиндə «Гара-мал» ады илə чап олунан мəғалəсиндə исə сығыр адландырылан гара-малын дырнағына, дишлəринин јерлəшмəсинə, һабелə тəсəррүфатдағы əһəлијјəтинə керə тəһлил едилир. Этнографик бахымдан һəмин мəғалədə диггəти чəлб едən хусусијјəт бир дə ондан ибарəтдир ки, бурада əтлик, диггəти чəлб едən хусусијјəт бир дə ондан ибарəтдир ки, бурада əтлик, сүдлүк вə гошгу мəгсəди илə истифадə едилən малын јерли əламəтлəри кəстəрилир, онларын һансы үсул вə гајдаларла əлдə едилмəsi ајдын-

VI табло

һәр шейдән эввэл рус чаризмин Азербайжандакы мүстәмләкәчилик сийасәти илә әлагәләндирирди. Мүәллифин фикринчә, Загафгазијанын мүсәлти ман әјаләриндә малдарлыгга мәшғул олан јүз минләрлә әһали үмуми инкишафдан кәнарда галыр вә инди дә јүз ил бундан эввәлки кими һәјат кечирирләр [28].

Һ. Зәрдаби гејд едирди ки, бу һеч дә малдарларын арзусундан асылы дејилдир. Чүнки, елә бир малдар ичмасы јохдур ки, онлар даими јашајыш јери үчүн торпаг ајрылмасыны хаһиш етмәмиш олсун. Лакин һәр дәфә онлара «торпаглар һәлә бөлүшдүрүлмәмишдир»—дејә, рәдд чавабы верилир вә хаһишләри јеринә јетирилмирди [29].

Лакин һәсәнбәј бөјүк үмидлә онларын јахын вахтда јени һәјата кечәчәкләринә инанырды: «...үмид, едирик ки, Загафгазијанын бир нечә јүз мин малдар әһалиси онлара вәд олунмуш торпаглары алыб, көчәриләрин көмәксиз вә фәрәһсиз һәјатына нисбәтән даһа тәмин олунмуш јени һәјата башлајачагдыр [30].

Ајдын олур ки, Зәрдаби һәлә о дөврдә Азербайжанда малдарлыгын формалары мәсәләсинә дүзкүн јанашмыш, тәбии-чографи шәритә ујғун олараг мал-гаранын јазда јайлаға, пајызда гышлаға гајытмасыны көчәриликлә үчүн башлыча шәрт һесаб едән XIX әср мүәллифләриндән фәргли оларат, онун сәбәбини конкрет шәраитлә, ичтимаи-игтисади амилләрлә бағлајыр. Малдарлыгын хүсусијјәтләринә јахындан бәләд олан мүәллиф XIX әсрдә Азербайжанда һәгигәтән дә көчәрилијин олмадығы нәтичәсинә кәлир.

Зәрдабинин малдарлыгын формалары һаггында сөјләдији мүлаһизәләри сон илләрдә тарихшүнаслыгмызда проф. М. Ә. Исмајылов тәрәфијән бир даһа сүбута јетирилмишдир [31]. Зәрдаби малдарларын отураг һәјата кечмәсинин кәләчәкдә мүсбәт нәтичәләр верәчәјини көсәтирирди. Мүәллифә көрә, отураг һәјата кечмәк әкинчилијин инкишафына вә беләликлә мәһсулун боллуғана сәбәб олар; суварманын инкишафына тәкан верәр; әһали ичәрисиндә сәһијјә хидмәтинин јахшылашдырылмаһы үчүн шәраит јарадар; мал-гаранын мүхтәлиф хәстәликләрдән тәләф олунмасынын гаршыһыны алар; малдарлар ичәрисиндә дини—мөвһуматын әвәзинә мәдәнијјәтин јайылмасына кәтириб чыхардар.

Дејиләнләрдән ајдын олур ки, XIX әсрдә Азербайжанда малдарлыг тәсәррүфатынын этнографик баһымдан тәдгиги үчүн Һ. Зәрдабинин әсәрләри даһа гијмәтли мәнбә сајыла биләр. Һәмин әсәрләрдә индијәдәк Азербайжан этнографијасында аз, һәм дә зәиф өјрәнилмиш бир сыра мәсәләләр өз әксини тапмышдыр: ев һејванларынын гошгу, әтлик вә сүдлү кими истифадә едилмәси; јени чинсләрин әлдә олунмасы; бу саһәдә Авропа халгларынын чоһиллик тәчрүбәси вә онун Азербайжанда тәтбиг олунмасы зәрурәти; јени мал чинсләринин һәм емпирик вә һәм дә елми јолларла алынмасына даир мәсләһәтләр; ев һејванларынын мәһсулдарлығыны артырмаг үчүн онларын бәсләнмәси гајдаларынын ән'әнәви вә елми тәшкили; бунунла әлагәдар оларат јем еһтијаты јаратмаг вә јемлик әкинни үчүн төвсијјәләр; сүд мәһсулларынын һазырланмасы вә бу саһәдә елми јениликләр вә с.

Зәрдабинин әсәрләриндә лајигли изаһыны тапмыш диқәр мүһүм мәсәләләр Азербайжанда малдарлыгын формаларыдыр. Кечән әсрә аид олан әсәрләрдә Азербайжанда әһалинин малдарлыгга мәшғул олан һиссәси сәһвән көчәри адландырылырды. Һ. Зәрдаби исә бир сыра мәғаләләриндә бу фикрий әлејһинә чыһараг әсаслы дәлил вә сүбутларла көчәриликлә мәсәләсинин маһијјәтини ајдынлашдырмышдыр.

Беләликлә, алимин халгымызын малдарлыг тәсәррүфаты һаггында инди дә өз әһәмијјәтини итирмәјән зәнкин ирси тарихчиләр, этнографлар үчүн сон дәрәчә фәјдалы бир мәнбәдир.

Әдәбијјат

1. Сумбатзаде А. С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX веке. Баку, 1958, с. 78—92; Исмаилов М. Ә. XX әсрин әввәлләриндә Азербайжанын кәнд тәсәррүфаты. Баку, 1960, с. 51—70.
2. «Әкинчи» гәзети, 1875-чи ил, № 1.
3. «Һәјат» гәзети, 1905-чи ил, № 121.
4. Зәрдаби Һ. Сечилмиш әсәрләри. Баку, 1960, с. 391.
5. Јенә орада.
6. Јенә орада.
7. «Әкинчи» гәзети, 1877-чи ил, № 12.
8. «Әкинчи» гәзети, 1876-чы ил, № 6.
9. Јенә орада.
10. Јенә орада.
11. Јенә орада.
12. Јенә орада.
13. Јенә орада. 1875-чи ил, № 1.
14. Зәрдаби Г. О мерах развития и улучшения скотоводства «Каспи». гәзети, 1899-чу ил, № 267.
15. Јенә орада.
16. Јенә орада.
17. Јенә орада.
18. «Әкинчи» гәзети, 1876-чы ил, № 23.
19. Јенә орада.
20. Јенә орада.
21. «Каспи» гәзети, 1899-чу ил, № 267.
22. «Әкинчи» гәзети, 1877-чи ил, № 4.
23. Зәрдаби Г. О состоянии домашнего скота в Восточном Закавказье. «Каспи» гәзети, 1901-чи ил, № 81.
24. Јенә орада.
25. Јенә орада.
26. Јенә орада.
27. «Каспи» гәзети, 1899-чу ил, № 267.
28. Зәрдаби Г. Наши кочевники. «Каспи» гәзети, 1899-чу ил, № 152.
29. Јенә орада.
30. Јенә орада.
31. Бах: Исмаилов М. А. К вопросу об историографии так называемого кочевого скотоводства в Азербайджане в XIX—начале XX вв. «Азәрб.ССР ЕА Хәбәрләри» (тарих, фәлсәфә вә һүгүг сәријасы), 1973, № 1, с. 20—28; Јенә онун. О характере так называемого кочевого скотоводства в Азербайджане в XIX—начале XX веков; Јенә орада, 1973, № 3, с. 51—59.

Ә. Ю. Джавадова

ВОПРОСЫ СКОТОВОДСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В ТРУДАХ Г. ЗАРДАБИ

Статья посвящена одному из важных вопросов этнографии Азербайджана — освещению скотоводческого хозяйства в трудах Г. Зардаби (1842—1907). Как покаывает исследование в XIX и начале XX веков скотоводство занимало ведущую роль в сельскохозяйственном быту азербайджанцев. И не случайно, Г. Зардаби в своих многочисленных статьях касался вопросов развития и улучшения животноводства в Азербайджане. Он предлагал меры для развития данной отрасли хозяйства. Особенно надо отметить заслуги Г. Зардаби в области улучшения местных пород скота и овец.

Еще в XIX веке Г. Зардаби писал, что развитие, улучшение скотоводческого хозяйства неразрывно связано с кормовой базой. И поэтому он считал нужным организовать в Азербайджане травосеющее хозяйство. Одновременно он уделял большое внимание вопросам быта и культуры скотоводов.

Труды Г. Зардаби являются ценным этнографическим источником для исследования скотоводческого хозяйства.

А. М. ШУКУРОВ

МҮАСИР ДӨВРҮН ГЛОБАЛ ПРОБЛЕМЛӘРИ ҺАГГЫНДА

Сон илләрдә дөврүмүзүн глобал проблемләри терминин тез-тез ишләдилір. Илк дөфә буржуа әдәбијатында мејдана чыхан бу термин мә'нача үмумбәшәри, үмумдүнја сөзләринә ујғундур. Буржуа мүнәлифләри глобал—үмумбәшәри проблемләрин бүтүн бәшәријјәт үчүн мүнһүм-лүјүнү гејд едәрәк, ејни заманда онларын кәләчәкдә бәшәријјәт үчүн ән тәһлүкәли нәтичәләр верәчәјини кәстәрирләр. Буржуа тәдгигатчыларындан фәргли олараг марксистләр глобал проблемләр һаггында өз принципләрини—диалектик материалист бахышлара әсасланан принципләрини ирәли сүрүрләр.

Үмумијјәтлә, глобал проблемләр дедикдә, бүтүн бәшәријјәти дүшүндүрән, инсанлығын кәләчәји һаггында зәрури әһәмијјәтә малик олан проблемләр баша дүшүлүр. Бу проблемләрин бәзиләрини гејд едәк:

Истилик-нүвә мүнәрибәси тәһлүкәсинин, планетимиздә социал әдәләтсизлијин, јохсуллуғун, енержи бөһранынын арадан галдырылмасы, сүлһ шәраитиндә бејнәлхалг мүнәсибәтләрин инкишафы; бир сыра хәстәликләрин арадан галдырылмасы саһәсиндә бејнәлхалг әмәкдашлыг; тәбии еһтијатлардан сәмәрәли вә комплекс сурәтдә истифадә едилмәси; фәал вә дүзкүн демографик сijasәтин һәјата кечирилмәси; әтраф мүнһитин мүнәфизәси, башланмагда олан еколожи бөһранын арадан галдырылмасы; елми-техники ингилабын наилијјәтләриндән истифадә илә әлағәдар олараг апарылан тәдгигатлар саһәсиндә бејнәлхалг әмәкдашлығын инкишафы вә с.

«Карл Марксын тәлими вә ССРИ-дә социализм гуручулуғу» адлы мәгаләдә гејд едилдији кими «...бәшәријјәт үчүн бир чох јени, о чүмләдән олдуғча мүрәккәб гајгылар ортаја чыхмышдыр. Хаммал, енеркетика, әрзаг проблемләринин, еколожи проблемләринин вә глобал мигјаслыдикәр проблемләрин кәскинләшмәси илә әлағәдар олараг нараһатлыг кечирмәјә бәшәријјәтин әсасы вардыр» [1].

Сон илләрдә зәманәмизин глобал проблемләринә һәср олунмуш бир сыра самбаллы әсәрләр јазылмышдыр [2]. Бу әсәрләрдә һазырда бәшәријјәти дүшүндүрән, онун кәләчәјини прогностлашдыра билән, еколожи ситуасиялара мүнәсибәти кәстәрән диггәтәләјиг фикирләр вардыр.

Мүасир дөврүн вә дүнјанын глобал проблемләр комплексини үч группа бөлмәк олар.

Биринчи груп истилик-нүвә мүнәрибәси вә онунла әлағәдар мејдана чыхан проблемләрди. Әсас проблем һесаб едилән истилик-нүвә мүнәрибәси тәһлүкәси проблеми һәрби тоғгушмаларсыз белә өзүнү һисс етдирир.

Икинчи груп үмумбәшәри проблемләрә еколожи амилләрин мәчмусу илә әлағәдар проблемләр дахилдир. Атмосферин, литосферин, гидросферин, јер тәкинин чиркләнмәси, планет мигјасында, јахуд рекионал мигјасда екосистемин сабитлији мәсәләләри бу проблемә дахидир. Бу проблемләрин һәлли бәшәријјәт үчүн мүнһүм әһәмијјәт кәсб едир.

Үчүнчү груп проблемләр кечмиш мүстәмләкә вә асылы өлкәләрин игтисади вә мәдәни саһәләрдә кетдикчә кери галмасы даһа чох һисс едилән проблемләрди. Бәшәријјәтин јарыдан чоһу бу өлкәләрдә јашајыр. «халис»елми проблемләр олмајыб, һәр шејдән әввәл социал проблемләрди.

Гејд етдијимиз кими, мүасир дөврүн ән мүнһүм глобал проблемләси олан мүнәрибә вә сүлһ проблемидир. Зәманәмизин әсас мәсәлә-мүхтәлиф мүнәсибәт бәсләјирләр. Дүнја халгларынын әксәријјәти јахшы ИКП Програмында дејилдији кими, «Халгларын сәјләри империалистканындан мәһрум етмәјә јөнәлдилмишди. Башлыча вәзифә нүвә мүнәрибәсинин гаршысыны алмаг, онун баш вермәсинә имкан вермәмәкдир. Буну исә инсанларын индики нәсли едә биләр» [3].

Капитализмлән фәргли олараг социализм халгlara азадлыг вә хошбәхтлик верир. Чүнки социализм игтисадијјат вә мәдәнијјәтин мисилсиз јүксәлишини тәмин едир. Социализм кери галмыш өлкәни аз бир заманда, бир нәслин өмрү мүддәтиндә инкишаф етмиш сәнајә өлкәсинә чевирир. Планлы социалист игтисадијјаты өз тәбиәти етибарилә јүксәлиш вә тәрәгги истисадијјатыдыр. Социализм чәмијјәтиндә инсанын инсан тәрәфиндән истисмарынын арадан галдырылмасы ичтимаи бәрабәрсизлијә бирдәфәлик сон гојмушдур. Һәм дахили проблемләри, һәмчинин вахты јетишмиш бејнәлхалг проблемләри һәлл етмәк бахымындан социализм өзүнәгәдәрки бүтүн ичтимаи системләрдән јүксәкдә дајаныр. Буну сүлһ вә мүнәрибә проблеминә мүнәсибәтдә дә ајдын көрмәк олар.

Сүлһ тәкчә тәһлүкәсизлик мәсәләси дејилдир. Бу, һәм дә мүасир сивилизасиянын олдуғча бөјүк проблемләринин һәлли үчүн чох мүнһүм илкин шәртдир. Бәшәријјәтин кәләчәји исә һәмин проблемләрә бағлыдыр ки, өзлүјүндә нә гәдәр мүрәккәб вә чәтин олса да, бу күнүн проблемләрини һәлл едәркән бунунла һесабашмамаг олмаз.

Мүнәрибә дүнја сивилизасиясыны вә мәдәнијјәтини мәнв едә биләр. 100 милјонларла адамын һәјатына сон гоја биләр. Она көрә дә сүлһүн горунуб сахланылмасы идракын гәләбәсидир. Сүлһүн горунуб сахланмасы мәсәләси елә мүнәсибәтләр саһәсидир ки, бурада халгларын вә дәвләтләрин мәнәфеләри илә јанашы, бир-биринә әкс синифләрин дә мүнһүм мәнәфеләри чулғалашыр. Јени дүнја мүнәрибәсинин гаршысыны алмаг, мөһкәм сүлһү тәмин етмәк дүнја әһалисинин гаршысында јени көзәл перспективләр ачар. Дөврүмүздә үмумән бәшәријјәтин гаршысына чыхан бир чох башга мүнһүм, һәјати проблемләрин һәлли үчүн зәмин јаранар.

Бөјүк инсан күтләләрини әрзагла, хаммалла, енержи мәнбәләри илә тәмин етмәк дөврүмүзүн мүнһүм глобал проблемләридир. Керидә галмыш өлкәләрин игтисади керилијини арадан галдырмаг проблеминин һәлли дәвләтләр арасында мүнәсибәтләрин нормал инкишафы үчүн, һабелә, бүтүн бәшәријјәтин инкишафы үчүн зәруридир. Елми-техники ингилабын тәрәтдији тәһлүкәләрдән инсаны горумаг, башга сөзлә десәк, ингилабын тәрәтдији тәһлүкәләрдән инсан үчүн мүнәфизә етмәк бәшәријјәти чидди тәбиәти, әтраф мүнһити инсан үчүн мүнәфизә етмәк бәшәријјәти чидди нараһат едән глобал проблемләрдән биридир. Совет Иттифагы Коммунист Партијасынын XXV гурултајында гејд едилдији кими, «хаммал вә ја

енергетика: эн тәһлүкәли вә даһа чох јајылмыш хәстәликләрин ләғв: едилмәси вә әтраф мүнһитин горунмасы еһтијатларындан истифадә едилмәси кими глобал проблемләр бу күн артыг кифәјәт гәдәр мүнһүм вә әктуал проблемләрди. Кәләчәкдә бу проблемләр һәр бир халгын һәја- тына, бүтүн мүнәсибәтләр системинә кетдикчә даһа чох тә'сир кәстәрә- чәкдир. Дүңја сәсиализм өлкәләри кими бизим өлкәмиз дә бүтүн бәшә- ријјәтин мәнәфејинә аид олан бу проблемләрин һәллиндән кәнарда гала билмәз» [4].

Бу проблемләр бәшәријјәти һәмшә дүшүндүрмүш вә онларын һәл- линин нәзәри мәсәләләри елми-коммунизм классикләри тәрәфиндән иш- ләниб һазырланмышдыр. Мәсәлән, «әбәди сүлһ» идејасы һәлә ән гәдим дөврләрдә ирәли сүрүлмүшдүр. Гејри-елми сәсиоложи доктрина олан әһали артымы нәзәријјәси тәхминән ики әср бундан габаг инкилис игти- садчысы, кешиш Малтус тәрәфиндән ирәли сүрүлмүшдүр. Малтус өзү- нүн «Әһали гануну һаггында тәчрүбә» («Онун әһали нәзәријјәси баш- дан-баша виждансыз бир оғурлугдан ибарәтдир. «К. Маркс») адлы кита- бында кәстәрирди ки, Јер күрәсиндә әһали бүтүн дөврләрдә вә бүтүн өл- кәләрдә һәндәси силсилә илә артдығы һалда, јашајыш васитәләри әдә- ди силсилә илә артыр. Малтус күтләләрин синифли чәмијјәтләрдәки јохсуллуғунун вә бүтүн диқәр ичтимаи бәлаларын сәбәбини әһалинин сүр'әтлә артмасында көрүрдү. «Өзлүјүндә ајдындыр ки, бу «әһали ар- тыглығынын» сәбәбини аңчаг капиталист истәһсалынын тарихи тәбии ганунлары илә дејил, әбәди тәбиәт ганунлары илә изаһ етмәк, Малтусун там бир кешиш сә'ји илә тә'зим етдији һаким синифләр үчүн даһа әлвә- ришли оларды, онларын мәнәфејинә даһа ујғун кәләрди» [5].

Малтус әһалинин артмасы илә јашајыш васитәләринин мигдары арасындакы бу «ујғунсузлуғу» арадан галдырмагда мүнәрибәләри, эпи- демијалары, никаһлары мәһдудлашдырмағы вә с. әсас васитә кими ирә- ли сүрүрдү. «Малтусун бүтүн хәстәликләри сағалдан дәрманы, јәни әһалинин әкисилдилмәси» (К. Маркс) бу идејалардан ибарәтдир. Еколо- жи бөһран мәсәләси дә гәдим тарихә маликдир. Лакин әввәлләр бу проб- лемләр мәһдуд, локал характер дашыјырды. Ичтимаи инкишафын мұа- сир мәрһәләсиндә мүнәрибә вә сүлһ, әтраф мүнһит вә әһали артымы проб- лемләри локаллыгдан чыхмыш, глобал проблемләрә чеврилмишдир. Бү- түн биликләрин, о чүмләдән елмин «экологлашдырылмасы» онун тәдги- гатлар саһәсини даһа да кенишләндирир; тәбиәтлә чәмијјәтин гаршы- лыглы мүнәсибәтинин өјрәнилмәси өн сыраја кечир: Гәрб «оптимистләр- инин» фикринчә, халглар, һәмчинин, бүтөвлүкдә бәшәријјәт Гәрб си- вилизасијасынын тә'сири алтында бирләшә тотал эколожи бөһрандан хи- лас ола биләр. Онлар дүңја халгларына симпатија илә јанашыр, фәал сурәтдә мүнәрибәләр вә зоракылыг әлејһинә чыхыр, өз күндәлик һәјат- ларында мәнәви башланғычын мүнһүм рол ојнадығыны ирәли сүрүрләр. Гәрбдә јаранан бир сыра эколожи мәктәбләр мәсәлән, фундаментал фи- зики биликләр комплексинә әсаслананлар (А. Уесли, Ч. Монтејт), игти- сади-эколожи синтез (Г. Дејли, К. Боулдинг, А. Нис вә башгалары), еко-чоғрафы тәдгигатлар мәктәби вә с. өзләринин бир-бириндән фәрг- ләнән методоложи консепсијаларыны тәблиғ едирләр. Экологларын «икинчи нәсли» К. Фрименин термини илә десәк, «инчил тонундан» узағ-

лашмышлар. Лакин буна бахмајараг һәммин нәсилдә дини аспект бир чох һалда өз варлығыны сахламышдыр. М. Медфорд 1973-чү илдә Амстер- мүшдүр.

1. «Идеалистләр»—кәләчәјин узаг идеалыны ахтаранлар, јахуд һәммин идеалы јараданлар, инсанын алтернатив еко-сәсиал кәләчәјинә инанан- лар (мәс.: Р. Кларкин «алтернатив чәмијјәти», Д. Габорун «Јеткин чәмијјәти», К. Боулдингин «постсивилизасијасы», А. Шпилхаусун «еко- чирән чәмијјәт»и, Ч. Платт, П. Ерлихин вә башгаларынын «Јени диндар- шүүр»у, Е. Шумахерин «Васитәчи игтисадијја»ы вә с. «Реалистләр»— ахтаранлар.

2. «Технократлар»—һуманитарлыға скептик јанашанлар, елмилијә әсасланыб Гәрб сәсиал институтларынын «јахшы» тәрәфә инкишаф едә- чәјинә инананлар.

3. «Легалистләр»—дөвләт вә һүгугун эколожи һәрәкатлара мүнәси- бәтини өјрәнәнләр. Онларын бә'зиләри, мәс. Р. Хејлбронер елм вә техни- каны «дағыдычы гүввәләрин» әсасы һесаб едирләр. Она көрә эколожи бөһрандан чыхмагдан өтрү мүтләг инсанларда јаранан мәнәви бошлу- ғу диндарлығын бә'зи формалары илә долдурмаг лазымдыр [7].

Эколожи консепсијалар ичәрисиндә М. Букчинин «еко-анархизми» хүсусилә гејд едилмәлидир. М. Букчинә көрә ја ингилаб эколожи чәмиј- јәти јарадачаг, јахуд да тәбиәт мәнәви олачагдыр. Онун идејасыны ғыса шәкилдә белә шәрһ етмәк олар. Анархист ичма јахшы сәвијјәдә олан екосистемә јахынлашагдыр. М. Буркчин бу чүр биосәсиал бирлијин јаланчы дини әсасыны (јени анимизм», «тәбиәтлә вәһдәтдә олмаг һис- синдә» көрүр. Букчинә көрә јени эколожи ингилабын өз-өзүнә әмәлә кәл- мәси «јени гајдалара» апарыб чыхарачаг, бунун да әсасында гаршылыг- лы өзбашыналыг дурур.

Үмумијјәтлә, мұасир буржуа фәлсәфи вә сәсиал әдәбијјатында гло- бал эколожи проблемләрә даир чохлу нәзәријјәләр вә фикирләр ирәли сүрүлүр. М. Баттис, Б. Грем, Д. Крас, Д. Х. Медоуз, М. Месарович, А. Печчеи, Е. Пестел, М. Реми, Ч. Форрестер, П. Ерлих кими буржуа со- сиологларынын фикринчә, мәһсулдар гүввәләрин инкишафы тәрәггијә дејил, тәнәззүлә, һәтта бәшәријјәтин мәнвинә апарыр. Буржуа тәдгигат- чылары бәшәријјәтин кәләчәк тәлејинин фачиәли олмасы һаггында— Јер күрәсинин мәһдуд имканлары, әрзаг, енержи, хаммал, су вә с. ча- тышмазлығы һаггында хәбәрдарлыг едирләр. Гәрбин мұәјјән груп эколо- глары, о чүмләдән, Ж. Дорст, Б. Коммонер, Ч. Гофман, А. Темпли вә б. белә һесаб едирләр ки, капитализм бир систем кими дүңјаны ла- бүд эколожи бөһрана апарыр. Лакин онлар маарифчи филантроплар кими чыхыш едирләр. «Јени тәнгиди футуролокија»нын мұәллифләри (О. Флехтгејм, Р. Јунг вә башгалары) кәләчәк «постиндустриал чәмиј- јәт»ин «конверкенсија» әсасында капитализм илә сәсиализм арасында зиддијјәтләри арадан галдырачағы һаггында мұхтәлиф футуроложи нә- зәријјәләр ишләјиб һазылајырлар. Бу кими гејри-елми нәзәријјә вә консепсијаларда керчәклијә пессимист мүнәсибәт бәсләнилир. Үмумиј- јәтлә, мұасир буржуа сәсиолокијасы јаранмыш эколожи ситуасијанын әсл сәбәбләринин ашдырылмасында, гаршыја чыхан мәсәләләрин һәл- линдә күчсүздүр. Буржуа эколожи әдәбијјатында эколожи проблемин

Һәллине даир верилән төвсирәләр чох рәнкарәнк олуб, тәбиәтин сәрбәст дәжишдирилмәси һаггында әсассыз технократик хулјалардан башламыш. Бунун инсан фәалијәтинин нәтичәләриндән горхмаға гәдәр сәпәләнир. Бунун ла белә, гејд едилмәлидир ки, бу нәзәријә вә консепсияларда бәдбин бахышлар чохлуг тәшкил едир. Онлар елми-техники тәрәггини ләнкит мәжә, мүтәрәгги инкишафы јавашытмаға, мүасир сивилизасиянын сәр- вәтләр системини дәжишдирмәгә чагырылар. Һәм дә мәсәләни белә гә- ләмә вермәјә чалышлар ки, социал вә елми-техники тәрәггијә елми чәһәтдән әсасландырылмыш инам «христиан тәфәккүр үслубунун» тәза- һүрүдүр. «Рома клубу» әтрафында бирләшән алимләрин 5-чи мәрузә- синдә мүәллифләрин фикринчә, «јени дүнја гәјдасы» инам вә һәмрәј- лик әсасында, јени глобал етосун јаранмасы нәтичәсиндә инкишаф едәчәк, јени стандарт һуманизм дөвләт һәјәтинын бүтүн сәһәләриндә әхлаг вә даврамыш гәјдасына чевриләчәкдир. Бу исә өзлүјүндә бөјүк динләрин (христианлыг, Ислам, буддизм, иудаизм, Чиндәки дини ән'әнә- ләр, конфутсиончулуг вә даосизм, һәмчинин Африкадакы гәбилә, тајфа динләринин) тәһлили јолу илә әсасландырылыр. Онлара көрә куја мүа- сир дөврүн башлыча дүнја көрүшләри олан «либерал демократија» «марксист коммунизм», «альтернатив мәдәнијәт» мүртәчә рола малик- дир. Бу дүнјакөрүшләр елми-техники ингилабын антиһуманист, шәхсиј- јәти өзкәләшдирән формалары кими тәһлил едилир. Ч. У. Форрестер, һәмчинин әр-арвад Д. Х. вә Д. Л. Медоузлар тәклиф едиләр ки, үму- мијјәтлә, бәшәријәтин инкишафыны дајандырмаг, беләликлә дә, глобал таразлыг дејилән вәзијјәтә кечмәк лазымдыр. Бу исә куја әһалинин са- јынын сабитләшмәси, естәһсалын сонракы инкишафынын кәсилмәси, тә- бии еһтијатлардан гәнаәтлә истифадә едилмәси демәкдир.

концепсијаларынын эксэријјетиндэ мүасир дөврүн глобал проблемләри-
нин башлыча сәбәбләри (сосиал-игтисади, синфи) ја тамамилә инкар
Гейд етмәк лазымдыр ки индий дөврүндә

Марксизм мұасир дөврүн глобал проблемләрини бәшәријәтин ин- кишафынын, социал вә елми-техники тәрәггинин нәтичәси һесаба едир. Марксизмин өјрәтдији кими инсан чәмијјәтинин инкишафында ики мү- мүһитә мұнасибәти; 1. Инсан—тәбиәт, даһа доғрусу, инсанын әтраф- социал мұнасибәтләр; Бу мұнасибәтләр системи мұасир дөврүн глобал- проблемләринин мәнбәјини тәшкил едир. Демәли, инсанын тәбиәтә вә- дикәр инсанlara мұнасибәти бүтүн мұасир глобал проблемләри доғуран- јеканә вә һәлледиһи сәбәб һесаба едилмәлидир. Буржуа чәмијјәтинин- глобал проблемләрини һәлл етмәк стратегијасы социал тәрәггинин тә- ләбләринә дејил, монополист буржуазиянын егоист марағ вә мәнәфеји- нә әсасланды. Бу стратегијанын идеја-нәзәри әсасыны тәбиәтин тәһриф- едилмиш аңлајышы, глобал проблемләрин маһијјәтчә мұасир дөврүн- социал-сијасы һадисәләри илә сых сурәтдә әлағәдар олмасынын баша- дүшүлмәмәси тәшкил едир. Буржуа алимләри чоһ вахт глобаллығы «фөвгәлмилли», «фөвгәлсинфи» вә һәтта «фөвгәлсоциал» кими тағдим- етмәјә чәһд едирләр. Онлар белә һесаба едирләр ки, глобал проблемләр- бүтүн бәшәријјәти әһатә етдијинә көрә мөвчуд синфи вә сијасы фәргләр- өз әһәмијјәтинин итирир. Индијә гәдәр буржуа екологларынын вә алим- ләринин глобал проблемләрин һәлли илә әлағәдар бир сыра лајиһәләри,- прогнозлары јаранмышдыр. Дүңја инкишафынын илк прогнозларындан- бири «Рома клубу» нұмајәндәләри Д. Медоуз групу вә Ч. Форрестерин- (биринчи мә’рузә) лајиһәсидир. Онлар гејд етдијимиз кими, истеһсалын- сәвијјәсини вә мадди тәләбаты планет мигјасында мәһдудлашдырмағы- тәклиф едирдиләр. 1968-чи иллә јаранан «Рома клубу» өзүнчә «асылы- олмајан», «Дөвләтә дәһли олмајан» тәшкилат һесаба етсә дә [9], «клубун»- әсасыны ири бизнесменләр тәшкил едир. Һәтта илк глобал прогноз мо- делләри АФР-ин ән ири дөвләт монополист компанијасы олан «Фолкс- вакен» адды компанијанын вәсанти һесабына һазырланмышдыр [10].

бәшәријјәтин јаратдығы цивилизасија илә тәбиәт арасында баш вермәк-дә олан зиддијјәти арадан галдырмаға гадирдир. Ф. Енселсин гејд ет-дији кими, тарих «бәшәријјәтин тәбиәтлә вә өз-өзү илә барышмасына доғру кедир [11].

Үмумијјәтлә, елми коммунизмдин баниләри, К. Маркс, Ф. Енселс вә В. И. Ленин пролетариатын мәнәфеји илә бүтүн бәшәријјәтин мәнәфе-јинин бир олдуғуну дәнә-дәнә гејд етмишләр. Онлар фәһлә синфини «бү-јүнн адамлар үчүн, һәр бир адамын өз инсани тәбиәтини сәрбәст инки-түн адамлар үчүн, һәр бир адамын өз инсани мүнәсибәтләрдә јашамағ-шаф етдирмәк өз јахын адамлары илә инсани мүнәсибәтләрдә јашамағ-имканы верән-һәјат шәранти...» [12] јаратмаға чағырырдылар.

Инди дүнјада елә бир өлкә, елә бир халғ јохдур ки, глобал проб-лемләр ону дүшүндүрмәсин. Бу исә тамамилә тәбиидир. Нәмин проблем-ләрин һәлли бәшәријјәтин кәләчәји мәсәләсидир. Сов.ИКП МК-нын 1983-чү илин ијун пленумунда гејд едилдији кими, «Коммунистләр һәми-шә әсарәтә гаршы, инсанын инсан тәрәфиндән истисмарына гаршы чар-шы пышмышлар, бу күн исә онлар һәм дә бәшәр цивилизасијасынын горун-масы уғрунда инсанын јашамағ һүгугу уғрунда мүбаризә апарырлар» [13].

Бүтүн бунлар о демәкдир ки, Коммунист Партијасы совет халғы, Совет дәвләти үмумбәшәри проблемләрин һәлл едилмәсиндә һәмишә мү-һүм рол ојнамыш, шүбһәсиз, бундан сонра да мүһүм рол ојнајацағдыр.

Әдәбијјат

- 1 Андропов И. В. Сечилмиш нитгләр вә мәғаләләр. Бақы, 1983, с. 268.
- 2 Алексеев А. В., Алексеева Н. Т. Глобальные проблемы человечества и сотрудни-чества двух мировых систем. М., 1981; Араб-оглы Э. А. Демографические и эколо-гические прогнозы. (Критика современных буржуазных концепций). М., 1978; Заглодин В. В., Фролов И. Т. Глобальные проблемы современности. Научные и со-циальные аспекты. М., 1981; Хозин Г. С. Глобальные проблемы современности: (Кри-тика буржуазных концепций). М., 1982 вә с.
- 3 «Сов. ИКП Программы». Бақы, 1977, с. 51.
- 4 «Сов.ИКП XXV гүрүлтайынын материаллары» Бақы, 1976, с. 62.
- 5 Маркс К. Капитал. I чилд. Бақы, 1969, с. 709.
- 6 Бу барәдә әтрафлы бах: Наука, организация и управления Новосибирск, 1979, с. 179.
- 7 Ленә опала, с. 189—190.
- 8 Бах: Медоуз Д. Пора нажать на «стоп-кран», в кн. Общество, Человек, Земля и Космос. Диалоги. М., 1979, с. 292—301.
- 9 Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980, с. 89.
- 10 Федеронко Н. Глобальные прогнозы и реальные решения. Проблемы мира и социализма, № 5, 1977, с. 73.
- 11 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 551.
- 12 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 554.
- 13 «Сов.ИКП Маркәзи Комитәси пленумунун материаллары 14—15 ијун 1983-чү ил. Азәрнәшр, 1983, с. 25.

А. М. Шукюров

О ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОСТИ

В условиях современной научно-технической революции особую остроту при-обретают глобальные проблемы. К их числу относятся угроза возникновения новой мировой войны, обострение экологической ситуации, нарастающий дефицит энерге-тических сырьевых ресурсов при продолжающемся демографическом росте. В статье делается попытка выявить специфику и сущность глобальных проблем, показывается, что они носят прежде всего социальный характер, раскрывается методологическая роль диалектико-материалистической философии в решении глобальных проблем, обстоятельно выявляются преимущества социалистической системы в их решении, вскрывается ненаучный характер «прогнозов» буржуазных социологов о будущем человечества. Подвергаются критике пессимистические концепции западных иссле-дователей-футурологов Дж. Форрестера, З. Медоуза, М. Месеревича, А. Печчеи и других.

А. Ф. АББАСОВ

ДИАЛЕКТИКА И ЛОГИКА ИССЛЕДОВАНИЙ ПСИХИЧЕСКОГО КАК ЦЕЛОСТНОГО ПРОЦЕССА

Ряд очень важных проблем методологического порядка в конкрет-но-научном знании и философии сегодняшнего дня связан с изучением целостной психики. В плане этого особую остроту обретаает вопрос о диалектике и логике исследований психического как исходно-целост-ного процесса.

Психическое как процесс характеризуется следующими особенно-стями: во-первых, оно относится к числу живых процессов; во-вторых, выделяется своей предельной динамичностью, непрерывностью и из-менчивостью; в-третьих, нераздельностью процесса и результата (психического образа, понятия, умственного действия, чувства и др.) как разных и, в то же время, неразрывно взаимосвязанных сторон единой системы психического явления.

Кроме того, само развитие психики характеризуется своей необра-тимостью, что говорит, в свою очередь, о качественно своеобразном типе ее функционирования. Функционирование психики отличается от простого (например, от функционирования кривошипно-шатунного механизма, кибернетической системы и т. п.) тем, что оно представляет собой развивающийся процесс, находится в постоянном становлении и преобразовании, как единство, развертывающихся во времени и про-странстве, инвариантных и изменчивых структур, состояний.

Эти взаимопереплетающиеся особенности психического говорят об особой форме детерминаций, причинно-следственных связях психиче-ского. Пожалуй, без анализа самой природы детерминаций психиче-ского невозможно раскрытие разнонаправленного влияния друг на друга уровней ее организации и их интеграцию в единую целостность.

Объясняемые с позиций классического детерминизма (механисти-ческого, дизъюнктивного) закономерности в живых процессах, конеч-но, не могут охватить их в подлинном виде, не искажая и не омертвляя. Существенные отличия живых процессов от физических, химических и других, относящихся к области неживой природы подрывают саму основу применения трактовок причинно-следственных закономерностей, основывающихся на классических представлениях.

Думается, что развиваемая в последние годы концепция диалек-тико-материалистического детерминизма, основанная на недизъюнк-тивном подходе, континуально-генетическом способе исследования жиз-ненных и, в частности, психических процессов, наиболее адекватно отражает и описывает природу, свойства, функции последних. Особый интерес в этом плане представляют исследования советского психолога А. В. Брушлинского [1, 2, 3].

Недизъюнктивность исходит из самой природы нелинейной, непре-рывной детерминации психического. Это понятие в отличие от дизъ-

юнктивности принимается как выражение исключительно специфической детерминации психических процессов. Изначальная недизъюнктивность детерминаций психического следует из того, что различные его стадии, проявления, свойства органически взаимосвязаны; их нельзя рассматривать как дизъюнктивно отделенные элементы, лишённые генетических связей, они как бы непрерывно проникают друг в друга, сливаются, переходят одна в другую.

Дизъюнктивная же детерминация в применении к психическому по сути дела есть упрощенный взгляд на причинность, метафизическое противопоставление друг другу причины и следствия, «установление абсолютных граней в природе» [4, 276]. Она, выражая собой подход, при котором не соблюдается исходная целостность искомого объекта познания, приводит к расчленению психического, к резкому ограничению его уровней. В следствие этого ставится под сомнение сам принцип развития, вне которого невозможно говорить о соблюдении принципов детерминизма и историзма, преемственности, непрерывности психических процессов, когда каждая следующая стадия вырастает из предыдущей, являющейся ее внутренним условием. Оставаясь на позициях дизъюнктивной трактовки детерминаций в психическом, неизбежно приходится отвлекаться от самого развития, его источника, течения процесса, от его прошлого и будущего.

Единство структуры и процессов, равновесия и развития как противоречие, как саморазвитие на этой основе невозможно, а следовательно, исключается появление чего-то нового.

Дело в том, что дизъюнктивность прямым образом связана с законом исключенного третьего; они теснейшим образом предполагаются и раскрываются друг через друга, а соответствующая им логика является как бы «эмпирической», более конкретной в силу перехода от неопределенной абстрактности, охватывающей бесконечность, к определенности и конечности, что создает большую конструктивность формальной логики (за счет ее широты и общности), нежели диалектической. При этом желание избежать противоречия, ухода в неопределенность и бесконечность, в абстрактность (в смысле не конкретности), кратким путем установить истину в отдельных случаях приводит к противоречию, к формализму, абстрактности в прямом смысле, резкому удалению от естества объекта реальности; логика утрачивает свой диалектический момент. (Здесь, конечно, мы не оспариваем факт правомерности существования и плодотворности формальной логики вообще. Речь идет о границах ее применимости в научном познании).

Истина, выдвигаемая по поводу объекта, выступает лишь как конечный факт, момент, раз и навсегда данный инвариант, а не как процесс, ибо объект вырывается из пространственно-временного континуума, из своей событийности и рассматривается как аморфная, инвариантно-временная сущность, т. е. теряет свою особенность. В силу этого возникает трудность нахождения чего-либо такого, что не будет повторяться. Особенное становится как бы чистым примером, отличающимся от других примеров не своими качествами, а отношениями. Разумеется, что тогда никаких переходов от одного качества к другому, от одного содержания к другому, тем более от одной противоположности к другой, их синтезирования в диалектическом единстве быть не может. В понятиях и суждениях исключается фактор пространства-времени, или, если он предполагается, то разные его моменты рассмат-

риваются вне связи друг с другом, как однородные разобщенности, а не как разнородные сущности, составляющие единство. Следовательно, отсутствует совмещение объекта в пространстве-времени и его сосуществование как бы снимается, исчезает, так как действительное сосуществование означает действительную определенность пространственно-состояний формального объекта.

Именно такое наблюдается в абстрактных науках и, в первую очередь, в математике. Но насколько важен для этих наук сам вопрос о выразительных возможностях формальных систем вообще при описании внешнего мира, говорит то, что даже в самой абстрактной математической науке, традиционная проблема существования математических объектов уже не сводится к дилемме «противоречивость или конструктивность», как это было свойственно классическому периоду развития математики вплоть до 30-х годов включительно. В связи с этим сам математический материал настоятельно требует диалектико-материальности введения в логику закона диалектического противоречия, более прямым критерием которого может быть признак единства, нераздельности общей основы противоположностей в противоречиях. Следует заметить, что вопрос о введении в логику принципа развития отнюдь не ставится в зависимость от проблемы математизации исследований только живых процессов, более того, развитие самой математики, особенно теории множеств с ее парадоксами и открытиями, связанными с континуум-гипотезой (К-гипотезой) Кантора указывает на необходимость введения в логику последовательной диалектики. Уже на примере К-гипотезы обнаруживается необходимость переходов от одной противоположности к другой и их совмещения [5, 136—167; 6].

Аналогичным образом дизъюнктивность связана с другими законами традиционной (формальной) логики — с законом тождества и с законом противоречия. Другого и не может быть, так как все три закона пересекаются друг с другом; если отрицается один из них, то другие не могут оставаться в неприкосновенности. Действительно, закон тождества, во-первых, как известно, не предполагает развития понятий; во-вторых, он застраховывает от противоречий между понятиями, так как при его соблюдении уже не может быть такого положения, что одно и то же понятие имеет разное содержание в различные моменты рассуждения. Закон противоречия тоже обуславливает определенную неизменность мысли, но несколько по-иному. Он утверждает, что два противоположных суждения не могут быть одновременно истинными. Но так как при появлении любого различия в объекте два высказывания о нем будут обязательно различны, то, по сути дела, это означает, что не должно происходить никакого изменения. Закон же исключенного третьего, утверждающий, что два противоположных суждения не могут одновременно быть оба ложными, как показали выше, также предполагает, во-первых, что по крайней мере в процессе рассуждения предметы не меняют своих признаков, и, во-вторых, что противоположные признаки (противоречащие высказывания, но не контрарные, т. е. не общие) никогда не совмещаются. Таким образом, все три закона говорят примерно об одном и том же: о запрете вносить какие бы то ни было изменения в содержание понятий и суждений на протяжении рассуждения. Дизъюнктивность, конечно, заранее закрывает альтернатив в этих законах наперед исчерпывает все акту-

альные и потенциальные свойства исследуемого объекта, исключает появление того нового, чего нет в исходных предпосылках. Поэтому с очевидностью встает задача необходимости каким-то образом вводить принцип развития и диалектической противоречивости внутрь логики, создания такой логики, законы которой являются более адекватными по отношению к закономерностям объективной реальности, а следовательно, и по отношению к самой искомой математике. Как следует из вышесказанного этого можно достичь не каким-то частичным исключением, «сглаживанием» законов традиционной логики, а движением навстречу диалектике, путем осознания объективного содержания законов логики и их диалектико-материалистического анализа в совокупности. Тем более это важно, когда речь идет о математизации исследований живого процесса, о соответствии логики математической логике качественных закономерностей психического, об их органической «стыковке». Конечно, вопрос о самой логике качественных закономерностей психического отнюдь не сводится к проблеме математизации его исследований. Он имеет отношение ко всей совокупности вопросов, связанных с общей проблемой исследования целостной психики как живого процесса, в частности, с постановкой и решением проблем взаимоотношений субъекта и объекта, знания и психической реальности, детерминизма и индетерминизма, случайности и необходимости, сознания и бессознательного, психической «наглядности» и отражения и т. п.

Насколько важно само понимание и раскрытие логики психического для чисто психологических исследований, не говоря даже о проблеме математизации его исследований, доказывается на примере развития самой психологии, на примере ее истории. Действительно, разве не следствием логики, полной «привкуса» дизъюнктивности, формальности, неадекватно отражающей закономерности искомого объекта познания, объясняется факт долгого выдвижения по поводу психического (к сожалению, такое наблюдается по настоящее время) взаимоисключающих трактовок: психическое есть сознательное и только, или психическое есть бессознательное и ни в коем случае сознательное — изначальная рядоположенность, несовместимость бессознательного и сознательного, расчлененность целостной психики? Выдвигались следующие типы рассуждений:

1. Сознание — атрибут психического. Психическим можно считать, что является сознательным, а потому понятия психического и сознания покрывают друг друга как по объему, так и по содержанию.

2. Сознание и психическое — явления разных категорий, они по содержанию не совпадают друг с другом ни в одном из пунктов. Сознание по содержанию нечто большее, чем психическое; последнее совпадает только по объему с частью сознания. Более подробно мы останавливались на этом и прочих типах отношения к системе: «психика — бессознательно — сознание» в других работах [7].

Легко видеть, что, по существу, такого рода утверждения оставляют в стороне рассмотрение систем: «сознание-бессознательное», «психика-сознание-бессознательное». При этом упускается из виду исходная целостность искомого объекта познания. Проблема сознания отрывается от проблемы бессознательного, что крайне не правомерно и не реально. Это доказывается всем состоянием современной психо-

логической науки, тем, что результаты исследований констатируют безусловное наличие бессознательного на всех уровнях организации психической деятельности. Сознание человека никогда не бывает в реальности оторванным, дизъюнктивно отделенным от бессознательного. Этот факт отмечается многими советскими учеными. Например, А. Е. Шерозия, настоятельно подчеркивая необходимость исследования психики на новой концептуальной основе, в частности, на основе единой системы отношений, проявляющейся через фундаментальное единство человеческой личности и исходную целостность его психики, пишет: «Только исходя из обобщенной теории сознания и бессознательного, можно... ставить и в какой-то мере адекватно решать на логии изучения психики, систематически преодолевая вместе с тем классический (галилеевский) принцип анализа этой структуры...» [8, 62].

Анализ этих двух концепций по отношению к вопросу о взаимоотношении психического и сознания еще раз говорит о необходимости иметь логику, более соответствующую фактическому материалу, а ее законы являлись бы адекватными по отношению к закономерностям объективной реальности. По всей видимости плодотворное решение данной проблемы возможно только при переходе от дизъюнктивного к недизъюнктивному рассмотрению, что учитывало бы более сложный характер объективных отношений между различными свойствами, качествами психического, их опосредствование.

Думается, что своего рода «мостиком» от дизъюнктивности к недизъюнктивности в современной науке (в особенности в физике) служит методологический принцип дополнительности Бора, выдвинутый в свое время в связи с интерпретацией квантовой механики. На наш взгляд, этот принцип, если понимать его как закон, по своему содержанию и смыслу глубже и шире, чем все законы традиционной логики, в частности, закон исключенного третьего; он же менее диалектичен и уже, чем закон диалектического противоречия. Поэтому, хотя в принципе дополнительности и находят отражение элементы диалектического мышления, он все же является не совсем дизъюнктивным и не совсем недизъюнктивным. Не случайно, что в науке существует точка зрения, согласно которой принцип дополнительности по мере дальнейшего развития науки должен быть преодолен на основе более глубокого раскрытия внутренних взаимосвязей между различными свойствами реального объекта [3, 19]. (По проблеме дополнительности можно указать следующие сборники: [9, 10, 11]). Обстоятельный анализ дополнительности с позиций материалистической диалектики, ее истолкование и оценка методологического содержания, развитие этой концепции вплоть до настоящего времени дана в работе И. С. Алексеева [12]).

Как известно, принцип дополнительности, в отличие от классических формально-логических правил связи взаимоисключающих высказываний, обосновывает равноценность двух дополнительных описаний, в силу чего целостность явления воспроизводится в познании применением взаимоисключающих «дополнительных» понятий. В нем как бы нашла признание онтологическая неделимая целостность процесса наблюдения — иное понимание «явления», новое соотношение

между явлениями, наблюдаемыми при разных экспериментальных условиях. Выражая единство противоречивых характеристик объекта, дополнительность выступает как специфическая форма диалектического противоречия. Но значит ли это, что она целиком и полностью покрывает закон диалектического противоречия? Конечно, нет! Об этом говорит хотя бы то, что закон диалектического противоречия утверждает: если те или иные свойства познаваемого объекта и исключают друг друга (взаимодизъюнктивны) или они берутся как дополнительные одна к другой, то это еще не значит отсутствие у объекта других свойств. Дополнительность указывает только на одну из форм, моментов противоречивости свойств объекта. Так, например, известно, что противоречивые свойства микрообъектов проявляются не только в корпускулярно-волновой природе (дуализме волна-частица), но и в парном их существовании, в так называемой зарядовой сопряженности, или же — в соотношении неопределенностей, согласно которому у микрочастиц нельзя с одинаковой точностью одновременно определить их местоположение и импульс (траекторию и скорость). Безусловно, все эти свойства (дополнительность, парность существования, неопределенность, а также другие) глубоко связаны между собой, но это не доказывает, что дополнительность надо рассматривать как ключ к разгадке всех противоречивых свойств объекта, она далеко не раскрывает источник его самодвижения.

Попытаемся для определения степени дизъюнктивности — недизъюнктивности принципа дополнительной сравнить его с законом исключенного третьего, который выступает как закономерное обобщение для ситуации дизъюнктивного выбора из альтернатив.

Итак, если речь идет о выборе из двух альтернатив В и не-В (обозначим не-В через С) по поводу какого-либо объекта рассмотрения А (в качестве А, например, можно взять свет в физике, психическое в психологии), то согласно закону исключенного третьего, если А есть В, следует принять, что В есть не-С, также наоборот, в случае, когда А есть С. Следовательно, $A = B + C$, и эта сумма изначально конечна. В случае же принципа дополнительной имеет место представление $A = B(C) + C(B)$, т. е. А есть такое В, которое дополняется С и, наоборот, А есть такое С, которое дополняется В.

Теперь, если дополнительность сравнить с законом диалектического противоречия, получим: хотя сумма $A = B(C) + C(B)$ и остается конечной (правда, менее конечной, чем в случае закона исключенного третьего), она все же несет в себе элемент недизъюнктивности, ибо не остается только на утверждении «или-или», а перешагивает его в сторону «еще что-то». Причем недизъюнктивность реализуется лишь в одном направлении, в одной форме (узким, конечным, не континуально-генетическим образом). «Еще что-то» раскрывается в том, что как бы допускается нечто третье, которое и делает $B = B(C)$, а $C = C(B)$ соответственно.

Примечания

¹ Брушлинский А. В. О взаимосвязи природного и социального в психическом развитии человека. — В сб.: Проблемы генетической психофизиологии человека. — М., 1978.

² Брушлинский А. В. Проблема развития и психология мышления. — В сб.: Принцип развития в психологии. М., 1978.

³ Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. — М., 1979.

- ⁴ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч., т. 18.
⁵ Букова И. Н. Парадоксы теории множеств и диалектика. — М., 1976.
⁶ Целищев В. В. Природа объектов математики и формальные модели. — В сб.: Методологические проблемы математики. Новосибирск, 1979.
⁷ Аббасов А. Ф. Ленинская концепция диалектического развития и проблема целостности психики. — Изв. АН АзССР. Сер. ист., филос. и права, 1980, № 2.
⁸ Шерозия А. Е. Психоанализ и теория неосознаваемой психологической установки: итоги и перспективы. — В сб.: Бессознательное. Природа, функции, методы исследований. Тбилиси, 1978, т. 1.
⁹ Материалистическая диалектика и концепция дополнительной. — Киев, 1975.
¹⁰ Методологические принципы физики: История и современность. — М., 1975.
¹¹ Принцип дополнительной и материалистическая диалектика. — М., 1976.
¹² Алексеев И. С. Концепция дополнительной; Историко-методологический анализ. — М., 1978.

А. Ф. Аббасов

ПСИХИК БҮТӨВЛҮК ПРОСЕСЛЭРИ ТЭДГИГАТЛАРЫНЫН ДИАЛЕКТИКАСЫ ВЭ МЭНТИГИ

Магалэдэ психиканын специфик (бүтөвлүк) хусусијјәтләриндән, мүасир психоложи ахтарышларда гејри-дизјунктив детерминасија формасындан сөһбәт кедир Психоложијада вэ үмумијјәтлэ чанлы тәбиәтә аид олан елмләрдә гејри-дизјунктив јанашманын јени вэ зәрури ахтарышлар методу кими ролу көстәрилир.

Бундан асылы олараг формал вэ диалектик мәнтинин гаршылыгы анализи верилир, диалектик эидијјәтләр ганунунун психоложи тәдгигатлардакы мүһүм ролуна диггәт јетирилир.

Р. М. БАРХУДАРОВ

ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ В ХИМИИ

Признание объективной детерминированности и обусловленности состояний любого материального образования конкретизируется в ряде категорий, центральными из которых являются категории причины и действия. В них отражается наиболее активная сторона детерминизма. Причина и следствие выражают отношение каузальности.

Причинная связь в различных формах движения материи носит специфический характер, с усложнением материальных образований и, соответственно, форм движения материи, усложняется причинно-следственная связь. В отличие от механических и физических явлений, причинно-следственная связь в химических явлениях носит более глубокий характер. Здесь качественные изменения в конечном итоге связаны с изменением состава вещества.

Ф. Энгельс, развивая законы и категории материалистической диалектики, в очень широком масштабе использовал фактический материал химии, ибо химическая форма движения материи является высшей формой движения в неживой природе и дает очень богатый эмпирический материал для содержательного развития философских категорий и законов.

Каждая конкретная наука (кроме математики, где причинность описывается в основном с помощью математических формул) причинное описание осуществляет с помощью естественного языка и специфических для данной науки понятий. В химии причинное описание осуществляется с помощью понятий химического взаимодействия, химической связи, сродства к электрону, энергии активации, активированного комплекса, пространственно-временного фактора и т. д.

Химическое взаимодействие, как специфическое взаимодействие, лежит в основе процессов образования всех видов химической связи. Оно осуществляется за счет вполне определенных электростатических сил (обменное взаимодействие), ограничено расстоянием 10^{-8} см и пределами понижения полной энергии $10-10^2$ ккал. Различные типы взаимодействия определяют различные формы химической связи: ковалентные, ионные, донорно-акцепторные, водородные и другие, которые, в свою очередь, приводят к тем или иным свойствам химических веществ, к определенной структуре молекул.

Понятие «химическая связь» в XIX веке отражало отношение между атомами в молекуле, но не учитывало природу реального процесса, приводящего к становлению этой связи. Это было связано с состоянием тогдашнего естествознания. Гегель, обвиняя своих современников-естествоиспытателей в том, что они занимаются мертвыми телами, а не процессами, писал: «Наконец, для химиков важнее всего в их отношениях мертвый продукт, получающийся в результате того или другого процесса. В действительности же самое главное это процесс и постепенная последовательность процессов; ход процесса

есть определяющее, и определенности телесных индивидуумов имеют свой смысл только на его различных ступенях» [1, 324].

Дальнейшее развитие химической науки, особенно кинетической теории, появление квантовой теории позволили определить содержание понятия химической связи не только как результат процесса, но и как сам процесс взаимодействия взаимосвязи и развития. Следовательно, это понятие стало диалектическим.

Ядром всякой связи является борьба противоположностей. Молекуле присущи внутренние различные тенденции, противоположности, находящиеся в определенном взаимодействии. В стабильном состоянии молекулы противоположности тождественны, но это временно, относительно и нарушается в процессе химического превращения. Таким образом, противоречие появляется в ходе химических реакций. Разрешение противоречия сопровождается частичным или полным разрушением одних связей, появлением новых связей, новых молекул, с присущими им противоречиями и соответствующими формами взаимодействия противоположностей. Химическая связь объясняется волновыми свойствами электронов, особой корреляцией в их движении и выступает как результат взаимодействия противоположностей.

Понятие «сродство к электрону» отображает глубинную сущность химического процесса как процесса развития. Сродство к электрону — это способность химических веществ вступать в химическое взаимодействие. Раскрытие внутренней закономерности химического процесса с необходимостью требует исследования его тенденций, каждая из которых воплощает различные возможности его дальнейшего хода, соотношение этих тенденций, их борьбы между собой, которая оказывается «борьбой» различных возможностей за свою реализацию. Сродство к электрону является своеобразным выражением внутренней потенциальной возможности химического вещества. Являясь функцией состава, строения и факторов, находящихся вне соединения, сродство к электрону представляет собой своеобразное ядро, где сосредоточены, сконцентрированы и объединены в определенное единство несколько причинных связей, выражающих субстанциональную и динамическую стороны химической организации вещества. Сродство к электрону выступает следствием структурных и кинетических факторов и одновременно является своеобразным интегралом возможностей при определении поведения исходных и конечных продуктов реакции. Сама возможность химических превращений заложена в объективном существовании основного противоречия химической формы движения материи. Даже если имеются налицо все необходимые элементы, нельзя считать, что любое химическое вещество можно получить из любых исходных продуктов и любая химическая реакция возможна.

Возможность той или иной конкретной реакции определяется прежде всего материальным составом химических веществ, природой атомов, составляющих эти вещества, характером объективной связи между ними и условием протекания химической реакции.

В общей форме выяснением возможностей химических процессов занимается химическая термодинамика. Критерием способности вещества вступать в химическое взаимодействие, возможности самопроизвольного протекания реакции в данном направлении является изменение эн-

барно-изотермического потенциала. Если изменение изобарно-изотермического потенциала отрицательно, тогда реакция возможна. В случае положительного значения этого изменения реакция невозможна. А если это изменение равно нулю, то система находится в равновесном состоянии. Второй закон термодинамики устанавливает, что химическая реакция возможна в направлении уменьшения изобарно-изотермического потенциала. Однако во многих случаях, несмотря на отрицательное значение изменения изобарно-изотермического потенциала, реакция не идет. Это противоречие решает химическая кинетика.

Кинетика химических реакций определяет, может ли быть реализован принципиально (термодинамически) возможный процесс. Осушестволяемость реакции зависит от ее скорости, когда кинетическая энергия реагирующих веществ окажется выше и сможет преодолеть при сближении разные энергетические барьеры (сопротивление деформации электронных облаков, электрические поля молекул и др.).

Необходимым условием реакции является столкновение частиц. При этом не всякое столкновение приводит к химической реакции, а лишь те, которые обеспечивают минимальную энергию сталкивающихся частиц. Эта минимальная энергия, необходимая для прохождения реакции, называется энергией активации данной реакции. Энергия активации, играя в кинетике решающую роль, является показателем скорости химической реакции и, следовательно, возможности ее реального осуществления.

Раскрывая смысл химического динамизма как обменного взаимодействия, энергия активации является критерием энергетической возможности той или иной реагирующей системы и направления изменения этой системы.

В связи с энергией активации необходимо рассмотреть явление катализа. Разработка причинной связи в химии приобретает особую актуальность в связи с развитием учения о катализе. Действие катализатора связано с тем, что он, вступая в промежуточное взаимодействие с исходными веществами, направляет процесс на новый реакционный путь. При этом строго соблюдается уменьшение изобарно-изотермического потенциала. В результате действия катализатора уменьшается энергия активации. В случае гомогенного катализа это уменьшение энергии активации связано с образованием промежуточного соединения, а в случае гетерогенного катализа — с поглощением поверхностью катализатора реагирующих частиц.

Таким образом, сродство к электрону или же реакционная способность химических веществ рассматривается в термодинамическом и в кинетическом аспектах. В термодинамическом аспекте возможность химического взаимодействия рассматривается с помощью понятия изобарно-изотермического потенциала абстрактно, в кинетическом аспекте — с помощью понятия энергии активации реально, конкретно.

Химическая кинетика устанавливает, что процесс химического превращения (механизм реакции) состоит из отдельных стадий, связанных между собой определенным образом. Необходимым компонентом (и условием) любой химической реакции является переходное (промежуточное) состояние. В химической реакции есть состояние, в котором нет уже исходных веществ, но нет еще и конечных продуктов, а есть неопределенный, бесформенный, нестабильный, быстротечный

субстрат, который определяется через понятие переходного состояния или активированного комплекса.

Активированный комплекс осуществляет передачу исходного качества в новое. Его нельзя считать промежуточным соединением. Некоторые химики-теоретики считают, что активированный комплекс следует рассматривать как обыкновенную молекулу. С. Глессон пишет, «можно считать, что активированный комплекс обладает, как и нормальная молекула, поступательными и вращательными степенями свободы, и что он остается стабильным при всех нормальных колебаниях, то есть при всех смещениях атомов, за исключением смещения в одном направлении, которое на поверхности потенциальной энергии соответствует движению по пути реакции и ведет к разложению» [2, 504].

Отождествление активированного комплекса с промежуточным соединением, с одной стороны, выгодно. Это позволяет прилагать к активированному комплексу весь аппарат квантовой механики, термодинамики и статистической физики, устраняет нереальные, фантастические представления об активированном комплексе. С другой стороны, такой подход к активированному комплексу неверен в логическом плане, так как явление сводится к тому, чем оно не является по сути дела.

Любая химическая молекула отличается тем, что она всегда энергетически занимает некоторый минимум, который обуславливает ее стабильность. Активированный комплекс же, в отличие от молекулы, энергетически занимает некоторый максимум, обладает энергией активации. Поэтому он энергетически нестабильен, неизбежно минует вершину энергетического барьера. Установлено, что в переходном состоянии нарушаются средние значения длины межатомных связей, искажена и нарушена геометрия атомов и атомных групп. Следовательно, переходное состояние бесформенное. Любая материальная система представляет собой оформленное содержание. И в этом отношении бесформенность, аморфность переходного состояния может быть только в обычном представлении. В период своего существования, меньше миллиардной доли секунды, переходное состояние имеет и свою форму, содержанием которой является энергия активации. «Будучи моментом химического самодвижения, — пишет Ю. А. Жланов, — переходное состояние реализует истинную диалектику химизма: в нем материя напряжена, беспокойна, активна, противоречива» [3, 112].

Понятие переходного состояния в химических процессах обладает всеобщностью, поскольку нет межмолекулярного химического процесса, который не проходил бы через это состояние. В этом понятии необходимо объединены и взаимосвязаны все абстрактные моменты химизма: строение, кинетика, термодинамические свойства, условия протекания процесса и т. д.

Пространственно-временной компонент в причинном описании всех явлений, в том числе и химических, играет существенную роль. «В мире нет ничего, кроме движущейся материи, — писал В. И. Ленин, — и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени» [4, 181].

Во всех химических теориях фигурирует пространственный параметр. Изучение пространственных структур, геометрии молекул,

длины направленности химических связей служит основой познания химических веществ и их превращений. Все атомы, молекулы и электроны, которые являются материальными носителями химической формы движения материи, имеют свои величины, объемы и находятся в определенном месте пространства.

Особенностью химических реакций, состоящих из отдельных звеньев, является их пространственная непрерывность как цепь причинения. В химической реакции нет звеньев, которые оказались бы разделенными конечным промежутком без того, чтобы существовали некоторые другие звенья, охватывающие все точки этого промежутка без каких-либо пропусков. Атомистика Дальтона, стереохимия, кристаллохимия, катализ, одним словом, все разделы химической науки утверждают объективность пространства в химии.

Учение о катализе развивается на основе пространственных представлений. По мультиплетной теории А. А. Баландина предполагается, что существует определенное соответствие между пространственным расположением атомов и связей в реагирующей молекуле и геометрическими параметрами кристаллической решетки катализатора. По теории «атомных ансамблей» Н. И. Кобозева предполагается возможность существования активных центров из атомов, не входящих в кристаллическую решетку и образующих аморфную фазу на поверхности кристалла или инертного носителя. В некоторых других теориях катализа предполагается, что при действии катализатора на неровностях его поверхности происходит геометрическое нарушение пространственной структуры реагирующих молекул, что облегчает разрыв молекулы и дальнейшее протекание реакции.

Молекула характеризуется конституцией (число и способ соединения атомов в молекуле), конфигурацией (взаимодействие структурных частей молекулы, которые непосредственно не связаны в молекуле), которые выражают пространственный параметр в химии. Скорость химической реакции существенно зависит от пространственного параметра, эта зависимость выражается через понятие «стерическое пространственное затруднение».

В отличие от пространственного параметра, который разрабатывается с самого начала формирования химии как науки, временной параметр в химические теории включается лишь с появлением кинетических теорий, вызванных потребностью раскрыть химический процесс как процесс изменения. До появления кинетических теорий преимущественно разрабатывалась химическая статика, потому что в это время основным объектом изучения были компоненты взаимодействия в их статике, а не механизм самой реакции.

Современное естествознание доказывает, что передача по цепям причинения материи и движения всегда совершается с конечной скоростью, не превышающей скорости света в вакууме. Статическая характеристика (объективность, всеобщность, необходимость, пространственная и временная непрерывность) причинности необходимо дополняется динамической характеристикой, отражающей внутренний механизм перехода от одного звена к другому. В этом отношении механизм реакции рассматривается в определенной мере как выражение механизма причинения в плане динамики самой реакции, перехода ее от одного звена к другому с учетом ее термодинамических закономерностей. Каждое звено химической реакции не только качест-

венно отличается от предыдущего, но и вытекает из него, отличается по длительности. Такая последовательность в развитии химических процессов, определенная длительность разных звеньев развития означает, что химический процесс существует во времени. В химических превращениях отдельные звенья, этапы, стадии следуют друг за другом в строго установленной временной последовательности. Таким образом, общая тенденция химических превращений имеет строго определенную направленность.

Второй закон термодинамики дает возможность, исходя из данного состояния химических веществ, предсказать их будущее состояние. Но при этом исключается время, необходимое для химических превращений. Химическая кинетика утвердила единицу времени как меру количества химического изменения. Эта единица времени позволяет раскрыть временной генетический параметр химического процесса.

Скорость химической реакции характеризуется изменением концентрации исходных веществ в единицу времени. Концентрация — это количество (число молекул) в единице объема (пространственный параметр) реагирующих веществ. Таким образом, скорость химических реакций выражается через пространственный (концентрация) и временной (единица времени) параметры. Это положение выражает единство пространства и времени в химии. Единство пространства и времени в химии обнаруживается через явление влияния структуры реагирующих веществ и их расположения в пространстве на скорость химической реакции.

С помощью понятий химического взаимодействия, химической связи, сродства к электрону, активизированного комплекса, энергии активации и пространственно-временного параметра в статье была сделана попытка причинно описать химический процесс. Эти понятия составляют основные моменты, но не весь понятийный аппарат причинности химических теорий.

Примечания

- ¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. Философия природы. — М.: Мысль, 1973, т. 2.
- ² Глестон С. Теоретическая химия. — М, 1950.
- ³ Жданов Ю. А. Узловое понятие современной химии. — Вопросы философии, 1977, № 1.
- ⁴ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч., т. 18.

Р. М. Бэрхударов

КИМЈАДА СЭБЭБИЈАТ ЭЛАГЭСИ

Мәгаләдә сәбәбијәт әлагәсинин материјанын кимјәви һәрәкәт формасында өзүнү көстәрмәси мәсәләси нәзәрдән кечирилир. Кимјәви һәрәкәт формасында сәбәбијәт әлагәси кимјәви гаршылыгы тә'сир, кимјәви рабитә, электрон гоһумлугу, актив комплекс, заман вә мөкан параметри вә с. аңлајышларын көмәји илә өјрәнилир. Кимјәви реаксия нәтижәсиндә кимјәви бирләшмә әмәлә кәлир, бунун исә башлыча сәбәби кимјәви гаршылыгы тә'сирдә олан маддәләр арасында кимјәви рабитәнин јаранмасыдыр.

Г. Н. АЛИЕВА

К ВОПРОСУ О СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЭСТЕТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Для эстетики как философской науки, формирующей методологические принципы художественного отображения действительности, концептуальную основу таких важнейших отраслей научного познания, как искусствоведение, музыковедение, литературоведение и других родственных им дисциплин, имеет существенное значение содержательное развитие собственных категорий и определение системы их связей, раскрывающей структуру внутреннего единства эстетического знания.

В философской литературе известен целый ряд подходов к систематизации эстетических категорий. Это обусловлено различными объективными и субъективными факторами, определяющими особенности, отличия оснований, на базе которых исследователи строят ту или иную иерархическую связь между эстетическими категориями.

Изучение категорий эстетики развивается в двух направлениях: одни исследователи сводят до минимума количество эстетических категорий, другие — пытаются обогатить эстетику путем предложения новых категорий, объявляя порой все многообразие эстетических отношений, едва ли не все термины или понятия, те или иные качественные характеристики категориями.

Категории не должны быть самоцелью, не должны изобретаться и открываться, они должны быть логическими элементами познания бытия. «Категории надо вывести (а не произвольно или механически взять) (не «рассказывая», не «уверяя», а доказывая) [1, 86].

Существующие попытки выделить одну из категорий эстетики как фундаментальную (например, категорию прекрасного) [2], а остальные рассматривать как ее производные и модификации, вряд ли могут считаться оправданными. Для того, чтобы в эстетических категориях обнаружить некие инвариантные черты и взять их за основу категориальной системы эстетики, ее структуры, недостаточен тот теоретический уровень, на котором находится эта наука сейчас. Как справедливо замечает в этой связи М. С. Каган, эстетика «крайне далека еще до того, чтобы построить своего рода «таблицу Менделеева» для эстетических элементов» [3, 15].

В наиболее систематических изложениях марксистско-ленинской эстетики основными категориями считаются три пары: «прекрасное и безобразное», «возвышенное и низменное», «трагическое и комическое», которые рассматриваются как однопорядковые. Однако, по справедливому мнению проф. В. К. Скатерщикова, исследователями не учтены следующие обстоятельства: категории прекрасного и лишь некоторые виды возвышенного имеют природные основы, диалектика объективного и субъективного обуславливает оценочный характер категорий, остальные же категории не имеют природных основ и

оценочный их характер отчетлив в социальном плане так же, как социально их объективное содержание [4, 55—56].

Более обоснованными представляются существующие в эстетике тенденции систематизировать категории на общепhilosophических или общеметодологических основах, которые содержательно, непосредственно не связаны с самими категориями. В этом плане можно отметить попытки Н. И. Крюковского создать систему категорий эстетики, исходя из диалектики общего и особенного. Под этим углом зрения автор пытается выявить логическую связь и взаимозависимость эстетических категорий, определить их упорядоченную структуру, отношения к более универсальным категориям материалистической диалектики [5].

Такой подход, несомненно, следует считать плодотворным, поскольку он позволяет избежать простого эмпирического анализа и осмысления эстетических категорий, всесторонне раскрывает их философскую сущность и основания. Вместе с тем, на наш взгляд, предложенную Н. И. Крюковским классификацию по такому систематизирующему основанию, как объективность и субъективность эстетических категорий, нельзя принять без существенных оговорок. Во-первых, необходимо отметить, что после осуществленного автором разделения категорий на две основные группы (объективные и субъективные) становится ясным значительная условность проведенной между ними грани, поскольку обе группы категорий рассматриваются им как своеобразные системы объективно-субъективных отношений; во-вторых, совершенно ясно, что объективно-субъективные отношения не могут расцениваться как специфические для эстетического познания действительности.

Иную основу для систематизации эстетических категорий предлагает В. П. Шестаков. Согласно мнению этого автора, «гармония может быть использована в качестве центрального методологического понятия, на основе которого может быть построена система эстетических категорий [6].

В. П. Шестаков берет за основу эстетической оценки диалектико-материалистическую категорию меры, которая, являясь качественно-количественной определенностью эстетического объекта, фиксирует существеннейший момент его внутреннего равновесия, причем, что очень важно, фиксирует в динамике, в развитии.

Исходя из этого, автор выдвигает понятие «совершенство», в основе которого лежит категория меры, и посредством его создает гармонию со всеми другими эстетическими категориями (например: «Прекрасное — как реализованное совершенство», «возвышенное — как потенциальная возможность совершенства» и т. д.).

Несмотря на то, что понятие «совершенство» не получило у автора ясного логического объяснения и по сравнению с категорией меры остается расплывчатым, тем не менее, в целом, в этом подходе содержится ценная, на наш взгляд, мысль — мы имеем в виду идею систематизации эстетических категорий на основе фундаментальной категории материалистической диалектики — категории меры [6, 13—35].

Художественное отображение любого объекта возможно благодаря диалектическому взаимодействию представлений субъекта о «совершенстве» и объективных свойств оцениваемого явления. Без

приложения человеческой меры к реальной действительности не могут соответствовать ей (прекрасное), или сковывание, стеснение, унижение формироваться эстетическая оценка предметов и явлений; иначе ее (отвратительное)»; далее, «предметная действительность может но в силу того, что «человек умеет производить по мерам любого вида, или превышать меру человеческого рода, выражать нечто чрезмерное да и всюду он умеет привлечь к предмету соответствующую меру» (великое), или находиться в уменьшенном состоянии по отношению к человеческой мере (мизерное), человек формирует, по словам К. Маркса, материю по законам красоты, или в количественно однопорядковом отношении к мере человеческого рода (обыкновенное)... Наконец, явления эстетической сферы могут находиться в таком отношении к мере человеческого рода, которое делает его трагическим или комическим» [9, 33, 35].

Однако явления окружающей действительности не выступают пассивными и произвольно выбранными объектами эстетических оценок. Они активно «участвуют» в формировании эстетического отношения к себе, то сковывая эстетическую оценку, то усиливая ее.

Реальная действительность всегда соотносится в эстетике с той мерой, которой человек оценивает масштаб наблюдаемых явлений, т.е. что простая комбинация — этих восьми качеств механически выраженность тех или иных качеств в окружающих предметах, порождает все возможные эстетические категории (и плюс еще множество есть, в конечном счете, мерой этих объектов. И из сравнения этих непереносимых сочетаний), количество которых он ограничивает во- мер формируются, на наш взгляд, те эстетические оценки, которые семнадцатью комбинациями; в результате мы получаем так называ- положены в основу категорий эстетики. емую «систему эстетических модусов».

Одна из интересных попыток раскрытия сущности эстетического Следует признать, что автор предпринял чрезвычайно интересную через отношения, существующие между мерой человека и окружающую попытку создать оригинальную систему эстетических категорий, и то, щей предметной средой, принадлежит А. С. Молчанову. Исходя из того, что он при этом исходит из марксистской категории меры, является, марксистского положения о том, что деятельность общественного человека наш взгляд, основным достоинством исследования. В то же время человека, в которой обнаруживается его высшее единство со всей окружающей действительностью, оказывается одновременно и такой творческой некоторые выдвигаемые автором положения создают впечатления их тальной действительностью, оказывается одновременно и такой творческой недоработанности, недостаточной ясности. Например, после обсуж- ческой деятельностью, в которой с необходимостью действуют объек- дения трех «эстетически значимых отношений к мере человеческого тивно данные человеку законы красоты, А. С. Молчанов пишет: «рода» автор вдруг неожиданно, без анализа его отношения к мере «...Прекрасное — это не то, что соответствует сознанию человека, его человеческого рода вводит (уже вне перечисленных трех типов) но- представлению о прекрасном. Прекрасно само реальное соответствие зную категорию «утвержденного», тем самым разрывая связь между меры предметов действительности реальной объективной мере чело- первым и третьим отношениями. Далее, не очень ясны основания, по века, его антропологической и социальной природе... Прекрасно лю- которым автор выделяет трагическое и комическое. Если исходить из бое творение человека, в котором вскрываются и высшие возмож- лов автора, что «трагическое есть в первую очередь утрата индиви- сти природного материала, его мера, и со всей полнотой выявляются дуального бытия» [11], то духовные трагедии, при которых сохране- потенции человека-творца и человеческое назначение вещи» [8, 131]. не индивидуального бытия придает явлению особую трагичность, оказываются вовсе не трагичными.

Хотя А. С. Молчанова упрекали в игнорировании функциональ- Далеко от четкости также и раскрытие содержания категории ной природы эстетического, тем не менее такой подход должен быть, комического, которое определяется автором как «отклонение от сущ- на наш взгляд, расценен как чрезвычайно плодотворный для соответ- ствующей систематизации эстетических категорий. В этой связи не- достаточных характеристик меры рода»; трудно принять, что всякое по- необходимо отметить исследования Л. А. Зеленова, в которых осуществ- добное отклонение может быть воспринято как комическое.

В основу выдвигаемой им системы эстетических категорий Разумеется, в наши намерения не входит подробный анализ ре- ультатов исследования Л. А. Зеленова. Но можно отметить, что, в Л. А. Зеленов кладет тезис о том, что с появлением человека в целом, это обстоятельная (и, безусловно, интересная) работа, в ко- которой дана систематизация под тем углом зрения, который мы счи- реальный мир берется в отношении к мере человеческого рода, и имен- таем наиболее приемлемым — то есть под углом зрения «диалектики но с появлением человека, познающего меру естественных видов, отно- мер». Мы хотели на его примере показать, с одной стороны, плодот- шение индивида к виду становится эстетическим и конкретизируется творность защищаемого автором подхода, а с другой, — необходи- как прекрасное или отвратительное (сообразно отношению к мере го- вность дальнейших исследований в этом направлении.

Автор, однако, полагает, что предметы природы также в ходе исторического развития человек прежде всего выделял в расцениваются (в эстетическом смысле) и в их соотношении с опреде- окружающем мире явления, которые так или иначе были связаны с ленными нормативными образцами, которые представляют (выража- этого трудовой деятельностью. В результате практического освоения ют) видовую меру этих предметов: те из них, в которых мера видна, окружающей действительности он определил для себя мир наиболее находит совершенное выражение, воспринимаются как эстетически вероятных событий, привычных форм и предметов. Дальнейшее ис- прекрасные, тогда как отвратительны те продукты, в которых мера творческое развитие, в ходе которого происходила эволюция трудовой вида не нашла полноценного выражения. Исходя из этих положений, деятельности человека, развертывание его преобразующей активно- Л. А. Зеленов выделяет три эстетически значимых отношения явле- ти привело к расширению границ человеческого восприятия. Человек ний к мере человеческого рода. Во-первых, «явления могут выражать или развертывание свободной универсальной творческой способности стал выходить за сферу привычного, мир, который он познавал не

укладывался в обычную для него меру. И это, на наш взгляд, отразилось в эстетической оценке явлений действительности, в формировании эстетических категорий.

Именно поэтому мы считаем наиболее приемлемым систематизацию категорий в основе которых лежит понятие «обычного», «привычного», «обыденного» (сейчас мы не предлагаем терминологию) [12], как отражающее и выражающее наиболее вероятную меру различных явлений мира (в том числе, и человеческого). Превышение или занижение меры и лежит в основе таких пар категорий, как «прекрасное и безобразное», «возвышенное и низменное», «трагическое и комическое» и др., которые являются, на наш взгляд, теми полюсами, к которым может стремиться повышающаяся или убывающая мера «обычного».

Основные эстетические свойства действительности и находящиеся в соответствии с ними эстетические категории обусловлены, таким образом, исторической практикой людей, и в связи с этим исторически изменчивы.

Исходя из этих соображений, мы считаем, что подходить к систематизации категорий эстетики можно прежде всего конкретно-исторически, поскольку, любая категория, составляющая основу такой систематизации, содержательно меняется.

Представляется, что исторический подход к систематизации эстетических категорий позволяет выявить социальную обусловленность эстетических категорий, рассматривать их в единстве с общественно-историческим развитием человечества.

Примечания

- ¹ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики». — Полн. собр. соч., т. 29.
- ² Поспелов С. Т. Эстетическое и художественное. — М., 1965.
- ³ Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. — Л., 1971.
- ⁴ Скатерщиков В. К. К разработке проблемы эстетических категорий. — Философские науки, 1974, № 3.
- ⁵ См.: Крюковский Н. И. Основные эстетические категории: Опыт систематизации. — Минск, 1974.
- ⁶ Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. — М., 1965.
- ⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М., 1956.
- ⁸ Молчанов А. С. К вопросу об эстетическом объекте. — Уч. зап. Томского гос. ун-та, 1963, № 47.
- ⁹ Зеленов Л. А. Процесс эстетического отражения. — М., 1969.
- ¹⁰ К приведенным качествам автор добавляет еще одно — «утвержденное», относящееся к явлениям, которые эстетичны, но в то же время не трагичны и не комичны.
- ¹¹ Кроме того, совершенно не понятно, что имеет в виду автор, когда после приведенной дефиниции трагического вдруг добавляет, что «...отрицание индивидуального бытия может быть полным (уничтожение) или частичным». Не ясно, что может означать частичное уничтожение.
- ¹² Л. А. Зеленов предлагает термин «обыкновенное» (Методологические проблемы эстетики: Учебное пособие по курсу марксистско-ленинской эстетики. — Горький, 1971, с. 64).

Г. Н. Әлијева

ЕСТЕТИК КАТЕГОРИЈАЛАРЫН СИСТЕМЛӘШДИРИЛМӘСИНӘ ДАИР

Мәғаләдә естетиканын ән мүнм мәсәләләриндән бири олан категорија апаратынын системләшмәсинин тәдгигинә чәһд көстәрилмишдир. Естетик категоријалары даһа үмүми олан диалектик материализм категоријалары илә мүнәсибәти мәгсәдәүјүн һесаб едилир (хүсусилә «Өлчү» категоријасы) естетик мүнәсибәт, естетик һиссләр нәзәрә алынмағла. Дедикләримизә әсасланарағ «адилик» аңлајышы әсасында категоријаларын системләшдирилмәси тәклиф олунур.

М. М. СӘТТАРОВ, З. С. ӘЗИЗОВА

1920—30-ЧУ ИЛЛӘРДӘ АЗӘРБАЈЧАН СОВЕТ АТЕИСТЛӘРИ ГӘРӘФИНДӘН ИСЛАМЫН СҮННИ ВӘ ШИӘ МӘСЛӘКЛӘРИНИН ТӘНГИДИ

М. С. Ордубади доғру көстәрмишдир ки, дүнја динләри ичәрисиндә һамысындан сонра кәлмиш исламијјәтин бид'әт вә мөвһуматы, һәтта дәрәчәдә чоҳдур» [1]. Мејдана кәлдији вахтдан бир аз сонра исламда сүнни вә шиә мәсләкләри јаранды вә бу мәсләкләр арасында зиддијәт кетдикчә артарак дәрин дини әдавәтә чеврилди. Ингилабдан әввәл Азәрбајчан әһалисинин дини һәјаты үчүн дә бу һал сәчијјәви иди. Азәрбајчанлы диндарларын бир һиссәси сүнни, бир һиссәси исә шиә мәсләкинә мәнсуб идиләр. Әһали арасында сүнни-шиә ајрылығы бөјүјүб о дәрәчәдә чатмышды ки, артыг XVIII—XIX әсрләрдә вә һәтта Совет һакимијјәтинин илк илләриндә Азәрбајчанда бу мәсләкләрин һәр биринин өз дини идарәси, мәсчид вә моллаханасы, хүсуси мөһкәмәси вә с. вар иди. Сүнни вә шиә икитирәлији онлара мәнсуб олан адамлар арасында шәхси вә ичтимаи мүнәсибәтләрин јаранмасы јолунда чоҳ чидди манеәләр төрәдирди. Һәтта тарихи фактларын көстәрдији кими, сүнниләрлә шиәләр арасында тез-тез ганлы тоғушмалар да олурду. Јерли ханлар, бәјләр вә дин хадимләри бу зиддијәт вә нифагын гаршысыны алмаға нәинки марағ көстәрмир, әксинә онун даһа да дәринләшмәсинә төрәфдар чыхырдылар. Чүнки бу дини зиддијәт дини фанатизми артырмағла зәһмәткешләрин синфи шүурунун ојанмасына, онларын зүлм вә әсарәтә гаршы биркә чыхыш етмәләринә мәнфи тәсир көстәрирди. Сүнни-шиә әдавәтинин дәһшәтли тәзаһүрләринин гаршысыны алмаға чар һаким даирәләри дә һеч бир марағ көстәрмирдиләр. Бунун башлыча сәбәби о иди ки, сүнни вә шиә дини бөлкүсү халгы ики јерә парчаламағла објектив оларак халғ үзәриндә һөкмранлығ етмәји гат-гат асанлашдырар вә ону мөһкәмләдирди.

Азәрбајчанда Совет һакимијјәтинин илк илләриндә дә сүнни-шиә тәәсүбкешлијинин тәзаһүрләри хејли дәрәчәдә гүввәтли иди. Бу исә азәрбајчанлы зәһмәткешләрин сијаси-мә'нәви һәмрә'јлијинин гүввәтләндирилмәсинә, онларын сә'ј вә бачарығларындан јени чәмијјәт гуручулуғу ишләри үчүн истифадә едилмәсинә чидди манеәләр јарадырды. Бунлары нәзәрә аларағ Совет һакимијјәтинин илк илләриндән е'тибарән илк совет атеистләри дини мөвһумат әлејһинә мүбаризә апараркән сүнни-шиә тәәсүбкешлијинин зәрәрли тәзаһүрләринин ифшасына вә елми тәнғидинә хүсуси диғгәт вермәли олдулар.

Гејд етмәк ләзимдир ки, һәлә ингилабдан әввәлки дөврләрдә Азәрбајчанын габагчыл мүтәфәккирләри, шаир вә јазычылары— М. Ф. Ахундов, Ч. Мәммәдгулузадә, М. Ә. Сабир вә башгаларынын әсәрләриндә, шә'р вә фелјетонларында сүнни-шиә тәәсүбкешлијинин кәскин тәнғиди көсверилмиш, онун Азәрбајчан халгына вурдуғу зәрәрләр мөһарәтлә көсвәрилмишди. Азәрбајчан совет атеистләри бу зәнкин нәзәри ирсә истинад

едерэк сүнни-шиә мәсләкләринин елми тәнгидини даһа да дәринләшдирдиләр.

Һәлә ингилабдан әввәл сүннилик вә шиәлик дини бөлкүсүнүн зәһмәткеш халг үчүн зәрәрли нәтичәләрини бөјүк усталыгла ачыб көстәрән Чәлил Мәммәдгулузадә ингилабдан сонра јаздығы бир сыра әсәрләриндә дә (фелјотон вә мәгаләләриндә) шиә-сүнни тәәсүбкешлијинин зәһмәт адамынын башына кәтирдји мүсибәт вә һәғарәтләрин чанлы тәсвирини верир, империалист даирәләрин бу дини ајрылыгдан истифадә едәрәк Шәрг халгларыны гызышдырыб бир-биринин үстүнә галдыран мүстәмләкәчи сijasәтини ифша едирди.

Сүнни-шиә тәәсүбкешлијинин елми тәнгидинә М. С. Ордубадинин дин әлејһинә јаздығы бир сыра әсәрләриндә дә хүсуси јер верилмишдир. О, мөһәррәмлик бүсатынын тарихи көкләринин елми изаһыны верәркән шиәлијин маһијјәти, онун нечә јаранмасы вә Азәрбајчана јайылмасы кими мәсәләләрә тохунмушдур. М. С. Ордубади «Мөһәррәмлик адәтләри әлејһинә» (1930) вә «Мөһәррәмлик мөвһуматы вә онун синфи маһијјәти» (1931) адлы китабчаларында шиәлијин әмәлә кәлмәси вә онун маһијјәтинин елми шәрһи үзәриндә хүсуси дајанмышдыр. О көстәрир ки, шиәлик исламын јаранмасындан бир гәдәр сонра, даһа доғрусу Мөһәммәдин өлүмүндән сонра өзүнү ашкар етсә дә «затән шиәлијин вүчүдә кәлмәсинә баис олачаг амилләр Эрәбистанын өзүндә һәтта исламијјәт зүһура кәлмәздән әввәл дә вар иди. Исламијјәт зүһура кәлмәздән әввәл Эрәбистанын ағалығыны әлдә етмәк үчүн Мөһәммәдин бабалары арасында мүбаризә кедирди. Узун әсрләр давам етмиш бу мүбаризә нәтичәсиндә каһ һашимиләр, каһ да әмәвиләр галиб кәлирди». Мүәллиф фикринә давам едәрәк гејд едир ки, Мөһәммәдин өлүмүндән сонра хилафәт үстүндә әмәвиләрлә һашимиләр арасында ихтилаф вә мүбаризә даһа да кәскинләшир. Хәлифә сечкисиндә әмәвиләр нәслиндән олан Әбубәкр галиб кәлиб хилафәтин башчысы олур. «Бу һадисә исламијјәтдә тәфригәнин биринчи әсасыны гојду, наразылар групу аралыға чыхды. Һашимиләр бу групун башында дурдулар» [2]. Мүәллиф көстәрир ки, наразылар бир сыра јени шүарлар, идејалар ирәли сүрдүләр, бунунла да исламда јени бир мәсләкин—шиәлијин башланғычы гојулду. М. С. Ордубади наразыларын (шиәләрин) ирәли сүрдүкләри идиаларын мәзмуну барәдә јазырды: «Наразылар һашимиләрин һүгүг вә ризасы харичиндә сечилән һәр бир хәлифәни ганундан кәнәр һесаб едирдиләр. Һашимиләрин идарәси алтында тәшкил олунмуш бу фиргә исламијјәтдәки чумһуријјәт гануну әлејһинә чыхдылар. Онлар исламијјәтин мүтләғијјәт вә вәрасәт үсулилә идарә олунмасы вә идарәнин дә башында нәслән—бәнәсл һашимиләрин дурмасыны тәләб едирдиләр» [3].

М. С. Ордубади шиәлијин тәшәккүл тарихини нәзәрдән кечирәрәк көстәрир ки, шиәлијин ортодоксал ислам тәрәфиндән амансыз тәғиб едилмәсинә бахмајараг әмәвиләр әлејһинә хилафәт үстүндә мүбаризә апаран гүввәләр өз мәгсәдләри наминә шиәлији кениш јаја билдиләр, һәтта исламын јайылдығы бәзи јерләрдә шиәлик үстүн мөвгедә дурду. Артыг Шаһ Исмајыл дөврүндә шиәлик Иранда рәсми дөвләт дини едилди. М. С. Ордубади белә бир һала хүсуси диггәт јетирмишдир ки, исламын ики дини мәсләкә—сүннилик вә шиәлијә парчаланмасы вә онлар арасында зиддијјәтин кәскинләшмәси һәр заман сijasи мәгсәдлә бағлы олмушдур. О көстәрирди ки, Иранла Османлы дөвләтләри арасында апарылан ишғалчы муһарибәләрдә милитарист дөвләт башчылары

өз нијјәтләрини дини мәсләк пәрдәси алтында кизләдирләр. Түрк солтанлары сүннилик, Иран шаһлары исә шиәлик шүарларындан истифадә едәрәк ганла вурушмалар төрәдирдиләр» [4].

Азәрбајчан совет атеистләри тәрәфиндән шиәлијин мөһдичилик, имамәтчилик әгидәләринин дә тәнгиди верилмишдир. Гејд етмәк лазымдыр чәдә фәргләнир. Сүнниләр үчүн иман диндарлар тәрәфиндән сечилән дини вә дүнјави башчыдыр. Шиәләрин тәсәввүрүндә исә имам сечилмир, Әли вә былаваситә онун нәслиндән олан әсл 12 имам вардыр. Шиә руһаниләринин ујдурмасына көрә ахырынчы 12-чи имам «Мөһди» гејб олмуш «Саһиб әз-Замандыр». Дүнјада зүлм һәддини ашдыгда вә инсанлар тамам һагг јолундан чыхдыгда Мөһди зүһур едиб һәр шеји саһмана салачаг, чамааты һагга дәвәт едәчәкдир. Ону да гејд едәк ки, шиәлијин мөһдичилик вә имамәтчилик әгидәләри һәлә XIX әсрин көркәмли азәрбајчан мүтәфәккирләри, хүсусилә М. Ф. Ахундов тәрәфиндән кәскин тәнгид едилмишдир. Бунунла белә һәммин әгидәләрин тәнгиди сонракы дөврләрдә дә зәрури олмушдур. Чүнки шиәлијин јайылдығы јерләрдә гејб олмуш 12-чи имамын бир нечә дәфә зүһур етмәси һадисәси баш вермишдир. 1930-чу илдә Азәрбајчанын Шамхор рајонунун Битдили кәндиндә дә 12-чи имамын зүһуру һаггында кениш шајиәләр јайылмыш вә имамы көрмәк мәгсәдилә әтраф рајонлардан ораја минләрлә диндарлар ахышыб кәлмишди. Мөһз бунунла әлагәдар олараг шиәлијин имам әфсанәсинин һәгиги маһијјәтини ашкара чыхармаг вә ону сырави диндарлар баша салмағын әһәмијјәти олдугча бөјүк иди.

Азәрбајчан совет атеистләри имамын зүһуру барәдә күтләләр арасында кениш јайылан шајиәләрин гаршысыны алмагда, адамларын диндарлығыны сүн'и сурәтдә гызышдырараг ондан антисовет мәгсәдләри үчүн истифадә етмәјә чанфәшанлыг көстәрән гара гүввәләри ифша етмәкдә партијаја јахындан көмәк көстәрдиләр. Азәрбајчан совет атеистләри истәр күтләләр гаршысында, истәрсә дә мәтбуатдакы чыхышларында 12-чи имам әфсанәсинин пучлуғуну сүбут едир, шиәләрин диндарлығыны даһа да гүввәтләндирмәкдә шиә руһаниләринин бу әфсанәдән бир васитә кими истифадә етдикләрини көстәрирдиләр.

В. Хулуфлу јазырды ки, «Шиә руһаниләри имам наминдән һәмишә әмәкчи әһалини горху алтында сахлар. Хүсусән ахырынчы имамын «гејбә чәкилмәси» вә «Саһиб әз-Заман» ады илә јашамасы әмәкчи халг үчүн даима бир горху тәшкил етмәкдәдир» [5]. Бу көркәмли алим-атеист елми дәлилләрлә бу фикри диндарлар чатдырырды ки, имамын гејбә чәкилмәси вә Саһиб әз-Заман олараг јашамасы тамамилә бош бир әфсанәдир, һәм дә бүтүн дини әфсанәләр кими бу әфсанә дә истисмарчы синифләрин мәнәфејини мүдафиә едир. Имам әфсанәсинин зәһмәткеш үчүн зәрәрли олдуғуну көстәрәрәк В. Хулуфлу јазырды: «Имам әфсанәси зәһмәткешләрин башыны кичәлдән, зәһнини гарышдыран, дүшүнчәсини коршалдан—тирјәкдән ибарәтдир. Пролетариат вә колхозчулар бу тирјәк зәһәриндән өзүнү сахламалы вә ону мөһв етмәлидир» [6].

Тарихи фактлардан бәлли олдуғу кими, Битдили имам һадисәси дини характердән даһа чох антисовет характери дашымышдыр. Имам әһвалатыны төрәдәнләр чивилли һүсејн вә молла Мәчид кими авантюристләр олмушлар. Онлар Шамхор гәзасынын диндарлығын мөһкәм көк атдығы Битдили кәндиндә мә'лум олмајан бир гәбрин үстүндә бина тикдириб «имамәт» јарадырлар. Чивилли һүсејн өзүнү он икинчи имам чилдинә салыр, онунла әлбир оланлар «он икинчи имамын зүһур етди-

јини» етраф кәндләрә јајырлар. Битдили имамыны ујдуранлар белә ша-
јиләр јајырдылар ки, имам коммунист, комсомолчу, пионер вә колхоз-
чу олмајанлардан башга јердә галан бүтүн корларын көзүнү ачыр,
әл-ајагдан, дилдән шикәст оланлары сағалдыр, илләрлә јатан хәстәлә-
рә шәфа верир, күнаһ етмишләрин күнаһларыны бағышлајыр вә с. Бу
хәбәри ешидән фанатик диндарлар етраф кәндләрдән, рајонлардан
ахышыб бурја кәлирләр. Белә фүрсәтдән истифадә едән әксингилабчы
төр-төкүнтүләр, голчомаг вә мүртәчә руһани үнсүрләр кәләнләр ара-
сында антисовет тәблиғаты апарырдылар. «Зүһур едән имам» кәндлилә-
ри колхозлары, мәктәбләр дағытмаға, коммунист вә комсомолчула-
ры мәһв етмәјә, чадраны атмыш гадынлара диван тутмаға чағырырды.
Лакин тезликлә «имамын» маһијјәти ашкар олду, «имам» пәрдәси ал-
тында дүзәлдилән бу сијаси фырылдағын үстү ачылды.

М. С. Ордубади 1930-чу илдә Битдили имам һадисәсинин өлкәмиз
дахилиндә баш вермәсини дахили вә харици дүшмәнләримизин антисо-
вет фәалијјәтинин конкрет бир тәзәһүрү һесаб едирди [6]. О, сосналист
тәсәррүфатынын инкишафыны ләнкитмәк, партија вә дәвләтин ирәли
сүрдүју вәзифәләрин јеринә јетирилмәси ишини позмаг мәгсәдилә дүш-
мәнләримиз тәрәфиндән тәрәдилән Битдили имамынын әсл маһијјәтини
ифша едәрәк јазырды: «...јаз әкини кампанијасыны башладығымыз вә
кәндлиләримиз бир дәгигә дә олса азад вахты галмадығы бир заманда
дүшмәнләримиз бизим гаршымыза һансы бир силаһла чыхдылар?!
Имам, ағламаг, синә вурмаг вә баш јармаг силаһларилә! Бу кими бир
авантүранын нәтичәсиндә әкин вә тәсәррүфатыны бурахмыш бир чох
авам кәндлиләр Шамхорун Битдили адлы кәндиңә топлашдылар. Аван-
түристләрин тәһрикилә дәстәләр дүзүб синә, зәнчир вурдулар, башлары-
ны јардылар, «дүнјанын ахырыдыр»—дејә даш јығынлары дүзәлдиб өз-
ләринә ахирәт еви тикдиләр, нәһајәт тәсәррүфатларындан галдылар...»
Бәс мәнфәәти ким апарды? суалыны гојан мүәллиф изаһ едирди ки»,
кәндлинин јүзләрлә гојунлары гурбан кәсилди. Параларыны да имам
маскасында зүһур едән лотулар алыб кетди» [7].

Битдили имам һадисәсинин вурдуғу зәрәри етрафлы шәрһ едән
М. С. Ордубади һәммин һадисәнин һәгиги маһијјәтинин тезликлә ифша
едилмәсинин адамларда имам әфсанәсинә инамы чидди сурәтдә сар-
сытдығыны да көстәрирди. Бу мүнәсибәтлә о јазмышдыр: «Бу һадисә-
нин (12-чи имамын зүһурунун—(курсив мүәллифләрдир) бизә бир чох
зәрәрләр вурдуғуна бахмајараг мүһүм бир мәнфәәти дә олду. Индијә
гәдәр имам вә ағламаг, пир кими мөвһум шәјләрә инанан бир чох авам-
ларымыз синфи дүшмәнләримизин фырылдағыны өzlәри тәчрүбәдә көр-
дүләр вә индијә гәдәр белә һијләләрә инандыгларына тәәсүфләр ет-
мәјә башладылар» [8].

Имам әфсанәсинә етигадын маһијјәти вә онун «Битдили имамы»
шәклиндә конкрет тәзәһүрүнүн төрәтдији зәрәр бир гәдәр сонра, даһа
доғрусу 1932-чи илдә көркәмли алим-атеист В. Хулуфлу тәрәфиндән дә
гәләмә алынмышдыр. В. Хулуфлу М. С. Ордубадинин фикирләри илә
сәсләшән белә бир мүнәкимә јүрүтмүшдүр ки, имамын гејбә чәкилмәси
вә «Саһиб әз-Заман олараг јашамасы мүәјјән синфин, феодал синфи-
нин мәнәфејини мүдафиә едән әфсанәдир», бу һадисәни 1930-чу илдә
төрәдәнләр јени һәјата мане олмаг вә көһнә гајдалары бәрпа етмәк ис-
тәјәнләрдир. Буна көрә дә һәр бир белә чүрүк әфсанә илә мүбаризә
апармаг соснализм гурулушуну мөһкәмләтмәк үчүн лазым кәлән шәрт-
ләрдәндир [9].

Азәрбајчан совет атеистләри шиәлијин узун әсрлик тарихиндә 12-
чи имамын бир нечә дәфә, сон әсрдә исә азы 3—4 дәфә зүһур етдији
фикрини хатырладаг билдирирдиләр ки, шиәлијин јајылдығы Шәрг өл-
кәлериндә империалист даирәләрин көмәји илә јерли истисмарчы
синифләр вә мүртәчә руһаниләр тәрәфиндән имамын зүһуру барәдә јени
фитнәләр төрәдилә биләр [10].

Јерн кәлмишкән гејд едәк ки, 1930-чу илдә Шамхорда Битдили
имам фырылдағынын үстү ачылдыгдан сонра мүртәчә руһаниләр соси-
ализмә зидд олан диқәр үнсүрләрлә сөзләшиб 1932-чи илдә Салјан ра-
јонунда «имамын зүһур етдији шајиәсини јајыб һәммин әһвалаты јени-
дән башламаға тәшәббүс етмишдиләр» [11]. Елә бу јахынларда Бақы
шәһәриндә бә'зи дәләдүз вә авантүрист адамлар пул јығмаг мәгсә-
дилә имам әһвалатыны јенидән ортаја чыхармаға чәһд етмишдиләр. Ла-
кин авантүристләрин бу чәһди дә баш тутмады. Бу көстәрилән фактлар
бир даһа сүбүт едир ки, имамәтчилик вә мөһдичилик әгидәләри-
нин Азәрбајчан совет атеистләри тәрәфиндән тәңгиди өз актуаллығыны
вә елми дәјәрини инди дә сахламагдадыр. Бу мәсәлә барәдә онларын
фикир вә мүнәкимәләри мүасир диндарларын имамәт әфсанәсинин пуч-
луғуна инамыны гүввәтләндирмәјә, һәммин әфсанәнин мүртәчә маһијјә-
тинә даһа јахындан бәләд олмаларына вә демәли онларда елми дүнја
көрүшүнүн формалашмасына јардым едир.

Әдәбијат

1. Ордубади М. С. Гурбан кәсмәк һаггында. Азәрнәшр, Бақы, 1930, с. 5.
2. Ордубади М. С. Мәһәррәмлик мөвһуматы вә онун синфи маһијјәти. Азәрнәшр. Бақы, 1931, с. 11.
3. Ордубади М. С. Мәһәррәмлик адәтләри әлејһинә. Бақы, Азәрнәшр, 1930, с. 14—15.
4. Бах: Ордубади М. С. Мәһәррәмлик адәтләри әлејһинә, с. 21—22. Јенә онун Мәһәррәмлик мөвһуматы вә онун синфи маһијјәти, с. 23.
5. Хулуфлу В. Мәһәррәмлик мүнәсибәтилә, Бақы, Азәрнәшр, 1932, с. 22.
6. Јенә орада, с. 22.
7. Ордубади М. С. Мәһәррәмлик адәтләри әлејһинә, с. 7—8.
8. Јенә орада, с. 8.
9. Хулуфлу В. Мәһәррәмлик мүнәсибәтилә, с. 24.
10. Бах: Ордубади М. С. Мәһәррәмлик адәтләри әлејһинә; Хулуфлу В. Мәһәррәм-
лик мүнәсибәтилә.
11. Бах: Сәттаров М. Соснализм гуручулуғу дөврүндә Азәрбајчан халгында ате-
изм дүнјакөрүшүнүн формалашмасы, Бақы. 1964, с. 81.

М. М. Саттаров, З. С. Азизова

КРИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНСКИМИ СОВЕТСКИМИ АТЕИСТАМИ В 1920—1930 ГОДЫ СУННИТСКОГО И ШИИТСКОГО НАПРАВЛЕНИЙ ИСЛАМА

В статье рассматриваются особенности и характер критики азербайджанскими советскими атеистами в 1920—1930 годы — Дж. Мамедкулизаде, М. С. Ордубади, В. Хулуфлу и другими суннитско-шиитского направлений ислама. На основе анализа трудов азербайджанских советских атеистов делается вывод о том, что они высказы-
вали ценные идеи и суждения по выяснению исторических корней и социально-эконо-
мических причин суннитско-шиитского разлада и дали блестящую критику его соци-
альных последствий. Говорится также о теоретическом и практическом значении их
научной критики мекхитских и имамитских верований шиитов.

Ч. Ф. МУСТАФАЕВ

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ (ТЕНДЕНЦИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ОСНОВАНИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ)

В свете задач юридической науки, вытекающих из решений XXVI съезда КПСС, повышается актуальность теоретической разработки проблем законодательного регулирования борьбы с антиобщественными, в том числе преступными, проявлениями. В связи с этим заслуживает внимания группа уголовно-правовых норм, предусматривающая административную преюдицию в качестве обязательного признака состава преступления. На недостаточную исследованность их в уголовно-правовой науке не раз указывалось в юридической литературе [1, 47]. В соответствии с конструкциями этих норм деяние, учиненное субъектом, признается преступлением, а лицо подлежит уголовной ответственности, если ранее за такие действия оно понесло административную ответственность и «состояние административной наказанности» не было аннулировано в установленном законом порядке.

В теории советского уголовного права некоторыми авторами административная преюдиция определяется как придание уголовно-правового значения предшествующему применению к виновному мер административного воздействия [2, 179; 1, 51]. Такое определение, на наш взгляд, не раскрывает с достаточной полнотой содержание определяемого. Во-первых, в интересующих нас статьях УК говорится о предшествующем применении к субъекту не любых мер административного воздействия, а только тех, которые именуется в законе административными взысканиями. Как известно, понятие административных мер воздействия значительно шире последних. Административным взыскания — лишь часть мер административного воздействия, не исчерпывающая последние. Во-вторых, не всегда придание уголовно-правового значения предшествующему применению к виновному мер административного воздействия может иметь в рассматриваемом отношении преюдициальное значение. Например, оно может учитываться при решении вопросов о возможности передачи лица, совершившего преступление, на поруки; о назначении наказания с учетом личности, об освобождении от уголовного наказания и т. д. Во всех этих и других случаях предшествующее применение к лицу, совершившему преступление, мер административного наказания характеризует личность виновного и учитывается судом в соответствии с уголовным законодательством при рассмотрении уголовного дела, т. е. имеет, несомненно, уголовно-правовое значение, но не играет преюдициальной роли, не входит в число обязательных условий, образующих в совокупности основания уголовной ответственности.

Отсутствует в приведенной выше характеристике административной преюдиции и указание на очень важный признак — неистечение

установленного законом срока, в течение которого лицо, подвергнутое за проступок административному взысканию, считается находящимся в «состоянии административной наказанности». Ведь истечение этого срока устраняет юридические последствия применения административного наказания.

Суть запрета, содержащегося в диспозитивной части уголовно-правовой нормы с административной преюдицией, заключается в велении не совершать описанных в административно-правовом акте действий (бездействий) во второй после применения к правонарушителю мер административного взыскания за эти деяния или в третий раз после двукратного применения названных мер (число взысканий определяется уголовным законом) и совершение вновь аналогичных деяний.

Таким образом, преступным закон расценивает последнее деяние, т. е. совершенное после того, как лицо, подверглось наказанию (наказаниям) в административном порядке.

В уголовно-правовых нормах с административной преюдицией, воплощающих в себе реагирование государства на преступления не большой общественной опасности (как правило, санкции этих норм в качестве максимальной меры наказания устанавливают лишение свободы: не свыше одного года), можно ясно видеть ряд важных черт, характерных для современного этапа развития советского уголовного законодательства. В них воплощаются идеи дальнейшей гуманизации уголовного законодательства; экономии уголовной репрессии; дальнейшей декриминализации деяний, не представляющих большой общественной опасности, постепенного перенесения составов последних из УК в область административного законодательства, а следовательно, сокращения сферы уголовной ответственности, замены последней ответственностью административной, как промежуточной для перехода к неправовым, т. е. морально-воспитательным, мерам воздействия; все более четкой обрисовки составов преступлений, как важного условия правильного применения уголовно-правовых норм правоохранительными органами; повышения профилактической роли закона и др. В них отчетливо проявляется тенденция расширения поля взаимодействия административного и уголовного законодательства, увеличения точек их взаимного соприкосновения, а это, несомненно, повышает эффективность правового регулирования общественных отношений, усиливает действенность охранительной функции закона.

Указанные идеи применительно к тем решениям, которые образуют содержание уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за некоторые разновидности преступлений, не представляющих большой общественной опасности, «приобретают способность реализоваться, восприниматься общественной жизнью» [3, 140] в результате определенной конструкции диспозиции нормы. Как верно подчеркивалось в литературе, «нельзя отделять формы законов от их содержания, то есть отделять вопрос о том, что выражает закон, от вопроса о том, как он это выражает» [4, 298]. Здесь имеется в виду внутренняя форма уголовно-правовой нормы, под которой понимается организация ее содержания [5, 40] система ее строения,

способ связей, структура [6, 225; 7, 18—19], т. е. ее конструкция*. Изложенное позволяет заключить, что вопрос о конструкции уголовно-правовой нормы не сводится лишь к технико-юридическому ее значению. Интерес к ней определяется не только с точки зрения юридической техники, хотя и это очень важно, но и с позиций социальной обусловленности конструкции**, которая может быть уяснена, если рассматривать ее через призму уголовной политики.

Отмеченное вытекает из сформулированного В. И. Лениным положения о том, что закон «есть мера политическая, есть политика» [8, 99]. В соответствии с ленинскими положениями советский уголовный закон — одна из важнейших форм официального выражения и закрепления политики партии и государства в области борьбы с преступностью [9, 17] и вместе с тем — «инструмент ее осуществления» [10, 114—115].

Известно, что к числу основополагающих принципов советской уголовной политики относится принцип социалистической законности, предполагающий, в частности, правильное применение закона органами уголовной юстиции, а это во многом зависит и от законодательного конструирования правовой нормы. Законодатель избирает технико-юридический прием, наиболее отвечающий тем целям, которые он перед собой ставит.

Конструкция рассматриваемых норм, обусловленная потребностями следственной и судебной практики в четких критериях для разграничения одноименных административных деликатов и преступлений, создает оптимальные возможности для правильного восприятия содержания и применения уголовного закона***, а стало быть, успешной реализации названного выше принципа уголовной политики. Построение анализируемых составов отражает характерное для действующего советского уголовного законодательства стремление к четкому конструированию диспозиций норм и точному определению границ уголовной ответственности. Оно согласуется с генеральными направлениями советской уголовной политики, «...позволяет тоньше, точнее регулировать различные стороны общественных отношений» [12, 64].

Сказанным определяется то важное значение рассматриваемых конструкций, которое они имеют для перспектив развития советского уголовного права, на что уже обращалось внимание в юридической литературе [13]. Однако можно встретить и иное мнение. Некоторые авторы полагают, что декриминализация мелкого хулиганства, мелкой спекуляции и скупки, продажи и обмена в небольших размерах

* Помимо внутренней формы права, в теории различают еще и ее внешнюю форму, под которой понимается форма нормативных актов, как источников права (например, закон).

** А. В. Наумов пишет, что «...форма уголовно-правовых предписаний, как способ формулирования не произвольна, а социально обусловлена...», что социальные «...факторы влияют на выбор законодателем той или иной формы не прямолинейно и однозначно, связь эта более тонкая и сложная» [7, 27].

*** «Использование современных юридических конструкций законодателем, — подчеркивает А. Ф. Черданцев, — ведет к совершенствованию законодательства». Вместе с тем велико значение этих конструкций в сфере правоприменения: «Юридическая конструкция служит схемой, которая обрывается знаниями о содержании правовых норм, полученными с помощью различных способов толкования... Использование юридической конструкции... побуждает должностное лицо, исследующее фактическую основу того или иного юридического дела, установить все обстоятельства, характеризующие элементы соответствующей юридической конструкции» [11, 17].

валюты или ценных бумаг (составы этих преступлений содержали указания на административную преюдицию), «переключение» законодателем из категории преступлений в категорию административных проступков, с точки законодательного подхода к перспективам конструирования уголовно-правовых норм с административной преюдицией имеет принципиальный характер [14, 125].

Полагаем, что такого рода прогнозы не основаны на достаточно прочном фундаменте изучения законодательного материала. Напротив, при историческом подходе к решению вопроса нетрудно обнаружить как раз-таки обратный процесс — четко прослеживающуюся тенденцию к росту числа норм с административной преюдицией. Так, если в УК союзных республик, принятых в 1926—1935 гг., их было буквально единицы (например, в УК АзССР 1927 гг. — всего 3 уголовно-правовые нормы), то уже во время принятия республиканских УК 1959—1961 гг. число их заметно возросло (в УК Аз. ССР 1960 г. в первоначальной редакции насчитывалось 6 уголовно-правовых норм). В последующие годы действующие УК союзных республик (заметим, и после декриминализации мелкого хулиганства и других упомянутых выше деяний) были дополнены целым рядом статей с упомянутым признаком, а некоторые составы реконструированы в результате введения в число признаков состава указаний на предшествующее применение к виновному мер административного взыскания.

В настоящее время в УК Аз. ССР число уголовно-правовых норм, предусматривающих составы с административной преюдицией в качестве конструктивного признака, приближается к двадцати. Конечно, процесс роста количества составов такой конструкции протекал не однозначно: отдельные составы устранялись из УК полностью (например, состав мелкой спекуляции), либо исключалась лишь административная преюдиция, т. е. состав подвергался лишь реконструированию (например, состав изготовления самогона без цели сбыта). Думается, что исключение некоторых составов с признаком административной преюдиции объясняется не тем, что означенные конструктивные решения не оправдали себя, а реализацией уголовной политики в том ее направлении, которое характеризуется постепенным сокращением сферы уголовной репрессии в отношении деяний не большой общественной опасности. В этой области нормы с рассматриваемым преюдиционным признаком являются одним из средств постепенного претворения в жизнь идеи сужения сферы уголовно-правового воздействия, замены последней мерами административно-правового характера. Конечно, историческая тенденция постепенного сокращения сферы уголовной репрессии не устраняет возможности внесения в законодательство изменений и дополнений иного характера — исключения из диспозиции нормы указаний на административную преюдицию, когда возникает необходимость усилить уголовно-правовое воздействие в целях повышения эффективности борьбы с отдельными нарушениями закона. Однако, полагая, что в рассматриваемой области такое направление не является ведущим. Признавая в некоторых случаях криминализацию соответствующих деяний необходимой и оправданной, следует вместе с тем подчеркнуть, что она — исключение из общей закономерности направления развития советского уголовного права и в силу этого не может получить сколько-нибудь значительного развития [15, 15].

Некоторые криминалисты в обоснование своих рекомендаций сократить нормативные конструкции с административной преюдицией приводят иную аргументацию. Б. А. Миренский, например, исходит из того, что, во-первых, нормы с административной преюдицией применяются в практике правоохранительных органов и, во-вторых, бланкетные диспозиции, с помощью которых описываются и рассматриваемые составы, ограничивают возможности выражения в законе соответствующих положений, а это вызывает необходимость распространительного толкования. В этой связи, как полагает названный автор, «...наиболее удобной является описательная диспозиция, так как при ее применении не требуется дополнительного толкования и использования других уголовно-правовых норм, а также материала» [16, 91].

Возражая автору, нельзя не заметить, что едва ли можно назвать уголовно-правовую норму, применению которой не предшествовало бы ее толкование, т. е. уяснение в соответствии с волей законодателя ее смысла, содержания. Не является исключением и описательная диспозиция, которая обобщенно описывая признаки отдельного вида преступления, тем не менее характеризует этот вид уголовно-наказуемого деяния неполно, поскольку «всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы» [17, 318]. Как справедливо считает С. Г. Келина, толкование уголовного закона — обязательная стадия его применения [18, 39].

Нельзя согласиться и с доводом Б. А. Миренского о том, что нормы с административной преюдицией мало применяются правоприменительными органами. Здесь вопрос о конструкции, внутренней форме закона, подменяется вопросом о его содержании. Однако при всем этом, в рассматриваемом аспекте проблемы важно заметить, что неприменение уголовно-правовой нормы вовсе не может само по себе привести к выводу о ее ненужности, бесполезности. Более того, такое положение может быть показателем ее высокой эффективности, хорошо выполняемой превентивной роли.

В поддержку нашего мнения можно было бы, помимо указанного, сослаться на аргументы, высказанные в юридической литературе в защиту бланкетных диспозиций вообще [19], поскольку диспозиции с указанием на предшествующее применение к виновному мер административного наказания — разновидность бланкетных. Наконец, в пользу мнения о перспективности рассматриваемых нормативных конструкций говорят исследования проблем Особенной части уголовного права, выдвигающие в целях совершенствования законодательства рекомендации вывести в соответствующие диспозиции статей УК признак административной преюдиции [20].

Как для положительного решения вопроса о позитивной роли рассматриваемых норм в действующем законодательстве, так и для решения вопроса о значении этих норм для развития советского уголовного права немалое значение имеет теоретическая обоснованность установления законом уголовной наказуемости деяний при условии их повторного совершения лицом, подвергнутым ранее за аналогичные деяния мерам административного взыскания. Решение данного вопроса имеет не только «локальное», но и более общее значение, как в плане разработки вопросов оснований криминализации общественных опасных деяний, так и оснований уголовной ответственности.

Решение вопросов об основаниях установления уголовной ответственности за повторные аналогичные деяния, совершенные после применения административного взыскания, вытекает из решений более общих взаимосвязанных между собой проблем разграничения преступлений и административных проступков, определения общего и особенного, присущего этим правовым явлениям; оснований криминализации деяний; дифференциации юридической ответственности и др. Ограничиваясь лишь констатацией этой связи и не претендуя на обстоятельное освещение ее, поскольку круг этих вопросов может быть предметом самостоятельного исследования, определим лишь те главные исходные положения, опираясь на которые можно высказать соображения относительно оснований установления законодателем уголовной ответственности в указанных выше случаях.

Наиболее общая предпосылка упомянутого законодательного решения заключается в том, что повторность нарушения закона в рассматриваемой ситуации — показатель такой степени общественной опасности, которая позволяет отнести содеянное к преступлению и требует в целях борьбы с ним уголовно-правовых средств*.

Общественная опасность — свойство преступления, которое находит свое содержание во всех элементах преступления. Она получает свое отражение в уголовном законе, предусматривающем совокупность признаков, характеризующих деяние в качестве определенного вида преступления, при этом каждый из элементов преступления по-своему влияет на формирование общественной опасности [22, 88]. Как справедливо замечает В. М. Коган, «наличие либо отсутствие уголовно-правового запрета нередко определяется наличием либо отсутствием в социально-рассогласованном поведении какого-либо одного признака, который придает всему поведению новое качество, перевешивая чашу весов в ту или другую сторону. Роль «последней капли» в уголовно-правовом законотворчестве играют не только характер или размер вреда, но также особые свойства деятеля...» [23, 95].

Отталкиваясь от приведенных общих положений и сопоставляя составы административного правонарушения, с одной стороны, и преступления — с другой, можно придти к мысли о том, что одной из важных отличительных черт их являются признаки, характеризующие субъектов. В составе преступления приводится такой, характеризующий личность виновного признак, как применение к лицу административного взыскания, показывающее упорное нежелание лица выполнять требования административного закона и свидетельствующее об асоциальных свойствах субъекта. Однако было бы неверным, на наш взгляд, различать рассматриваемые административные деяния и преступления только по их субъектам.

Лишь в органической связи с другими признаками состава, представляющего собой их единство, а не простую сумму, признаки, характеризующие личность виновного, влияют на решение вопроса об уголовной ответственности. По справедливому замечанию Ю. А. Демидова, «...общественная опасность личности виновного может занять

* Здесь и далее мы исходим из того, что не только преступления, но и административные проступки общественно опасны. Различие между ними — в степени этой опасности [21, 165—172].

доминирующее положение по отношению к общественной опасности деяния, не становясь тем не менее основанием уголовной ответственности» [24, 96]. Особое внимание следует обратить в составе преступления на содержание умысла, который в отличие от умысла как элемента административного проступка, характеризуется сознанием того, что субъект ранее уже подвергался мерам административного наказания и вновь нарушает юридические запреты.

Примечания

- ¹ См.: *Симиненко А. Н.* Характеристика составов преступлений с административной преюдицией по УК РСФСР. — В кн.: Уголовно-правовые средства борьбы с преступностью: Межвузовский сб. научных трудов. Омск, 1983.
- ² *Боровиков В. Б.* Преюдиции в советском уголовном праве. — Государство, право и демократия в условиях развитого социалистического общества. Тезисы 2-ой конференции аспирантов МГУ, ВЮЗИ. М., 1973.
- ³ *Нашиц А.* Правотворчество. Теория и законодательная техника. — М., 1974.
- ⁴ *Рандау Х. А.* О научном исследовании теоретических вопросов совершенствования законодательства. — Изв. АН ЭССР. Сер. обществ. наук. 1964, № 4.
- ⁵ *Брайнин Я. М.* Уголовный закон и его применение. М., 1967.
- ⁶ *Керимов Д. А.* Философские проблемы права. М., 1972.
- ⁷ *Наумов А. В.* Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность. — В кн.: Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984.
- ⁸ *Ленин В. И.* К вопросу о диалектике. Полн. собр. соч., т. 30.
- ⁹ См.: *Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И.* Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве. — М., 1979.
- ¹⁰ Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. Под ред. В. Н. Кудрявцева и А. М. Яковлева. — М., 1982.
- ¹¹ *Черданцев А. Ф.* Юридические конструкции, их роль в науке и практике. — Правоведение, 1972, № 3.
- ¹² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
- ¹³ См.: *Кузнецова Н. Ф.* О путях сужения сферы уголовной ответственности. — Сов. гос. право, 1964, № 7, с. 55—64; *Малков В. П.* Повторность проступка и уголовная ответственность. — Казань, 1968, с. 19—20; *Кудрявцев В. Н.* Право и поведение. — М., 1978, с. 157.
- ¹⁴ См.: *Гарбуза А. Д., Сахаров Е. А.* Кодификация законодательства об ответственности за проступки. — Сов. гос. и право, 1979, № 9.
- ¹⁵ *Сахаров А. Б.* Планирование уголовной политики и перспективы развития уголовного законодательства. — Сб.: Планирование мер борьбы с преступностью. — М., 1982.
- ¹⁶ *Миренский Б. А.* Теоретические основы совершенствования советского уголовного законодательства. — Ташкент, 1983.
- ¹⁷ *Ленин В. И.* О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». — Полн. собр. соч., т. 29.
- ¹⁸ См.: Советское уголовное право: Часть общая. — М., 1964. Полагаем, что это положение вовсе не исключает того, что толкование осуществляется и другими органами государственной власти, научными учреждениями, учеными-юристами, гражданами.
- ¹⁹ См.: *Кудрявцев В. Н.* Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. с. 131; *Хан-Магомедов Д. О.* Научно-технический прогресс и вопросы ответственности за нарушение правил использования техники. — В сб.: Научно-технический прогресс и проблемы уголовного права. М., 1975, с. 25; *Беляева Н. В.* Некоторые вопросы применения бланкетных диспозиций УК и их классификация. — Вопросы борьбы с преступностью. М., 1979, с. 73; *Пикуров Н. И.* Квалификация преступлений при бланкетной форме диспозиций уголовного закона: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. — М., 1972.
- ²⁰ См.: *Абакаров Т. А.* Уголовная ответственность за частнопредпринимательскую деятельность. — Сов. гос. и право, 1984, № 8, с. 139; *Тоболкин П. С.* Уголовная ответственность за занятие запрещенным промыслом: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. — Свердловск, 1969, с. 25—26.
- ²¹ См.: Курс советского уголовного права: Часть общая. — ЛГУ, 1968, т. 1.

- ²² *Кудрявцев В. Н.* Теоретические основы квалификаций преступлений. — М., 1963.
- ²³ *Коган В. М.* Социальный механизм уголовно-правового воздействия. — М., 1983.
- ²⁴ *Демидов Ю. А.* Социальная ценность и оценка в уголовном праве. — М., 1975.

Ч. Ф. Мустафаев

СОВЕТ ЧИНАЈӘТ ҺУГУГУНДА ИНЗИБАТИ ПРЕЈУДИСИЈА (ГАНУНВЕРИЧИЛИКДӘ ТЕНДЕНСИЈА ВӘ ЧИНАЈӘТ МӘС'УЛИЈӘТИ МҮӘЛҖӘН ЕДИЛМӘСИНИН ӘСАСЛАРЫ)

Ганунверичилијин инкишаф тарихинин өјрәнилмәси муттәфиг республикаларын чинајәт мәчәлләләриндә инзибати прејудисија мҮәлҖән едән чинајәт Һугуги нормаларын сајынын артмасыны көстәрир. Белә бир вәзијјәт дәвләтин чинајәт сијасәтинин ичтимаи тәһлүкәлилији аз олан чинајәтләрә мүнәсибәтини әкс етдирир. Мәгаләдә совет чинајәт ганунверичилијиндә көстәрилән мејлләрин давам етдирилмәси һаггында фикир әсасландырылыр. Бундан әлавә мҮәллиф белә һесаб едир ки, гејд олуан Һугуг нормалары мҮгәсирин шәхсијјәтинин хусусијјәтләринин нәзәрә алмагла чинајәт мәс'улијјәтинин дифференсија дәринләшмәси мејлини әкс етдирир.

РЕЦЕНЗИЯ

НА КНИГУ ОЯЯ БАЙДАР «ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА ТУРЦИИ». —
ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ, 1981. — 380 с.*

Рецензируемая монография лидера бывшей Социалистической партии Турции Ойя Байдар посвящена важной проблеме истории возникновения и формирования рабочего класса Турции. Книга написана на основе марксистско-ленинской методологии, хотя в ней обнаруживаются спорные моменты, касающиеся идеологических аспектов борьбы рабочего класса Турции.

Введение книги представляет собой краткое конспективное изложение основных положений марксистского учения о роли труда в формировании человека, об общественно-экономических формациях, классах и классовой борьбе, пролетариате, причинах и закономерностях его зарождения и формирования как класса. Автор при рассмотрении этих вопросов опирается на произведения «Принципы коммунизма» Ф. Энгельса, «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Капитал» К. Маркса, «Что делать?» В. И. Ленина. Вопрос истории рабочего класса Турции Ойя Байдар изучает поэтапно.

В первом разделе книги автор подробно характеризует социальные и экономические условия, в которых происходит процесс зарождения турецкого рабочего класса. Этот этап, по мнению автора, охватывает 1839—1870 годы, т. е. период после Тензимата, когда в истории Османской империи начинается «новое время». В эти годы наблюдается заметный рост традиционных отраслей промышленности и появление сети новых с помощью местного и иностранного капитала при непосредственном участии или же содействии государства (с. 42). Этап характеризуется возникновением немногочисленных отрядов рабочего класса Турции, работающих в тяжелых условиях, получающих мизерную заработную плату за свой труд, — а иногда даже четырнадцатичасовой труд. В этот период, как справедливо замечает автор, не было каких-либо признаков рабочего движения. Правда, в конце 60-х годов возникают, так на-

зываемые, «Общества по защите рабочих» («İşçi Koruma Dernekleri»). Они носили благотворительный характер. Инициаторами создания их были представители немусульманской буржуазии и прогрессивная османская интеллигенция (с. 52).

Второй этап истории возникновения рабочего класса Турции (1870—1908 гг.) совпадает с периодом превращения Османской империи в полуколонии западных держав. Для этого этапа рабочего класса характерны его крайняя неоднородность, пестрота, обособленность. По мере расширения промышленных предприятий ширь и глубь еще больше ухудшаются условия труда, а заработная плата растет все медленнее. Примером может послужить следующий показатель: если рабочий угольной шахты Эрегли в 1849—1862 гг. получал в день 4 курушей то в 1891—1899 гг. — 6 курушей.

Период с 1870 по 1908 гг. О. Байдар характеризует как превращение турецкого рабочего класса «из класса в себе» в класс для себя». В эти годы рабочий класс Турции делает первые шаги на пути экономической борьбы, применяя такие ее формы как стачки и забастовки, которые в определенной мере содействовали развитию его классового самосознания.

В конце XIX столетия в стране появляются первые рабочие организации. Однако лишь одну из них — Османское рабочее общество (Osmanlı Amce Cemiyeti), — возникшую в 1894 г. на заводе Топхане, автор считает организацией турецкого рабочего класса (с. 81).

Особое внимание О. Байдар обращает исследованию третьего этапа истории возникновения рабочего класса Турции, который охватывает 1908—1923 годы и оценивается автором как «период его пробуждения».

Характерной чертой для автора является и его объективный подход к анализу внутренних и внешних факторов, повлиявших на становление и формирование турецкого рабочего класса. Так, на судьбы рабочего движения страны огромное влияние оказали два таких важных внутренних фактора,

как национально-освободительное движение и официальная идеология Турецкой республики — кемализм. В этом разделе автор выпукло показывает влияние мирового революционного процесса, в частности, влияние Великой Октябрьской социалистической революции на ход развития исторических событий в стране. Пробелом в этом вопросе, однако, является то, что автор не учитывает влияния и роли первой русской революции 1905 г., революционных событий в Закавказье, Иране, на Балканах, под воздействием которых в годы младотурецкой буржуазной революции бурно началось забастовочное движение, зародилось рабочее и социалистическое движение.

Знаменательным событием этого этапа истории рабочего класса Турции, по мнению автора, было образование Коммунистической партии Турции. Автор справедливо разоблачает ложный характер турецкой коммунистической партии, созданной анкарским правительством, указывая, что подлинной является компартия Турции, которая входила в состав III Интернационала.

Примечательной особенностью книги является то, что процесс формирования турецкого рабочего класса автор рассматривает на фоне идейных течений в стране. Особенностью этого процесса, считает автор, было то, что его состав был многонационален. Кроме того, господствующая в годы национально-освободительного движения идеология — идея национализма стала внедряться в ряды все еще слабого и обособленного турецкого рабочего класса, которая к этому времени не представляла собой силу, способную осуществить социальную революцию.

Заключительный раздел книги автор посвятил распространению вопроса идеологии кемализма. В целом советские ученые расценивают кемализм как идеологию национально-освободительного движения, опирающуюся на такие принципы, как республиканство, национализм, этатизм, ланцизм, народничество, революционность. Между тем, О. Байдар считает национально-освободительную идеологию одной из опор кемализма. По ее мнению, основными принципами кемализма являются идея западничества, идея национальной независимости, а также народничество. В процессе изучения данного вопроса автор пытается определить степень влияния идеологии кемализма на формирование самосознания турецкого рабочего класса.

Как известно, отсутствие развитого рабочего класса в полуколониальной Турции, обусловленное отсталостью

промышленности страны, не создавало ни объективных, ни субъективных условий для гегемонии пролетариата в национально-освободительной борьбе. Поэтому освободительное движение возглавила турецкая национальная буржуазия, усилившаяся в годы первой мировой войны. После победы над оккупантами возрос ее авторитет среди народных масс, и тем самым она смело начала распространять в Турции свое политическое и экономическое влияние, следовательно свою идеологию — национализм, который был особенно актуален в годы борьбы против захватчиков страны (с. 372). Несмотря на свою молодость, она очень быстро увидела в лице турецкого рабочего класса своего врага, начала с ним борьбу. Слабый и все еще нерешительный рабочий класс Турции был вынужден уступить историческую арену национальной буржуазии и временно отойти для того, чтобы укрепить свои ряды и вновь решительно вступить в борьбу против эксплуататорских классов, о чем ярко свидетельствуют события 1960—1970 гг., когда численность ее достигла более 3 млн., ряды ее окрепли и организационно, и идейно. Изучение этого этапа не является задачей автора.

Таким образом, книга О. Байдар, благодаря собранному в ней большому фактическому материалу и прогрессивным взглядам автора, представляет собой несомненный интерес. Она ярко отражает идейно-политический рост автора, ее воззренческую зрелость, освобождение от мелкобуржуазных наслоений, так характерных для большинства активистов левого студенческого и молодежного движений, видным представителем которого была и О. Байдар. Если достоинством рецензируемой книги автора является то, что она широко отразила и учла достижения не только турецких, но и западно-европейских, в частности болгарских ученых, то ее существенным недостатком является то, что вне поля ее зрения остались труды таких советских авторов, как Н. Г. Киреев, Р. П. Корниенко, П. П. Моисеев, А. Д. Новичев, Ю. Н. Розалиев, посвященных различным аспектам вопроса истории возникновения и формирования рабочего класса Турции.

Несмотря на это, книга представляет большой интерес и ценность для специалистов по рабочему движению в странах Востока, а также тех, кто занимается историей международного профсоюзного, социалистического и коммунистического движений.

Х. Г. ГАСАНОВА

* Oya Baydar, Türkiye işçi Sınıfı Tarihi (I) Frankfurt, 1981. — 380 s.

МҮНДЭРИЧАТ

А. И. Халилов. Совет Азербайджанынын ilk вайид елм мэркэзи	32
Г. Ю. Намазов. Азербайжан ССР совхоз фəһлэлəринин мэдəни-техники сə- вијјəсинин артмасы вə јүксəлмəsi	11
Р. М. Мусəев. Азербайжанда јени китабханаларын тəшкилиндə фəһлə синфинин фəалијјəти	18
З. Султанова. Түрkiјдə кəнчлэр хəрəкəтынн бə'зи чэрəјанлары хаггында	25
З. С. Ахундзаде. Н. А. Поповун «Сербия Парис сүлх мугавилəсиндэн сонра» монографијасы үзрə 1858—1959-чу иллəрдə Сербияда дахили сiјаси бəһ- ран	31
Н. Таһирзаде. Азербайжанын (XIX əсрин сону—XX əсрин əввəллəри) та- рихи-этнографик чəһəтдэн өјрəнилмəsiндə Азербайжан мугəллимлəринин ролу	38
А. Х. Асланов. XX əсрин əввəллəриндə Азербайжанда кəндли хəрəкəты тарихиндэн (һачы Јусиф Əли оғлунун башчылығы алтында гачаг дəстəсинин чыыхшы хаггында)	45
М. Х. Гейдаров. Јахын Шəрг өлкəлəриндə сənəткарлыг тəшкилатларынын əхилэрлə гаршылыгы əлагəsi тарихинə даир	52
Ч. М. Мустафаев. XVIII əсрин сону—XIX əсрин əввəллəриндə Азербай- жан ханлыгларынын Русија илə гаршылыгы əлагэлəри мəsəлəсинə даир	61
З. Н. Бəдəлова, Һ. П. Кəсəмəнли. Мухуртəпə орта əср јашајыш јери	68
Ф. В. Гадиров. Гараултəпəдə археоложи газынтылар	75
Е. Ј. Чавадова. Һəsəнбəј Зардабинин əсэрлəриндə Азербайжанда малдарлыг мəsəлəлəри	87
А. М. Шукүров. Мүасир дөврүн глобал проблемлəри хаггында	94
А. Ф. Аббасов. Психик бүтөвлүк просесслəри тəдгигатларынын диалекти- касы вə мəнтиги	101
Р. М. Бархударов. Кимјада сəбəбијјəт əлагəsi	108
Г. Н. Əлијева. Естетик категоријаларын системлəшдирилмəsiнə даир	114
М. М. Сəттаров, З. С. Əзизова. 1920—30-чу иллəрдə Азербайжан совет атенстлəри тэрəфиндэн исламын сүнни вə шиə мəsлəклəринин тəнгиди	119
Ч. Ф. Мустафаев. Совет чинајəт һугугунда инзибати прејудисија (һанун- веричиликдə тенденсија вə чинајəт мəс'улијјəти мугəјјан едилмəsiинин əсаслары	124

Ресензија

Х. Г. Һəsəнова Ојја Байдарын «Түрkiјə фəһлə синфинин тарихи» (Франкфурт- Мајн, 1981—380 с.) əсəri хаггында	132
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Халилов. Общество обследования и изучения Азербайджана — первый единый научный центр республики (к 60-летию создания)	3
Г. Ю. Намазов. Рост и повышение культурно-технического уровня рабочих совхозов Азербайджанской ССР (1951—1958 годы)	11
Р. М. Мусеев. Деятельность рабочего класса по созданию новых библио- тек в Азербайджане (1920—1927 годы)	18
З. Султанова. О некоторых течениях в турецком молодежном движе- нии (60-годы)	25
З. С. Ахундзаде. Внутриполитический кризис в Сербии в 1858—1859 годах по монографии Н. А. Попова «Сербия после парижского мира»	31
Н. Таирзаде. Вклад Азербайджанских учителей в историко-этногра- фическое изучение Азербайджана (конец XIX—начало XX в.) I.	38
А. Асланов. Из истории крестьянского движения в Азербайджане в начале XX века	45
М. Х. Гейдаров. К истории взаимоотношений ремесленных организа- ций с ахи в странах Ближнего востока	52
Дж. Мустафаев. К вопросу о взаимоотношениях Азербайджанских ханств с Россией на рубеже XVIII—XIX веков	61
З. Н. Бадалова, Г. П. Кесеманлы. О средневековом поселении Мухуртепе	68
Ф. В. Гадиров. Археологические раскопки на Гараултепе	75
Э. Ю. Джавадова. Вопросы скотоводства в Азербайджане в трудах Г. Зардаби	87
А. М. Шукүров. О глобальных проблемах современности	94
А. Ф. Аббасов. Диалектика и логика исследований психического как целостного процесса	101
Р. М. Бархударов. Причинная связь в химии	108
Г. Н. Алиева. К вопросу о систематизации эстетических категорий	114
М. М. Саттаров, З. С. Азизова. Критика Азербайджанскими совет- скими атеистами в 1920—1930 годы суннитского и шиитского направлений ислама	119
Ч. Ф. Мустафаев. Административная преюдиция в советском уголов- ном праве (тенденция в законодательстве и основания установления уголов- ной ответственности)	124

Рецензия

Х. Г. Гасанова. На книгу Ойя Байдар «История рабочего класса Турции». — Франкфурт-на-Майне, 1981, 380 с.	132
---	-----

Сдано в набор 10.01.85. Подписано к печати 15.03.85. ФГ 02612.

Формат бумаги $70 \times 100 \frac{1}{16}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура шрифта литературная. Печать высокая. Усл. печ. лист 11,05. Усл. кр.-отт 11,05.

Уч.-изд. лист 10,2. Тираж 1160. Заказ 16. Цена 80 коп.

Издательство «Элм».

370143 Баку-143, проспект Нариманова, 31, Академгородок, Главное здание.
Типография АН Азербайджанской ССР. Баку, проспект Нариманова, 31.